ЗАПИСКИ О САРАТОВѢ К. И. ПОПОВА.

I.

Губернаторство А. Д. Панчулидзева.

1808—1826 г.

Центръ города въ 1810-хъ—1820-хъ гг.—Число церквей, объ устройствѣ ихъ.—О старинныхъ фамиліяхъ дворянъ и купцовъ.—Основаніе новаго собора.—Бульваръ.—Учрежденіе гимназіи.—Устройство стараго гостинаго двора.—Благоустройство г. Саратова.—О пожарахъ.—Учрежденіе пожарной команды.—Почтовыя дороги.—Характеристика и дѣятельность Панчулидзева.—Театръ.—Чиновники губернскаго правленія и межевой канцеляріи.—Домъ губернатора.—Народныя увеселенія.—Чиновники Симоновъ, Ивановъ, Печелинъ.—Полицеймейстеръ Ищейкинъ.—Пребываніе гусарскихъ полковъ въ Саратовской губерніи.—Ожиданіе въ 1824 г. Государя Императора Александра I въ г. Саратовѣ.—Жизнь преосвященнаго Амвросія въ 1823 г. въ Саратовѣ.—Восшествіе на престолъ Императора Николая Павловича.—Вице-губернаторъ Бибиковъ.—Увольненіе Панчулидзева и сенаторская ревизія.—Жизнь Панчулидзева, смерть его и похороны.—О жизни помѣщиковъ, купцовъ и крестьянъ въ то время.—Справочныя цѣны съ 1822—1830 г.

Послѣ губернатора П. У. Бѣлякова *) саратовскимъ губернаторомъ былъ назначенъ Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ. Онъ прежде былъ вице-губернаторомъ. Тогда вице-губернаторы предсѣдательствовали въ казенныхъ палатахъ. До вице-губернаторства А. Д. Панчулидзевъ состоялъ совѣтникомъ солевозной коммисіи, впослѣдствіи переименованной въ управленіе Элтонскаго солянаго озера, какъ передавали предки мои и какъ видно изъ преданій о Саратовской губерніи.

Въ то время центръ Саратова былъ тамъ, гдѣ старый Троицкій

*) Петръ Ульяновичъ Бѣляковъ правилъ Саратовскою губерніею съ марта 1802 г. по 1807 г.; онъ былъ первымъ изъ числа саратовскихъ губернаторовъ, который интересовался ввѣреннымъ ему краемъ съ научной, такъ сказать, стороны. Онъ скоро по вступленіи въ должность задумалъ составить описаніе губерніи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Работа эта возложена была имъ на нижніе земскіе суды, или, что тоже, на земскихъ исправниковъ; но полнаго описанія такъ и не удалось ему собрать по неимѣнію людей, способныхъ на это. (Протоколъ VII общаго собранія Сар. Уч. Арх. Ком., 1887 г., стр. 4—9).

Предъ отъѣздомъ Государя въ армію, оберъ прокуроръ Петръ Степановичъ Молчановъ, преданный Куракинымъ, отправленъ былъ въ Саратовъ по

соборъ. Вмѣстѣ съ соборомъ всѣхъ церквей было только восемь: а именно, послѣ собора: 1) Преображеніе Господне, на горахъ, за Глѣбучевымъ буеракомъ, почти на берегу р. Волги. При этой церкви помѣщался мужскій монастырь до сооруженія нынѣ существующаго Спасо-Преображенскаго монастыря въ 5 верстахъ отъ Саратова къ сѣверо-западу, по московскому тракту. 2) Казанскія Божія Матери, тоже на берегу Волги: тутъ ежегодно производится до настоящаго времени въ маѣ мѣсяцѣ ярмарка съ продажей фаянсовой и хрустальной посуды, а равно и глиняной и прочихъ товаровъ, какъ-то: холстовъ, полотна, нитокъ, мыла, разныхъ пряностей. Товары сплавляются по Волгѣ изъ верховыхъ губерній на судахъ (дощаникахъ) разными промышленниками; ярмарка продолжается почти цѣлый мѣсяцъ. 3) Рождества Богородицы, она-же Никольская: здѣсь нѣшій базаръ, корпусъ лавокъ, принадлежащихъ этой церкви, вблизи гостинный дворъ, гдѣ производится другая ярмарка, съ 22 октября до 22 ноября, называемая Введенскою. 4) Вознесенія Господня, она-же Михаило-Архангельская, старая церковь: она впослѣдствіи обращена въ единовѣрческую, а вмѣсто нея вновь сооружена иждивеніемъ почетнаго гражданина г. Саратова Х. И. Образцова въ 1835 году. Возлѣ этой церкви нынѣ существуетъ лѣтомъ распродажа горянскаго товара, а зимой—привозимой изъ Астраханской губерніи рыбы: въ прежніе же годы былъ здѣсь базаръ и продавались всѣ припасы. 5) Воздвиженія Креста Господня, прежде приходская, а нынѣ—церковь женскаго монастыря. 6) Введенская, она-же и Покровъ Божіей Матери. Эти церкви расположены почти всѣ рядомъ и отстоятъ одна отъ другой не далѣе какъ 50—200 саженъ. Разсказывали старожилы, что въ тѣ времена богатые купцы, соперничая одинъ предъ другимъ, старались сооружать на собственное свое иждивеніе храмы Божіи или возлѣ своихъ домовъ, или неподалеку отъ нихъ, гдѣ было удобно, чтобы съ

какому то пустому дѣлу, но съ тайнымъ порученіемъ обстоятельно развѣдать о поступкахъ губернатора Бѣлякова. Подъ разными ничтожными предлогами проживъ тамъ все лѣто, онъ осенью воротился съ возомъ обвиненій и неоспоримыхъ доказательствъ низости любимца Кочубсева. Бѣляковъ былъ призванъ въ Петербургъ и преданъ суду. Ударъ сей нанесенъ былъ самому министру, который горячо за сіе дѣло вступился. Утверждаютъ будто въ жару разговора Императоръ Александръ I далъ ему почувствовать, что почитаетъ его прикосновеннымъ къ злоупотребленіямъ въ Саратовской губерніи; будто обиженный тѣмъ Кочубей сказалъ, что послѣ того оставаться ему не возможно и получилъ въ отвѣтъ, „что ни кто его не удерживаетъ“. (Воспоминанія Вигеля).

По удаленіи П. У. Бѣлякова, никто не былъ назначенъ на его мѣсто и временно управлялъ губерніею вице-губернаторъ А. Панчулидзевъ, который затѣмъ былъ назначенъ и губернаторомъ.

своей семьей и со всѣми служащими, быть при божественной литургіи въ своей церкви, а не другимъ кѣмъ сооруженной. Этотъ отголосокъ старожиловъ заслуживаетъ вѣроятія, потому что въ этихъ мѣстахъ не было и теперь нѣтъ ни одного дома, который-бы принадлежалъ помѣщику или чиновнику, а все купеческіе, большаго размѣра, каменные, двухъ-трехъ этажные; вблизи почти каждаго большаго дома и расположена церковь. Только одна 7) Нерукотвореннаго образа Господа Іисуса Христа—стоитъ въ отдаленности сихъ церквей, она впослѣдствіи времени была перестроена нждивеніемъ бывшаго губернскаго прокурора и помѣщика г. Максимова, который возлѣ этой церкви имѣлъ свой домъ (теперь принадлежитъ купцу Шортану).

Всѣ эти церкви существовали до назначенія Саратова губернскимъ городомъ.

Домъ губернатора Панчулидзева былъ тотъ самый, который теперь принадлежитъ губернской муж. гимназіи.

Корпусомъ присутственныхъ мѣстъ, архіерейскимъ домомъ и бывшимъ купца Малѣевскаго на Московской улицѣ, оканчивались лучшія постройки домовъ. Улицы были расположены весьма неправильно. Переулки не болѣе 5—6 саженъ ширины и теперь можно видѣть, начиная отъ Валовой улицы, гдѣ Нѣжній базаръ, до старой 2-й части. Постройки возводились по произволу каждаго домохозяина такъ, какъ для него было удобнѣе, безъ препятствій съ чьей-либо стороны. Далѣе къ югу и сѣверу, по площадямъ Соборной и Театральной, были каменные и деревянные дома, довольно обширные; но ихъ окружали разныя избушки и лачужки, выстроенные безъ соблюденія правильности улицъ и фасадовъ. Многіе дома не были обнесены заборами, стояли среди улицъ или переулковъ; избенки были огорожены или просто жердями или плетнями, которыми хозяева отдѣляли свой дворъ отъ сосѣда. Также постройки возводились въ старые годы отъ корпуса присутственныхъ мѣстъ, отъ домовъ архіерейскаго и Малѣевскаго до нынѣ существующаго тюремнаго замка и до церкви Иліи Пророка, гдѣ прежде было кладбище.

Послѣ частыхъ и большихъ пожаровъ, бывшихъ въ Саратовѣ, въ особенности послѣ пожаровъ 1811 года *), въ которые погорѣло много домовъ и разныхъ зданій, многіе жители изъ центра Саратова стали выселяться; а преимущественно помѣщики, чиновники, мѣщане,

*) О пожарахъ того времени производились дѣла и переписка въ губернскомъ правленіи и канцеляріи губернатора; можно ихъ видѣть въ архивѣ при губернскомъ правленіи.

лица разныхъ вѣдомствъ, а также иностранцы, прибывавшіе въ Саратовъ изъ разныхъ колоній Саратовской губерніи и другихъ мѣстъ по торговымъ дѣламъ и ремесламъ. Сими послѣдними преимущественно заселялась улица Нѣмецкая, гдѣ теперь церкви католическая и лютеранская; тутъ же помѣщался домъ управленія саратовскими колонистами. Самыя отдаленныя отъ города постройки были—дома губернатора Панчулидзева (нынѣ Маріинскій институтъ) и гг. Панкратовыхъ, гдѣ нынѣ лѣтній садъ Сервье.

Съ этого времени, по умноженіи народонаселенія и по большой потребности мѣстъ для построекъ, Саратовъ сталъ уже планироваться правильными квадратными улицами и переулками. Планъ на Саратовъ высочайше утвержденъ Государемъ Императоромъ Александромъ I въ 1812 году. Согласно этому плану стали слѣдить за выравниваніемъ улицъ, за правильностію построекъ, домовъ и надворныхъ службъ; на старыя и вновь отводимыя мѣста стали выдавать владѣльцамъ акты, планы и фасады. Многіе изъ жителей не имѣли у себя долгое время такихъ актовъ на свои дома и усадьбы.

Слѣды неправильно расположенныхъ улицъ и построекъ домовъ прошедшаго времени видны и теперь. Укажу, напр., на площадь Горянскую, возлѣ церкви Вознесенія Господня на Московской улицѣ. Отъ этой площади улица идетъ внизъ къ Волгѣ неправильною извилиною; а отсюда вверхъ къ Московской заставѣ протянута довольно правильною линіею версты на полторы. Есть еще и теперь остатки неправильныхъ построекъ того времени, а именно: на Царицынской улицѣ домъ бывшій г. Кревозельева, гдѣ существовалъ телеграфъ; деревянный архіерейскій: ремесленной управы и г. Шеніяна, гдѣ была аптека; на Армянской, домъ бывшій протоіерея Вязовскаго, и о. Батавина, довольно цѣнные: они стоятъ среди дворовъ косвенно, тогда какъ прежде, до высочайше утвержденнаго плана, они выходили фасадомъ на улицы.

Окруженный довольно высокими горами, Саратовъ разселился на обширной, образуемой этими горами круго-образной площади, примыкающей къ самому берегу рѣки Волги; годъ отъ года городъ болѣе и болѣе разселяется на упомянутой площади и дошелъ теперь своими постройками до горъ и даже самыя горы сталъ заселять. Гдѣ теперь казармы саратовскаго баталіона и дача Шехтеля, въ мое время была голая стень. Я въ дѣтствѣ съ товарищами своими ходилъ на эту стень вылавливать изъ норъ водой суслековъ, а женщины рыли здѣсь солодскіе корни для продажи; тутъ также паслись бараны, предназначенные на

убой. Изъ окрестныхъ Саратову горъ на Соколовой совершенно нѣтъ водяныхъ источниковъ и не бываетъ ни какой поросли, даже въ весеннее время нѣтъ подножнаго корма. Видъ этой горы желто-глинистый. Напротивъ, на Лысой горѣ изобильно произрастаетъ лѣсъ, принадлежащій городу, и, какъ говорятъ старожилы, лѣсъ тутъ былъ строевой; но съ довольно продолжительнаго времени онъ истребляется жителями на разныя постройки и на отопку домовъ. На этой горѣ много дикаго камня булыжника (есть и каменоломня), употребляемаго при постройкѣ домовъ и казенныхъ зданій и на мостовыя. Гора Лопатина изобилуетъ хорошимъ пескомъ, употребляемымъ жителями при постройкѣ домовъ, на домашнія надобности и при сооруженіи казенныхъ и общественныхъ зданій.

Всѣ эти горы имѣютъ скаты внутрь Саратова, а Лысая гора раздѣляется на нѣсколько уступовъ. Между уступами ея образовались довольно обширныя площади, изобильныя родниковою и ключевою водою и лучшею черноземною землею. Эти мѣста перво-водворяемые жители Саратова разобрали, разчистили, развели на нихъ фруктовые сады, устроили домики, отрыли родники, подѣлали пруды, бассейны и чигири. Теперь сады (изъ яблонь и грушъ) въ цвѣтущемъ положеніи и владѣльцамъ приносятъ хорошіе доходы, въ особенности въ урожайные годы. Такъ какъ Саратовъ сталъ распространяться въ постройкахъ съ 1800-хъ годовъ, то всѣ состоятельныя лица захватывали по своему произволу дворовыя лучшія мѣста, а по утвержденіи плана принимали мѣста отъ архитекторовъ и думы, по желанію, почти по цѣлымъ кварталамъ и огораживали ихъ какъ могли: впослѣдствіи времени они эти дворовыя мѣста раздѣляли на нѣсколько усадьбъ и продавали ихъ другимъ. Есть и теперь такихъ много домовъ, которые имѣютъ обширныя дворовыя мѣста, съ садами на нихъ и безъ садовъ.

Во время губернаторства Алексѣя Давыдовича въ Саратовѣ существовали слѣдующія главныя и почетныя дворянскія фамиліи и дома: Столыпина, Вѣднякова, Теплякова, Бахметева, Желѣзнова, Кронотова, Гладкова, Чемисова, Юшкова, Куткина, Козаринова, Максимова, Чекмаревыхъ, Ивановыхъ, Еремеева, Харина, Угрюмова и другіе.

Гладковъ имѣлъ собственный свой домашній каменный театръ, еще первый въ Саратовѣ, гдѣ теперь построенъ домъ Унковскимъ (домъ Александровскаго училища) на Дворянской улицѣ, близъ присутственныхъ мѣстъ. У г. Чемисова были собственные пѣвчіе, преимущественно изъ женскаго пола, которые пѣли въ церквахъ на клиросахъ во время совершенія божественныхъ литургій—въ празднич-

ные дни. Изъ первенствующихъ купцовъ были: Устиновъ, впослѣдствіи потомственный дворянинъ и владѣлецъ въ Саратовской губ. большихъ имѣній, Образцовъ, Катеневъ, Поповъ, Виноградовъ, Канинъ. Громовъ, Гладковъ. Ладонкинъ, Шатовъ, Туляковъ. Кабановъ. Меркуловъ, Жеребинъ, Арсковъ, Мѣщаниновъ, Ситниковъ и другіе. Всѣ эти первенствующія фамиліи, какъ потомственныхъ дворянъ, такъ и купцовъ, имѣли большое вліяніе въ Саратовѣ во всемъ и на всѣхъ. Многіе изъ упомянутыхъ фамилій и въ настоящее время существуютъ въ Саратовѣ.

При г. Панчулидзевѣ сооружены вновь церкви: на Верхнемъ базарѣ по Московской улицѣ, Срѣтенія Господня, она же Петро-Павловская: Иліи пророка, гдѣ прежде было кладбище, къ приходу которой былъ причисленъ домъ г. Панчулидзева, и, наконецъ, Александровскій соборъ.

Соборъ сооружался очень долго. Капиталъ на него составлялся съ 1812 года въ память счастливаго окончанія французской войны и саратовскаго ополченія; на карнизѣ его видны бюсты ратниковъ (соборъ этотъ имѣетъ два этажа; нижній углубленъ въ землю). Работы наружныя почти были уже окончены, оставалась только внутренняя отдѣлка; но 24 апрѣля 1824 года, въ 8 часовъ утра, когда всѣ рабочіе вышли на дворъ къ завтраку и сидѣли въ отдаленіи отъ собора, куполъ его упалъ; рабочіе были оглушены внезапнымъ шумомъ и трескомъ, но никто изъ нихъ не былъ убитъ. Паденіе произошло оттого, что стѣны не могли выдержать купола, который былъ возведенъ каменный. Бывшій тогда помощникомъ губернскаго архитектора Петровъ оспаривалъ завѣдывавшаго постройкой губернскаго архитектора Суранова и говорилъ, что куполъ долженъ упасть, что тяжесть его стѣны не выдержатъ; но на это не было обращено вниманія. Послѣ этого вскорѣ Петровъ заступилъ мѣсто Суранова. Послѣ паденія купола постройка продолжалась еще года три и куполъ возведенъ деревянный, поддерживаемый изъ внутри церкви четырьмя большими колоннами.

Половина площади, на которой стоитъ соборъ, огорожена была рѣшетникомъ въ два ряда, пропущеннымъ сквозь столбики; внутри этой загороди были разсажены липки въ два ряда. Въ такомъ положеніи долго находился городской бульваръ. На него уже обратили вниманіе бывшіе губернаторъ Фадѣевъ и городской голова Масленниковъ. При устройствѣ этого бульвара кѣмъ то была написана маленькая

сатира на голову Масленникова, въ которой говорилось, что де голова Масленниковъ

Любитъ разводить садочки
Разные кусточки и цвѣточки:
Гдѣ прежде ходила коза,
Тамъ теперь гуляютъ господа.

Корпусъ присутственныхъ мѣстъ, должно полагать, былъ построенъ въ самые первые годы губернаторства Панчулидзева. При немъ же, Панчулидзевѣ, открыта губернская гимназія, для которой г. Панчулидзевъ уступилъ свой домъ, какъ существовавшій уже въ центрѣ города съ пониженіемъ цѣны *).

При Панчулидзевѣ же возведены постройки Александровской больницы и умалишеннаго дома. Устроено было все нужное для этихъ заведеній и при нихъ открыта аптека, подъ вѣдѣніемъ приказа общественнаго призрѣнія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рабочій домъ; въ него отдавали людей за малыя преступленія по суду, а также помѣщики отдавали своихъ крѣпостныхъ людей для исправленія.

---

*) Иначе объ этомъ разсказываетъ М. Арнольдовъ въ брошюрѣ „Къ матеріаламъ для исторіи просвѣщенія Россіи въ эпоху Александра I. Учрежденіе въ Саратовѣ гимназіи и первые ея директора: Шестаковъ и Ченыкаевъ. Тифлисъ. 1870 г.".

Панчулидзевъ, взявшій на себя устройство въ Саратовѣ гимназіи, повелъ дѣло такъ успѣшно, что по его иниціативѣ были сдѣланы въ 1817 г. два огромныхъ пожертвованія на покупку дома для гимназіи: дворянство изъявило готовность пожертвовать 55000 р. асс., остатки отъ суммъ, собранныхъ въ 1812 г. на формированіе въ Саратовской губ. 2 егерскаго полка, и городское общество назначило на этотъ предметъ 95000 р. асс. изъ оброчной суммы за сдачу городскихъ земель. „16 іюня, пишетъ въ своемъ дневникѣ одинъ саратовскій мѣщанинъ, позвали насъ въ думу и прочитали намъ Монаршую благодарность за пожертвованіе —За какое пожертвованіе? спрашиваемъ. —„Какъ, говоритъ голова, вы пожертвовали 95 тыс. р. на гимназію". А мы и не знали этого".

Панчулидзевъ уступилъ подъ гимназію свой собственный, еще недостроенный, домъ и взялъ за него всю пожертвованную саратовскимъ городскимъ обществомъ сумму 150000 р. асс., причемъ обязался достроить его на свой счетъ, съ соблюденіемъ всѣхъ удобствъ, необходимыхъ для учебнаго заведенія. Издержки на достройку дома по смѣтѣ простирались до 40000 р. асс. слѣдовательно онъ продалъ свой домъ учебному вѣдомству только за 110000 р. Такъ какъ учебное вѣдомство полагало, что эти 40000 р. Панчулидзевъ израсходуетъ изъ своего кармана, то оно считало Панчулидзева весьма законно ревнителемъ просвѣщенія, поэтому за пожертвованія для гимназіи Панчулидзевъ былъ избранъ почетнымъ ея попечителемъ, а также почетнымъ членомъ казанскаго университета. Несмотря на то, что домъ этотъ со времени Панчулидзева былъ нѣсколько разъ передѣлываемъ за-ново, сдѣланы къ нему капитальныя пристройки, за этотъ домъ едва ли кто теперь (писано въ шестидесятыхъ годахъ) дастъ больше 40000 р. сер. Надобно еще замѣтить, что цѣны на строительные матеріалы и работы въ настоящее время сравнительно съ 1820-ми годами увеличились почти втрое (стр. 3 и 4).

Объ учрежденіи саратовской гимназіи и объ А. Д. Панчулидзевѣ „Сарат. Листокъ" 1877 г., № 262 и 1878 г., № 44.

При расплапированіи города и по Высочайшемъ утвержденіи плана, онъ былъ раздѣленъ на четыре части, которыя и построены были: 1-я на Ильинской улицѣ лицомъ на бывшую дровяную и сѣнную площадь, гдѣ теперь церковь св. Митрофанія; 2-я на Сергіевской улицѣ; 3-я на Введенской, и 4-я на горахъ, близъ Соколовой горы; такъ онѣ и теперь существуютъ, кромѣ 2-й части, которая въ недавнемъ времени перенесена на площадь при бульварѣ.

При Панчулидзевѣ же построенъ гостинный дворъ, большое двухъ-этажное зданіе, съ большимъ числомъ въ обоихъ этажахъ лавокъ, близъ стараго Троицкаго собора. До устройства его купцы производили торговлю всѣми панскими, галантерейными, москательными товарами въ своихъ домахъ и наемныхъ у прочихъ купцовъ, въ этомъ же мѣстѣ, по Московской улицѣ.

Панчулидзевъ заботился объ устройствѣ Саратова и принималъ мѣры къ правильной постройкѣ домовъ, воротъ, заборовъ и къ содержанію въ немъ чистоты и опрятности; но все таки Саратовъ въ то время былъ самый грязный городъ, судя по неопрятности домовъ, нечистотѣ площадей и улицъ, которыя къ тому же заростали травою. Въ 1822 и 1823 гг. были отъ думы на градскій счетъ наняты плугари на волахъ, которые въ главныхъ улицахъ пропахивали землю, отступя отъ домовъ аршина на два, съ обѣихъ сторонъ дороги. Домовладѣльцы обязаны были вспаханную землю скидывать на средину улицы. Такимъ образомъ средина ея дѣлалась возвышенною, а по обѣ стороны были скаты. Потомъ возлѣ домовъ и заборовъ, отступя на два аршина вырывали канавы, шириною и глубиною четверти на три, выкладывали ихъ досками, а сверху на устроенныя перекладины клали доски, что называли тротуарами. Домохозяева обязаны были это исполнять на собственный счетъ, около своихъ домовъ. Отступя нѣсколько отъ канавы, вбивались небольшіе столбики, чрезъ нихъ пропускались въ два ряда рѣшетины; у однихъ были окрашены просто сажею или желтою краскою, а состоятельные люди красили форменною краскою, въ три полоски, оранжевою, черною и бѣлою на маслѣ. За исполненіемъ сего домохозяевами строго наблюдала полиція, въ особенности по главнымъ улицамъ. Такое устройство тротуаровъ существовало лѣтъ 10 или 12; теперь ихъ и признаковъ нѣтъ. Надо замѣтить, что при наступленіи осени и весны отъ сильныхъ дождей и отъ таянія снѣга, по этимъ насыпнымъ землею улицамъ (какъ ихъ называли тогда) не было проѣзду на лошадяхъ, колеса вязли въ грязи по ступицы, такъ что пара лошадей не могла везти самаго легка-

го экипажа, съ однимъ сѣдокомъ: а пѣшеходы, оставляя въ грязи сапоги, приходили домой босые. Да и тротуары оказывались для пѣшеходовъ опасными, потому что не всѣ домохозяева были въ состояніи устраивать ихъ просто и хорошо, а строили на скорую руку изъ дрянного лѣса. Случалось, что внутри канавы перекладинки подгніютъ; пѣшеходъ ступитъ на доску, она провалится; онъ падаетъ въ канаву и оттуда вылѣзаетъ весь въ грязи, съ ушибленною ногою или рукою, полежа на мѣстѣ отъ испуга нѣсколько минутъ. Этому несчастію я и самъ нѣсколько разъ подвергался. И все это кончалось только тѣмъ, что хозяину дома приходилось выслушивать ругань отъ упавшаго пѣшехода, а болѣе ничего. Такъ какъ канавы никогда домовладѣльцами не прочищались, то отъ накопившейся въ нихъ грязи, дохлыхъ кошекъ, котятъ, куръ и цыплятъ по улицамъ была вонь нестерпимая, въ особенности лѣтомъ во время жары.

Въ тѣ времена въ Саратовѣ были чрезвычайно частые пожары и сгорало по нѣскольку домовъ. Не проходило ни одного лѣта, чтобы не выгорѣло 50 или 100 домовъ въ разное время, потому что тогда не были въ должномъ устройствѣ пожарные инструменты, и совершенно не имѣлась внутри города вода, которая всегда привозилась съ Волги, и иногда отъ мѣста пожара версты за двѣ и болѣе. Сколько нужно было привозить бочекъ съ водою, чтобы залить распространявшійся пожаръ! Въ особенности сильны были пожары въ ту страдную пору, когда все живущее въ Саратовѣ простонародіе выѣзжало изъ города въ поля для работы, помѣщики—въ свои имѣнія, а купцы—въ сады. Дома оставались безъ рабочихъ людей и безъ лошадей; не выѣзжали изъ города только люди торговаго класса, ремесленники и служащее чиновничество; а они были все безлошадники; мало было и полицейскихъ служителей. Эти пожары обратили на себя особенное вниманіе губернскаго начальства и всего общества. Ихъ относили къ умышленнымъ. Такъ какъ въ то время нижніе чины баталіона и кантонисты бывшихъ саратовскихъ, а впослѣдствіи вольскихъ баталіоновъ, размѣщались по квартирамъ у домовладѣльцевъ по одному и по два человѣка, то всю вину этихъ несчастій относили къ нимъ; но были ли они на самомъ дѣлѣ виноваты—свѣдѣній объ этомъ теперь трудно получить. Вслѣдствіе частыхъ пожаровъ было приступлено къ устройству въ лучшемъ видѣ пожарныхъ инструментовъ и команды, на что было испрошено разрѣшеніе, составлена смѣта на счетъ городскихъ доходовъ. Операція устройства всего этого была возложена на бывшаго полиціймейстера В. К. Ищейкина, бойкаго и смѣтливаго

человѣка, весьма долго бывшаго полиціймейстеромъ. Ищейкинъ исполнилъ это порученіе съ должнымъ успѣхомъ. Пожарные инструменты были пріобрѣтены; лошади сформированы хорошаго качества, лошадей по 20 въ каждую часть, по мастямъ; въ 1-ю—сѣрыя, во 2-ю — вороныя, въ 3-ю—гнѣдыя и въ 4-ю—рыжія. Съ тѣхъ поръ по устройству саратовская пожарная команда и инструменты соперничали съ московской, какъ отзывалось начальство при инспекторскихъ смотрахъ ея. Въ этомъ видѣ она и теперь существуетъ, безъ измѣненія масти лошадей по частямъ. Саратовцы обязаны устройствомъ ея г. Ищейкину. Только тогда пожарная команда состояла изъ вольнонаемныхъ и дворовыхъ людей, которыхъ помѣщики отдавали для исправленія за дурное поведеніе, съ платою въ мѣсяцъ по 10 р. асс. Впослѣдствіи уже она составлена была изъ военныхъ нижнихъ чиновъ. Конечно, и при лучшемъ устройствѣ пожарной команды пожары существовали и теперь существуютъ, но хорошее устройство команды ведетъ къ скорому утушенію загорѣвшагося и къ недопущенію распространенія огня на сосѣдніе дома. На нашихъ глазахъ, на мѣсто сгорѣвшихъ домовъ и надворныхъ строеній, стали вновь возводиться постройки гораздо лучшія и цѣнныя: поэтому Саратовъ годъ отъ года приходитъ къ лучшему и правильному устройству, и теперь это совершенно благоустроенный городъ.

Кто видѣлъ Саратовъ назадъ тому 40 лѣтъ и взглянетъ теперь, подивится быстрому его расширенію въ постройкахъ и изумится развитію въ немъ коммерческихъ и ремесленныхъ, промышленныхъ и трактирныхъ заведеній. Гдѣ стояли простыя мазанки или лачужки, теперь двухъ-трехъ этажные дома, красиво построенные. Тогда мало было булочныхъ съ французскими хлѣбами и кондитеровъ, а теперь найдете ихъ на каждомъ переулкѣ. Большой недостатокъ былъ въ саножникахъ и портныхъ, а теперь въ каждой улицѣ и переулкѣ найдете по три и болѣе вывѣсокъ этихъ мастеровъ. Не было тогда галантерейныхъ и москательныхъ лавокъ, кромѣ трехъ-четырехъ, а теперь встрѣтите, сверхъ богатыхъ магазиновъ, на каждомъ углу улицы мелочныя лавки и лавченки. Тогда было жителей въ Саратовѣ не болѣе 25 т., а теперь свыше 85 тыс. чел. обоего пола.

Построены почтовые станціонные дома въ 1820-хъ годахъ и проведены почтовыя дороги по трактамъ: московскому, воронежскому, симбирскому и астраханскому; поставлены верстовые столбы, имѣвшіе прежде разстояніе другъ отъ друга 700 саж., а впослѣдствіи 500 саж. Потомъ эти почтовыя дороги устраиваемы и обработываемы были въ

1820-хъ годахъ. Раздѣляли ихъ на три полотна земляными валами. Изъ двухъ крайнихъ дорогъ одна назначалась для проѣзжающихъ обозовъ, другая для проходящихъ гуртовъ скота, а средняя для проѣзда почтъ и экипажей пассажировъ; на валахъ, гдѣ представлялась возможность, разсаживали деревца. Всѣ тракты были раздѣлены на участки; къ каждому участку приписаны были для исполненія натуральныхъ работъ крестьяне разныхъ селеній и вѣхъ вѣдомствъ, другимъ доставались эти участки отъ жительства верстъ за 80 и болѣе. Работы производились по наступленіи весны, въ междупарье, и осенью по уборкѣ хлѣба, мужскимъ и женскимъ поломъ. По окончаніи устройства дорогъ были поставлены указательные или пирамидальные столбы на разстояніи одинъ отъ другого на 100 саж., форменно окрашенные, какъ и верстовые столбы и участковые, вышиною аршина въ два, съ надписью, къ какому селенію принадлежитъ участокъ. Слѣды этихъ работъ и теперь еще видны: но съ давнихъ лѣтъ ихъ бросили, не исправляютъ, и они пришли въ совершенный упадокъ, такъ что рѣдко увидите пирамидальный столбъ, нѣтъ и многихъ верстовыхъ.

Всѣ саратовцы уважали и любили до высокой степени Алексѣя Давыдовича Панчулидзева и его супругу Екатерину Петровну *). Онъ имѣлъ характеръ тихій, кроткій: всѣхъ принималъ благосклонно, отъ поселянина до приказнаго: высшихъ лицъ съ деликатностью и утонченностію: выслушивалъ просьбы кротко, съ какимъ то особеннымъ радушіемъ, безъ всякаго строгаго и презрительнаго взгляда. На него каждый смотрѣлъ съ любовію, какъ на отца. Если кто приносилъ ему жалобу на чиновниковъ, то онъ даже выписывалъ послѣднихъ изъ уѣзд. городовъ, требовалъ противу жалобы объясненія лично. Когда чиновникъ оправдывался увертливыми изворотами, то онъ это замѣчалъ и доказывалъ несправедливость его оправданія А. Д. имѣлъ поговорку: „турусы на колесахъ“ и всегда говорилъ: „вы-съ, врете, говорите мнѣ правду, а не турусы на колесахъ“. Чиновникъ, видя, что нельзя ему увернуться отъ справедливо принесенной на него жалобы, чистосердечно признавался въ своемъ преступленіи. Видя его раскаяніе, Панчулидзевъ давалъ ему хорошую нотацію и обязывалъ, чтобы съ приносившимъ на него жалобу помирился, просилъ бы извиненія, а „не то пойдете-съ въ уголовную“. Такъ и заканчивались дѣла. Всѣ его слушались и ему повиновались и были благодарны за благосклонное вни-

*) Я зналъ только одного его сына А. А., который былъ въ Саратовѣ губ. предводителемъ, а послѣ пензенскимъ губернаторомъ.

Авт.

маніе и окончаніе дѣла безъ всякаго судопроизводства и слѣдствія. Жалобы доходили до него не только на однихъ служащихъ чиновниковъ, но и на другихъ частныхъ лицъ, по разнымъ ихъ спорамъ и разладицамъ, жалобы купцовъ, по ихъ торговымъ дѣламъ съ компаніонами или съ прикащиками. Панчулидзевъ умѣлъ улаживать и мирить, подавая свой совѣтъ и выражая свой взглядъ на дѣла спорящихъ лицъ.

А. Д. Панчулидзевъ жилъ съ большимъ комфортомъ, какъ слѣдуетъ губернатору, въ особенности въ тогдашнее время. У него было при домѣ собственной крѣпостной прислуги болѣе 100 человѣкъ обоего пола; онъ имѣлъ своихъ музыкантовъ, пѣвчихъ; для дворовыхъ дѣтей было училище и нанятые учителя. Изъ этихъ дѣтей вышли люди съ хорошимъ поведеніемъ и развитымъ умомъ, занимались чтеніемъ литературы, выписывали для себя книги, были хорошими конторщиками и управляющими его имѣнія и винокуреннаго завода. Помню двоихъ, на высоко-благородную ногу себя державшихъ, Караева и Киреева.

А. Д. Панчулидзевъ держалъ театръ на собственный свой счетъ, на Театральной площади, который впослѣдствіи принадлежалъ г. Шеньяну, а отъ него перешелъ къ антрепренеру г. Залѣсскому. Этотъ театръ уничтоженъ въ 1858 г., а на его мѣстѣ выстроенъ на городской счетъ большой каменный. При театрѣ, который сдавался въ аренду, всегда былъ директоръ изъ дворянъ или заслуженныхъ чиновниковъ, актеры и актрисы изъ чиновниковъ, имѣющихъ къ театру страсть, изъ разнаго сословія людей и отпущенниковъ. Играли водевили, комедіи, трагедіи и волшебныя; изъ тогдашнихъ произведеній въ особенности игралась „Русалка“. Были талантливые комики и трагики.

Не проходило ни одного дня, чтобы у губернатора не обѣдало постороннихъ лицъ въ числѣ не менѣе 15 или 20 человѣкъ изъ уѣздныхъ чиновниковъ, пріѣзжихъ изъ уѣздныхъ городовъ помѣщиковъ, высшаго класса уѣздныхъ чиновниковъ, купцовъ и. сверхъ ихъ, чиновники канцеляріи его. Тѣ, которые пользовались хорошимъ общественнымъ мнѣніемъ, были прилично образованы и по тогдашнему щеголевато одѣвались, обязаны были всегда приходить послѣ занятій къ обѣденному столу, даже въ томъ случаѣ, если бы А. Д. самъ дома и не обѣдалъ. Если же замѣчалъ что кто изъ нихъ дня три-четыре не приходитъ къ обѣду, то дѣлалъ замѣчанія и выговоры; другіе, мало образованные, застѣнчивые и неимѣвшіе хорошаго платья,

одинокіе, безсемейные жили въ домѣ его и пользовались столомъ безплатно.

Когда были у губернатора балы, которые случались очень часто, въ особенности въ зимнее время, то приглашались на нихъ чиновники канцеляріи. Особенно много баловъ бывало въ тѣ годы, когда производилась дворянская баллотировка. Дворянство поголовно съѣзжалось въ Саратовъ изо всей губерніи и проживало отъ Рождества до великаго поста, стараясь одинъ противъ другаго задать у себя вечеръ или балъ; потомъ бывалъ обще-дворянскій балъ; избранный губернскимъ предводителемъ дворянства тоже особо давалъ балъ. Баломъ у губернатора заканчивались удовольствія. На всѣ эти балы всегда приглашались чиновники канцеляріи: тѣ, которые не имѣли возможности участвовать по бѣдности и по другимъ недостаткамъ, оказывались на хорахъ, между музыкантами.

Надо отдать полную справедливость А. Д., что въ его канцеляріи была самая лучшая служба и служащіе дорожили ею. Если кто изъ нихъ былъ замѣченъ въ предосудительномъ поступкѣ, то онъ передавался для занятій въ губернское правленіе. Было большое наказаніе для тѣхъ, кто туда отсылался при оффиціальной бумагѣ.

Губернское правленіе въ то время было наказаніе Божіе. Въ немъ, исключая присутствующихъ и секретарей, были все люди нетрезвые, съ предосудительными наклонностями и характерами. Къ должности приходили въ небрежномъ видѣ, въ дырявыхъ замазанныхъ сюртукахъ, съ голыми локтями, часто лѣтомъ въ валеныхъ сапогахъ. Канцелярскія камеры содержались весьма неопрятно: столы грязные, не окрашенные, всѣ изрѣзанные, запачканные чернилами; сидѣли не на стульяхъ, а на какихъ-то треногихъ скамейкахъ, чего теперь нельзя видѣть и въ сельскихъ управленіяхъ. Со служащими старшіе обращались деспотично, точно какъ помѣщики съ своими крѣпостными, ругали ихъ неприличными словами, а иногда задавали трепку. Никто на это не обращалъ вниманія. Тогда губернское правленіе называли „чугуннымъ заводомъ“. Хотя изъ служащихъ въ немъ были умные и талантливые отъ природы люди, но судьбою утопленные въ грязи. Для службы и присутствующихъ они были полезны и необходимы, потому что всѣ уложенія Петра I и Екатерины II помнили наизусть; тогда еще свода законовъ не существовало, а руководствовались вновь издаваемыми законами, публикуемыми въ указахъ. Кто же ихъ могъ [illegible] помнить? Гг. совѣтники обращались съ такими людьми суровo и грубо: но бывало время, въ которое ихъ ласкали съ привѣтомъ и ловы

шенностію, для того собственно, чтобы они разсмотрѣли и составили записку изъ многосложнаго и серьезно-важнаго дѣла и высказали свое мнѣніе и постановленіе, чѣмъ и какъ закончить дѣло. По исполненіи этого, они опять теряли свое достоинство, по случаю нетрезвой и угнетенной жизни, предоставивъ только своими трудами выгоды начальствующимъ надъ ними. Начальники за нихъ получали награды и возвышались по службѣ должностями; а сами талантливые, работавшіе какъ батраки, за все, ими сдѣланное, были забываемы и также угнетаемы. Объ нихъ я еще и дальше буду говорить, ибо такіе люди существовали и при другихъ губернаторахъ и были необходимы для губернскаго правленія. Теперь губернское правленіе не въ томъ видѣ и составѣ, что было въ давно прошедшіе года.

Лучшая служба была въ казенной палатѣ, въ солевозной коммисіи, впослѣдствіи переименованной въ камышинское элтонское соляное управленіе, удѣльной конторѣ и конторѣ иностранныхъ поселенцевъ. Здѣсь служили лучшіе чиновники, и все содержалось въ чистотѣ и опрятности, и чиновники, по тогдашнему, получали хорошее содержаніе и пользовались доходами.

Въ Саратовѣ существовала еще межевая контора, устроенная въ 1830-хъ годахъ. Служащихъ было человѣкъ до 60: землемѣровъ, помощниковъ ихъ, чертежниковъ, разныхъ дѣлопроизводителей. Они получали хорошее жалованье и пользовались безденежно обывательскими квартирами. Что былъ это за народъ и откуда онъ собрался! Всѣ пожилыхъ лѣтъ, исключая чертежниковъ и писцовъ, пьяные, небрежные: одѣты были всегда дурно, кромѣ молодыхъ людей, державшихъ себя прилично. Контора помѣщалась въ старомъ деревянномъ домѣ, нынѣ принадлежащемъ къ архіерейскому дому, и въ домѣ г. Шахматова, теперь уничтоженномъ. Многіе изъ нихъ на лѣто выѣзжали для межевки въ разныя селенія Саратовской губерніи, а на зиму опять съѣзжались. Они имѣли сюртуки и мундиры темно-синяго сукна съ голубою выпушкою, но ходили преимущественно въ частныхъ сюртукахъ. По окончаніи присутствія всѣ, исключая молодыхъ, шли прямо въ кабакъ, который и теперь существуетъ въ ряду рыбнаго базара, и носитъ наименованіе „большой бумажный", гдѣ сидѣли и пили до самой ночи. Въ этотъ кабакъ приказные другихъ присутственныхъ мѣстъ мало ходили: у нихъ былъ свой, неподалеку отъ присутственныхъ мѣстъ, по Армянской улицѣ, который и теперь существуетъ, но пришелъ въ ветхость и продажи вина въ немъ нѣтъ. Сюда сходились любители выпить изъ губернскаго правленія, уѣзднаго и земскаго су-

да и другихъ. Этотъ кабакъ имѣетъ и теперь наименованіе „малый бумажный“. Если сюда, въ ихъ компанію, попадалъ приказный межевой конторы, то они его выталкивали и не давали выпить вина, и наоборотъ: кто зайдетъ изъ приказныхъ присутственныхъ мѣстъ въ „большой бумажный“, то ихъ межевыя крысы (ихъ такъ называли) выталкивали, иногда между ними бывали ссоры и драки. Отъ присутственныхъ мѣстъ и межевой конторы такъ и были проложены торныя тропочки къ этимъ кабакамъ.

Въ парадные высокоторжественные и табельные дни и въ дни тезоименитства царствующей фамиліи у Алексѣя Давыдовича и его супруги всегда были обѣды и балы для всѣхъ почетныхъ и малопочетныхъ особъ и купцовъ. Онъ часто запросто посѣщалъ помѣщиковъ, почетныхъ чиновниковъ, живущихъ въ Саратовѣ, проводилъ у нихъ вечера одинъ и съ своими семейными. Визиты на Пасху и Рождество отдавалъ въ каретѣ, запряженной въ 6 лошадей цугомъ: два форрейтора, на задкахъ два гайдука, жандармъ и казакъ верхами, въ полномъ нарядѣ. Такимъ нарядомъ онъ ѣздилъ дня по два, по три сряду, часовъ съ 12 до 5 дня, пока всѣхъ не объѣздитъ. Всѣ попадавшіеся ему на улицѣ низко кланялись и онъ отвѣчалъ на ихъ поклоны съ самодовольною пріятною улыбкою. Отдавалъ визиты лично или билетами даже секретарямъ присутственныхъ мѣстъ. Помню, какъ бывало разсказывали моимъ домашнимъ наши знакомые, что у нихъ былъ съ визитомъ губернаторъ, сколько времени пробылъ, что говорилъ, что закусывалъ и какъ подносили водки его свитѣ. Бывало съ завистью слушаешь эти разсказы и спросишь: почему-же у насъ не былъ? Мы бѣдны и не можемъ принять, отвѣчали мнѣ. Впрочемъ, А. Д., супруга его и дѣти не пренебрегали бѣдными дворянами и чиновниками и принимали въ ихъ положеніи участіе: были у нихъ воспріемниками дѣтей, при свадьбахъ посаженными отцами, благословляли цѣнными иконами и дѣлали имъ возможное вспомоществованіе, ни сколько этимъ не тщеславясь, какъ это дѣлаютъ другіе богатые помѣщики и прочія особы, а собственно изъ радушія, чтобы сдѣлать бѣдному семейству что-нибудь полезное.

При домѣ А. Д. была отлично устроена дача. Изъ гостиной былъ выходъ на терраску въ цвѣтникъ. Отъ цвѣтника были проведены три аллеи, раздѣлявшіяся разнаго рода деревами: вишнями, бергамотами, дулями, сливами и мѣстами сиренью и акаціями. По обѣимъ сторонамъ этихъ аллей—садъ съ лучшими породами яблонь, въ шахматномъ порядкѣ правильно разсаженныхъ. По саду разбросаны были

хорошо устроенныя бесѣдки. Тѣ три аллеи отъ дома тянулись саженъ на 60 и примыкали къ пруду, разсѣкающему рощу на двѣ половины; чрезъ прудъ проведены мосты лучшаго устройства; около пруда и въ самой рощѣ были сдѣланы разныхъ форматовъ и архитектуры бесѣдки, скамейки и столики; всюду прочищены дорожки, окаймлявшія рощу разнородными кустами въ живописномъ видѣ. Въ пруду были лодочки, плавали лебеди, гуси лучшей породы и разныхъ породъ утки. Вообще дача представляла великолѣпный видъ. Сюда, въ весеннее и лѣтнее время, въ праздники и торжественные дни саратовцы всѣхъ сословій сходились гулять, пользоваться пріятнымъ воздухомъ и благотворнымъ запахомъ цвѣтовъ, безъ всякой платы. Запрещенія не было ни кому, только бы прилично были одѣты и держали себя пристойно. Тутъ гуляющіе находили продавцовъ мороженнаго и разнаго рода сластей и закусокъ. Посѣтителей сходилось весьма много, въ особенности въ царскіе дни, когда дача иллюминовывалась.

Въ Саратовѣ изстари заведено въ недѣлю Пасхи устраивать для удовольствія жителей качели на Театральной площади, палатки, столики для распродажи разныхъ закусокъ, сластей и балаганы для фигляровъ. Любители удовольствій сходились сюда въ большомъ числѣ въ праздничныхъ нарядахъ, чтобы повеселиться и покататься на качеляхъ; это продолжалось каждый день. Часовъ съ 11 дня и до заката солнца народъ здѣсь толпился, любуясь на штуки и разговоры фигляровъ. Семейства почетныхъ дворянъ, чиновниковъ и купцовъ выѣзжали сюда съ 5 часовъ въ каретахъ и разныхъ экипажахъ: матушки съ дочками въ пышныхъ нарядахъ, чтобы людей посмотрѣть и себя показать, проѣзжали кругомъ этого устройства ряда въ три. Было введено такъ, что въ день субботы на Пасху всѣ качели, палатки, столики и балаганы переносились на площадь, противу дома г. Панчулидзева: а въ воскресенье, на красную горку,—на Соколову гору; тамъ все было тоже, что и на Театральной площади. Кромѣ того сюда выѣзжали охотники до лошадей: казаки, мѣщане, преимущественно изъ мясниковъ, на скачку; держали между собою пари о быстротѣ своихъ коней, перегоняли одинъ другаго. Были изъ нихъ и такіе удальцы, которымъ бросали на землю платки, мелкія серебряныя деньги и руб. ли, они на всемъ скаку ихъ схватывали съ земли и все поднятое, конечно, доставалось имъ. Дѣлалось по уговору, если кто брошенную монету не схватитъ, то за это долженъ отвѣчать такою-же монетою Послѣ дня красной горки съ Соколовой горы качели переносились опять на площадь къ дому г. Панчулидзева и тамъ оставались во всю

весну до Троицына дня. Туда каждый праздничный день для тѣхъ-же удовольствій сходились и съѣзжались не только жители Саратова, но и пріѣзжіе изъ окольныхъ деревень и хуторовъ, молодые мужчины, женщины, парни, дѣвки, тоже въ праздничныхъ нарядахъ, съ цѣлью посмотрѣть на саратовскія удовольствія и подивиться. Въ настоящіе годы качели устраиваются на время Пасхи и весны на площади близъ казармъ саратовскаго баталіона, арестантскихъ ротъ и тюремнаго замка, при чемъ гулянья сопровождаются въ чрезвычайной степени пьянствомъ и невѣжествомъ, вслѣдствіе распродажи здѣсь вина въ выставкахъ, устраиваемыхъ во временныхъ балаганахъ собственно для распродажи питій. Въ прежніе годы этого не было, и потому теперь почетнаго класса жители мало выѣзжаютъ на эти гулянья.

На дачѣ при домѣ г. Панчулидзева пріѣзжавшими въ Саратовъ артистами временно устраивались загороди и балаганы, фейерверки. Разъ (это было въ августѣ 1824 года) какой-то пріѣзжій давалъ фейерверкъ, разумѣется, съ дозволенія начальства. Онъ выпустилъ нѣсколько ракетъ, бураковъ и сжегъ немного фантастическихъ штучекъ въ брилліантовыхъ и разноцвѣтныхъ огняхъ. Прочій запасъ фейерверка лежалъ въ грудѣ, въ углу, въ отдаленномъ отъ зрителей мѣстѣ подъ присмотромъ служащихъ. Въ этотъ запасъ отъ выпущенной ракеты, или бурака, посыпались искры. Запасъ вспыхнулъ, пошла перестрѣлка. Между испуганными зрителями сдѣлался шумъ, крикъ, давка, началась ломка загороди изъ топко устроенныхъ досокъ. Отцы и матери растеряли своихъ дѣтей, мужья—женъ. Я самъ былъ въ этой кутерьмѣ, насилу выбрался изъ балагана въ разломанную загородь, но необошлось безъ несчастія: одинъ изъ прислужниковъ былъ убитъ на повалъ и нѣкоторые легко ранены и получили обжоги.

Изъ служащихъ при А. Д. было нѣсколько интересныхъ личностей по своимъ дѣйствіямъ. Правитель канцеляріи В. С. Симановскій имѣлъ грубый и крутой нравъ, но человѣкъ былъ умный, честный и справедливый. Онъ съ своими канцелярскими чиновниками (ихъ было человѣкъ до 40) обращался весьма невѣжливо, не любилъ лѣнивыхъ франтиковъ, не привыкшихъ во время занятій на своемъ мѣстѣ заниматься дѣломъ, мѣшая въ томъ и другимъ: на нихъ всегда онъ кричалъ, называя ихъ приватными именами такъ, какъ ему вздумается. Кто не приходилъ къ должности до обѣда или послѣ обѣда, то за это время вычиталось у него изъ жалованья, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда чиновники спрашивались его и говорили, что ѣдутъ по приглашенію губернатора или другихъ особъ на танцевальные балы и вечера, или

же по другимъ домашнимъ обстоятельствамъ. Вычитаемыя деньги раздѣлялись между тѣми, которые усерднѣе занимались. Канцелярія раздѣлялась на 4 стола: 1) полицейскій, 2) хозяйственный, 3) о разныхъ предметахъ и 4) уголовный. Завѣдующіе столами были люди дѣльные: они весьма прилично себя держали. Тогда въ канцеляріи производилось дѣлъ гораздо болѣе, чѣмъ въ губернскомъ правленіи, потому что все зависѣло отъ губернатора. Канцелярія губернатора содержалась на счетъ городскихъ думъ всей губерніи, которыя высылали въ годъ отъ 500 до 1000 руб. асс. и болѣе, смотря по доходамъ города. Занятія продолжались отъ 9 часовъ утра до 2 часовъ и съ 6 вечера до 10 часовъ ежедневно, не исключая табельныхъ и праздничныхъ дней, тѣмъ болѣе потому, что московская почта отходила изъ Саратова одинъ разъ въ недѣлю и то въ воскресенье; а въ настоящее время (т. е. въ 50 гг.) три раза въ недѣлю. Губернаторъ съ своими чиновниками обращался благосклоннѣе и внимательнѣе, чѣмъ Симановскій; губернатора всѣ отъ души уважали; а Симановскій былъ грубъ и невѣжливъ: ему только изъ страха или во избѣжаніе непріятностей оказывали уваженіе. Если какой чиновникъ приходился не по нраву Симановскому, или кого замѣчалъ въ чемъ либо предосудительномъ, то настаивалъ у губернатора, чтобы передать его въ губернское правленіе; и дѣлалъ по своему, ни что его не могло удержать.

Изъ чиновниковъ канцеляріи Ал. Семеновичъ Печелинъ былъ похожъ на Алексѣя Давыдовича такъ, какъ рѣдко бываютъ похожи родные братья или сестры: оба были однихъ лѣтъ, плѣшивые и носили парики. А. Д. любилъ Печелина, дарилъ его своими париками и платьемъ. Печелина, разфранченнаго и наряженнаго щегольски, трудно было отличить отъ Панчулидзева. Многіе пріѣзжіе изъ С.-Петербурга интересовались видѣть двойника Панчулидзева. Иногда въ шутку въ канцеляріи выдавали Печелина за А. Д., и съ нимъ объяснялись, какъ съ самимъ губернаторомъ; только Печелинъ, говоря, пришепеливалъ и не могъ объясняться, какъ А. Д. Панчулидзевъ. Печелинъ въ 1840-хъ гг. умеръ въ Саратовѣ.

Въ губернскомъ правленіи были два лица, подобныя Симановскому, еще болѣе сварливыя и грубыя. Это—секретари В. И. Ивановъ и В. П. Львовъ. Впослѣдствіи первый былъ совѣтникомъ, а послѣдній—ассесоромъ. Они съ канцелярскими служителями, судьбою утопленными въ грязную жизнь, крайне дерзко и дурно обращались, ругали ихъ неприличными словами и даже давали толчки, арестовывали ихъ. Они во время присутствія ходили по комнатамъ—одна нога въ

сапогѣ, а другая босая. Сапогъ, картузъ, а зимою и шинель или тулупъ были на сохраненіи у экзекутора.

Полиціймейстеръ В. К. Ищейкинъ, о которомъ сказано выше, былъ проницательный человѣкъ: кажется, артиллеріи поручикъ; умѣлъ вывѣдывать отъ пойманныхъ бродягъ, дезертировъ и взятыхъ подъ арестъ совершителей преступленій все ими совершенное и о скрываемыхъ ими преступникахъ и тѣмъ открывалъ важныя преступленія. Какъ разсказывали, онъ никогда и никого изъ арестованныхъ во время производства слѣдствія не наказывалъ, содержалъ ихъ въ секретѣ, приказывалъ своимъ подчиненнымъ полицейскимъ служителямъ давать имъ вино, кормить ихъ всѣмъ, чего они захотятъ, разумѣется на ихъ счетъ, слѣдить за ихъ разговорами; но пить имъ совершенно не приказывалъ ничего давать, что со всею строгостію исполняли его фавориты. Когда арестованныхъ мучила чрезвычайная жажда, то, не давая имъ пить, требовали отъ нихъ сознанія; тогда арестованные поневолѣ разсказывали сторожамъ о преступленіи; а сторожа обо всемъ узнанномъ докладывали полиціймейстеру. Тогда онъ призывалъ ихъ, отбиралъ допросы и, если они не говорили истины, то опять подвергалъ ихъ тому же испытанію, доводя до чистосердечнаго сознанія...

. . . . . .

При наказаніяхъ приговоренныхъ судебными мѣстами къ наказанію при полиціи чрезъ полицейскихъ служителей розгами и плетьми, Ищейкинъ всегда находился самъ и наказывалъ безъ милосердія: ни просьбы, ни слезы не убѣждали его, онъ всегда отзывался такъ: „если я накажу тебя слабо, ты скажешь, что наказаніе ничего не значитъ, скоро забудешь и опять будешь мошенничать, а то лучше будешь помнить“. Всѣ саратовскіе мошенники и карманники его боялись. Они называли его „тараканьи усы“. Ищейкинъ былъ небольшого роста, слабо сложенъ, волосы были рыжеватые, носилъ усы тоненькіе, длинные, былъ скоръ въ походкѣ и при исполненіи обязанностей своихъ.

. . . . . .

Съ 1822 по 1827 годъ въ Саратовской губерніи стоялъ [illegible] гусаръ, четыре полка: иркутскій, павлоградскій, изюмскій и елисаветградскій; первый былъ расположенъ въ Саратовѣ, второй въ Аткарскѣ, третій въ Петровскѣ и четвертый въ Вольскѣ и ихъ уѣздахъ. Въ Саратовѣ жили генералы: Леонтьевъ, Будбергъ, Глазенапъ; полковники: Николай Павловичъ Лапскій, А. И. Муравлевъ, братъ его М. И. Муравлевъ, бывшій адъютантомъ, квартировавшій у насъ въ домѣ: маіоръ Глазовъ и многіе другіе, фамиліи которыхъ не могу припом-

нить. Въ это же время въ Саратовѣ жилъ графъ Бобринскій съ семействомъ; служилъ ли онъ въ гусарахъ или жилъ по другому какому случаю, не знаю; только во время парадовъ и разводовъ его никогда не видно было между офицерами, а встрѣчался онъ въ частныхъ домахъ и не въ военномъ мундирѣ. Что были за красивые и богатые офицеры! Мундиры на нихъ блистали все золотымъ шитьемъ, лошади самыя лучшія. И рядовые солдаты были какъ на подборъ, одинъ другаго лучше; лошади красивыя, статныя. Въ каждомъ полку было по 6 эскадроновъ. Почти каждый годъ лѣтомъ всѣ полки приходили въ Саратовъ на маневры. Съ какимъ удовольствіемъ смотрѣли на нихъ всѣ наши саратовцы! Почти каждый день у нихъ было ученіе: разводы пѣшіе и конные съ музыкой. Въ весенніе и лѣтніе вечера играли зори возлѣ гауптвахты, которая помѣщалась въ домѣ близъ Александровскаго собора, гдѣ теперь 2-я часть; тутъ же вблизи квартировалъ полковникъ Ланскій; на этой же площади были и разводы. Конное ученіе и маневры происходили на площади противъ дома г. Панчулидзева. Тогда она была еще ни чѣмъ не застроена на пространствѣ въ длину до Лысой горы около двухъ верстъ, а въ ширину—болѣе версты. Всѣ генералы, полковники, эскадронные начальники и офицеры были богатые, жили съ большою роскошью, въ особенности зимою, когда въ Саратовъ съѣзжались офицеры изъ уѣздныхъ городовъ. Почти каждый день были вечера и балы. Сколько разсказывали про офицерскія проказы! Кто у кого дочь увезъ или у мужа жену отбилъ; такіе то офицеры часто были въ гостяхъ въ деревнѣ у такой-то помѣщицы; изъ нихъ одинъ офицеръ сосваталъ у ней дочь, но когда обвѣнчались, то женившійся оказался простымъ солдатомъ. Это былъ заговоръ между офицерами, составлявшійся въ насмѣшку надъ помѣщикомъ. Когда играли по вечерамъ зорю у гауптвахты, то сходилось много изъ жителей Саратова всѣхъ сословій, исключая женскаго пола благороднаго званія. Они боялись туда показываться, чтобы не быть осмѣянными офицерами; въ особенности не ходили тѣ, у которыхъ не было изъ офицеровъ коротко знакомыхъ. Были такіе случаи: когда, послѣ развода, офицеры и юнкера собирались у гауптвахты, то если въ это время проходила какая-нибудь благородная женщина, въ сопровожденіи горничной или мальчика, офицеры держали пари, подстрекая юнкеровъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ рѣшился подойти къ идущей дамѣ и поцѣловалъ-бы ее. Находились смѣльчаки; подойдя какъ-нибудь сзади, такъ, что дама не замѣчала, офицеръ кланялся ей, начиналъ какой-нибудь разговоръ и, из-

ловчась, цѣловалъ ее: потомъ бѣжалъ, какъ побѣдитель, въ кругъ офицеровъ, и за здоровье побѣдителя начинали пить шампанское. Дама не успѣвала одуматься, придти въ себя отъ внезапно произшедшаго съ нею случая, и не могши признать въ лицо дерзкаго, приходила домой въ разстроенномъ состояніи духа, разсказывала о случившемся съ нею домашнимъ: тѣмъ дѣло и кончалось. Приносить жалобу и отыскивать свою претензію не было возможности, потому что не знала личности оскорбившаго ее: да и офицеры старались все это скрыть: а постороннихъ лицъ свидѣтелями ни кого не было: выйдетъ пустая жалоба, къ собственному ея конфузу...

. . . . . .

Офицеры въ Саратовѣ вообще жили свободно, ни на кого и ни на что не обращали вниманія, кромѣ своего начальства. На гражданское начальство и чиновничество военные смотрѣли какъ на людей, ничего не значущихъ. Во время квартированія этихъ полковъ въ Саратовѣ въ нихъ много поступило молодыхъ людей, дѣтей помѣщиковъ, благородныхъ чиновниковъ и купцовъ. Я былъ знакомъ съ нѣкоторыми офицерами: бывая у нихъ, видѣлъ ихъ кутежи. Люди были все молодые, красивые, изъ хорошихъ фамилій, имѣли съ избыткомъ денегъ, что бы весело ножить. Сколько было заведено дѣлъ во время пребыванія гусаръ въ губерніи о самовольной порубкѣ лѣсовъ, для устройства въ селеніяхъ конюшенъ, манежа, отопки офицерскихъ квартиръ и на другія потребности! Они высылали крестьянъ для вырубки лѣса, подъ надзоромъ нижнихъ чиновъ, нарубивъ, вывозили срубленное въ село, все нужное для нихъ устраивали: а потомъ гг. форштмейстеры заводили дѣло и относили эти порубки къ самовольнымъ, крестьянами произведеннымъ. Эти бѣдняки платили за порубки штрафъ.

Въ 1824 году въ Возѣ почившій Государь Императоръ Александръ I соизволилъ посѣтить городъ Пензу. Предположили, что посѣтитъ и нашъ благословенный городъ Саратовъ, находящійся въ 180 вер. отъ Пензы. А. Д. принялъ всѣ мѣры къ приведенію Саратова въ должную опрятность и чистоту, какъ въ отношеніи поправки домовъ, воротъ, заборовъ, такъ и очистки самыхъ улицъ и площадей. Два мѣсяца, май и іюнь, всѣ домовладѣльцы красили дома, ворота, заборы и всѣ надворныя строенія. Даже избушки и лачужки заставляли красить мѣломъ и сажею и открытою близъ Саратова желтою глиною, которая, пережженая въ печахъ, дѣлалась красною. Разведенною на водѣ ею красили крыши. Эти два мѣсяца рабочій народъ

суетился около своихъ домовъ и на крышахъ съ судомойками, мочальными кистями, съ разными посудами, наполненными красками. Грязныя и заросшія травой улицы и площади чистили и все свозили въ овраги. Ужасная была суета по всему Саратову! Полицейскіе чиновники и служители перебѣгали изъ дома въ домъ, побуждая владѣльцевъ къ исполненію приказаній. И дѣйствительно, Саратовъ преобразился: нарядился въ какую-то разнообразную пестроту. Съ горъ онъ показывалъ видъ разцвѣтающаго города. Площади и улицы были чисты: ихъ почти каждый день мели. Но Его Величество не осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ нашъ Саратовъ. Дивизія гусаръ была вытребована на смотръ въ Пензу, гдѣ тогда умеръ генералъ Леонтьевъ. Туда же отправлялись губернаторъ, губернскій предводитель, градской голова и другіе люди для представленія Его Величеству; и ѣздило много разнаго званія людей, что бы взглянуть на Государя.

Съ 1800 г. Саратовская губернія принадлежала къ пензенской епархіи. Преосвященные рѣдко пріѣзжали въ Саратовъ. Помню одного Амвросія, который жилъ въ Саратовѣ цѣлое лѣто въ 1823 году, какъ говорили тогда, будто бы по неудовольствію съ пензенскимъ губернскимъ начальствомъ. Онъ жилъ въ Спасопреображенскомъ мужскомъ монастырѣ. Свиты при немъ было очень мало. Экипажъ и выѣздъ имѣлъ постоянно отъ помѣщика Ив. Ан. Кропотова. Преосвященный совершалъ божественныя литургіи во многихъ церквахъ и служилъ очень долго. По окончаніи обѣдни говорилъ проповѣди и поученія, но до того утомительныя для слушателей, что при всемъ своемъ желаніи многіе не могли дождаться окончанія ихъ и выходили изъ церкви. Старожилы много разсказывали о жизни и характерѣ преосвященнаго. Онъ былъ постной и набожной жизни. По ночамъ ѣздилъ по Саратову, и гдѣ увидитъ огонь въ домѣ, приказывалъ везти туда себя; входилъ въ домъ и бесѣдовалъ съ хозяиномъ дома: потомъ, помолясь Богу, благословивъ всѣхъ домашнихъ, уѣзжалъ. Какъ то разъ въ одну ночь увидѣлъ огонь въ домѣ градской полиціи, гдѣ занимались приказные. Присутствующихъ не было; онъ остановился, внезапно вошелъ въ канцелярію. Тутъ случился пьяный приказный изъ духовнаго званія. Преосвященный, помолясь обыкновенно Богу, поговоря съ нѣкоторыми, благословилъ ихъ и уѣхалъ. Говорили, что онъ очень мало кушалъ и преимущественно вареный картофель: былъ болѣзненный человѣкъ и страннаго характера.

Въ ноябрѣ 1825 года изъ С.-Петербурга было получено извѣстіе съ фельдъегеремъ о смерти Императора Александра I. Въ тотъ

же день по отслуженіи панихиды, вечеромъ, часовъ въ 6, все гражданское и военное начальство присягало на вѣрность подданства великому князю Константину Павловичу. На другой день приводились къ присягѣ во всѣхъ церквахъ всѣхъ состояній люди, по присутственнымъ мѣстамъ чиновники и приказные, а въ полкахъ нижніе чины. Спустя недѣли двѣ послѣ этого опять присягали Николаю Павловичу; но все было тихо, спокойно, не происходило ни какихъ безпорядковъ...

. . . . . .

При А. Д. были слѣдующіе вице-губернаторы, они же предсѣдатели казенныхъ палатъ: Дмитрій Гавр. Бибиковъ, бывшій впослѣдствіи кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, И. И. Гозенгъ, П. Д. Сомовъ, а потомъ И. Е. Сырневъ.

Въ концѣ 1826 года Алексѣй Давыдовичъ былъ уволенъ отъ губернаторства и для ревизіи губерніи назначенъ сенаторъ Н. И. Огаревъ. Послѣдній жилъ очень долго въ Саратовѣ, производя ревизію, по которой имъ было уволено много чиновниковъ отъ должностей за безпорядки и злоупотребленія. Послѣ отставки, А. Д. жилъ въ Саратовѣ; выѣзжалъ только на лѣто въ свое имѣніе, с. Безсоновку, Саратовскаго уѣзда, гдѣ у него былъ винокуренный заводъ. Сынъ его А. А. былъ саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, имѣлъ свой домъ рядомъ съ домомъ А. Д., почти одной архитектуры и такъ же хорошо была устроена при немъ дача. Теперь—это помѣстье купца Горбунова. Даже и по отставкѣ А. Д. всѣ сословія и состоянія любили и уважали его. Въ торжественные и табельные дни, также какъ и во время его губернаторства, ѣздили къ нему съ визитами всѣ почетные и другіе дворяне, чиновники и купцы; А. Д. участвовалъ съ своими семейными на всѣхъ домашнихъ вечерахъ и балахъ и на всѣхъ дворянскихъ съѣздахъ; только уже у него не было той роскоши, какая была во время его губернаторства; видимо годъ отъ года уменьшались его достатки. Онъ умеръ въ 1832 году при губернаторѣ Неверзевѣ. По распоряженію послѣдняго, всѣ чиновники канцеляріи участвовали въ процессіи при выносѣ тѣла покойнаго; главные несли его ордена, а прочіе—крышку и гробъ съ тѣломъ, отъ самаго дома до Александро-невскаго собора, гдѣ было отпѣто тѣло покойнаго преосвященнымъ, съ почетнымъ духовенствомъ; отсюда несли обратно до церкви Иліи пророка, вблизи которой устроена небольшая каменная часовня, въ видѣ памятника; она и теперь существуетъ; здѣсь погребены всѣ домашніе А. Д. При выносѣ тѣла саратовцы всѣхъ сословій и состояній сопровождали его въ оба пути въ большой массѣ; бы-

ли въ парадѣ жандармы и казаки саратовской команды. И теперь многіе старожилы помнятъ добрыя дѣла Алексѣя Давыдовича. Въ присутствіи саратовской городской думы и теперь имѣется его портретъ. Когда во время пребыванія своего въ г. Саратовѣ въ 1837 году, Наслѣдникъ, потомъ Государь Императоръ Александръ II былъ въ думѣ, то соизволилъ обратить вниманіе на эти портреты, спросилъ о нихъ: и когда доложили, что онъ бывшій губернаторъ, то сдѣлалъ еще вопросъ: „почему же нѣтъ другихъ?", и получилъ въ отвѣтъ, что этотъ губернаторъ сдѣлалъ для города много добраго и полезнаго. Старожилы, которые были близки съ домомъ А. Д., разсказывали, что онъ изъ бѣднаго состоянія достигъ степени губернатора за добрыя свои дѣла и душу. Мать у него была простая женщина. Когда онъ былъ еще вице-губернаторомъ, то выписалъ ее къ себѣ и, по пріѣздѣ ея, сдѣлалъ балъ, пригласилъ все почетное дворянство, купечество и чиновничество съ семействами и представилъ ее посѣтителямъ. Такое вниманіе его къ престарѣлой матери своей и глубокая сыновняя преданность влили въ душу всѣхъ саратовцевъ высокое понятіе о добротѣ души А. Д., истинное и безпредѣльное къ нему уваженіе, сохранившееся до окончанія его жизни. Съ прискорбіемъ надо сказать, что молодое поколѣніе до сего времени остается безмолвнымъ къ добрымъ дѣламъ покойнаго А. Д. Панчулидзева, бывшаго въ Саратовѣ губернаторомъ около 20 лѣтъ.

Во время губернаторства Панчулидзева въ Саратовѣ не было особенной роскоши даже между семействъ богатыхъ и почетныхъ помѣщиковъ, чиновниковъ и купцовъ. Одѣвались всѣ хотя щеголевато, но просто, скромно, безъ особенной какой-либо пышной уродливости. Тогда еще модистокъ въ Саратовѣ не существовало. Кажется, въ 1825 году появилась первая „мадамъ" Сегина, которая стала всѣ домашніе наряды искажать по своему; а до нея дамскіе наряды всегда отдѣлывались самими госпожами или ихъ горничными, пріученными хорошо шить платья, отдѣлывая ихъ кружевами домашняго рукодѣлія. Платья и другіе наряды вышивали въ пяльцахъ и тамбурахъ разными разводными узорами, что и теперь существуетъ въ средѣ семействъ небогатыхъ чиновниковъ и въ особенности въ домахъ купеческихъ, у которыхъ оно въ большомъ употребленіи. Все вообще парадное бѣлье вышивается на пяльцахъ отличными узорами, окаймливающими платья, простыни и проч. четверти на двѣ и болѣе отъ пола вверхъ. Жены и дочери купцовъ того времени мало выѣзжали на дворянскіе балы и вечера; дворянство какъ-то отъ купечества отдѣлялось; да и купече-

ство находило предосудительнымъ, чтобы ихъ дочери и сыновья знакомились съ дворянскими домами. Выѣзжали развѣ изъ самаго богатаго, почетнаго дома, жившаго на высокую ногу, какимъ былъ домъ почетнаго гражданина Х. И. Образцова, котораго дѣти были очень образованныя. Иные купцы желали и искали случая, чтобы своихъ дочерей отдавать за-мужъ за дворянъ (но не простыхъ чиновниковъ) и сыновей женить на ихъ дочеряхъ, чтобы имѣть крѣпостныхъ людей и деревеньку съ крестьянами на ихъ имена и самимъ быть владѣльцами ихъ, но такихъ купеческихъ семействъ было мало.

Кромѣ домашнихъ бесѣдъ, было любимое удовольствіе у купеческихъ семействъ отъ Рождества до послѣдняго дня масляницы выѣзжать въ праздничные дни на катанье отъ Никольской церкви по Московской и Сергіевской улицамъ до полицейскаго управленія и обратно. Только одно это катанье не измѣнилось въ Саратовѣ, существуя нѣсколько десятковъ лѣтъ. На катаньяхъ только и можно было видѣть купеческихъ дочерей въ пышныхъ нарядахъ, жемчужныхъ снизкахъ, собольихъ шубахъ или салопахъ, въ хорошихъ экипажахъ, запряженныхъ лучшими лошадьми, съ богатою упряжью. Въ ихъ обычаѣ было бѣлиться и румяниться; онѣ какъ куколки сидѣли, закрывъ глаза, будто ни на кого не смотрятъ.

Въ настоящее время купеческій классъ превзошелъ дворянскій, какъ въ образованіи дѣтей своихъ, въ свѣтской жизни, такъ и въ высочайшей степени роскоши въ нарядахъ: купцы щеголяютъ экипажами, лошадьми, упряжью, наемною прислугою и имѣютъ, вмѣсто кухарокъ, поваровъ; дѣтей своихъ учатъ танцамъ, музыкѣ, пѣнію и иностраннымъ языкамъ. Дома ихъ, какъ по наружному, такъ и внутреннему устройству, отличаются особенною чистотою и изящностію въ меблировкѣ комнатъ. Живутъ съ большимъ комфортомъ и для славы своей не жалѣютъ ничего.

Въ старинные годы обѣды и ужины помѣщиковъ сдавались большимъ числомъ блюдъ, приготовляемыхъ изъ собственныхъ припасовъ. У каждаго помѣщика, даже у самаго бѣднаго, были собственный свой скотъ и птица всѣхъ родовъ, медъ, масло, яица, молоко, также и огородныя овощи. Покупного требовалось мало: только чай, сахаръ и разныя разности для приправъ, чего нельзя добыть въ собственной экономіи. Кондитерскія сласти (тогда и кондитеровъ не было) были своего домашняго приготовленія изъ разныхъ сортовъ ягодъ, медоваго варенья (медъ домашній, а о патокѣ картофельной тогда и не думали); яблоки хорошаго сорта, свѣжія и моченыя, дули, бергамоты

изъ своихъ садовъ, теплицъ и оранжерей. Иностранныя вина въ дорогую цѣну, какъ это теперь водится, не подавались и не были въ употребленіи, а шампанское замѣнялось недорогимъ цимлянскимъ въ нужномъ случаѣ. Были въ большомъ употребленіи домашнія ягодныя наливки всѣхъ сортовъ отъ вишневки и малиновки до рябиновки; изъ тѣхъ же ягодъ дѣлали шипучее—пріятный дамскій легкій напитокъ, замѣнявшій ликеръ, и домашній медъ отъ своихъ ичелъ. Только покупалось простое вино да кизлярка, вмѣсто рому...

. . . . . .

Теперь совершенно не то: все въ другомъ видѣ. Фабрики, скотоводство уничтожились; дворни не существуетъ; бывшіе хорошо устроенные дома приходятъ и пришли въ упадокъ: другіе уже уничтожены; скотъ переводится; на гумнахъ хлѣба въ кладяхъ не существуетъ; имѣнія свои перепродаютъ или отдаютъ въ аренду купцамъ или иностранцамъ. Эти послѣдніе владѣнія помѣщиковъ, отлично устроенныя ими, годъ отъ года приводятъ къ опустѣнію; купцы-же, извлекая свои выгоды, разворяютъ крестьянъ при раздачѣ земель для хлѣбопашества и всѣмъ стѣсняютъ...

. . . . . .

Въ отношеніи крестьянъ скажу, что и они тогда жили проще, какъ должно простому поселянину, занимающемуся сельскимъ хозяйствомъ; синіе чапаны, красные кушаки и сапоги носили только волостные головы, бурмистры и старосты, да богатые крестьяне, занимавшіеся какимъ-нибудь торгомъ и имѣвшіе сношеніе съ городскимъ торговымъ классомъ: прочіе чернорабочіе хлѣбопашцы не имѣли этой роскоши. Какъ мужскій полъ, такъ и женскій носили все, отъ лаптей до полушубка и чапана, собственнаго своего произведенія и сработанное домашними руками. Крестьяне имѣли въ изобиліи у себя скота, птицы и хлѣба; бывало, у зажиточныхъ крестьянъ клади и одонья разнороднаго хлѣба на гумнахъ десятками стоятъ по нѣсколько лѣтъ. Если кто проѣзжалъ въ тѣ годы по селеніямъ Саратовской губерніи и видѣлъ, какъ были наполнены гумна одоньями хлѣба, то въ настоящее время не увидитъ ни одного, даже и самихъ крестьянъ не узнаетъ. Они уже преобразились, кромѣ мордвы и чувашъ: изъ русскаго простаго чапана, тулупа и лаптей вылѣзли и одѣлись, какъ мужскій, такъ и женскій полъ, въ городской мѣщанскій нарядъ. Теперь увидите на нихъ сюртуки и брюки хорошаго сукна, драпа, трико и разныхъ лѣтнихъ матерій: а женскій полъ скинулъ сарафаны и шубейки домашняго произведенія, одѣвается въ разныя ситцевыя, га-

русныя платья, бурнусы и пальто: все это покупное, а домашняго произведенія имѣть признаютъ не выгоднымъ, да и не изъ чего приготовить: нѣтъ ни прядева, ни скота, потому что ихъ сельское хозяйство видимо годъ отъ года падаетъ и люди становятся все бѣднѣе и бѣднѣе. Только у тѣхъ, которые держатся старины, прежній порядокъ не измѣнился: живутъ въ довольствѣ. Молодое поколѣніе, пріучась къ роскоши и удовольствіямъ, не занимается хлѣбопашествомъ, а только поденными работами и спекуляторствомъ, проживая предоставленный имъ родителями достатокъ, напимаются охотою въ солдаты или вовлекаются въ преступленія, подвергаются тюремнымъ заключеніямъ и тамъ иногда оканчиваютъ свою жизнь. Въ тѣ времена какъ-то меньше было бѣдныхъ крестьянъ: всѣ или наравнѣ: а нынче въ другомъ селеніи не увидите богатыхъ и десяти домовъ, у которыхъ остальные, доведенные сами собой съ своими семействами до бѣдности, находятся въ зависимости по займу денегъ и прочаго и все заработанное и труды свои отдаютъ въ ихъ распоряженіе. Въ праздничный день вы теперь увидите всѣхъ молодыхъ людей обоего пола разодѣтыхъ щегольски: все предъ вашими глазами представится въ лучшемъ видѣ и нельзя подумать, чтобы эти люди были бѣдны: но войдите въ ихъ дома и взгляните на ихъ хозяйство: увидите всю черноту, нехозяйственность и бѣдность: нѣтъ ни лошади, ни сохи, ни бороны, ни овцы, ни коровы и никакой птицы—только и есть, что на нихъ красная одежда, сдѣланная на попавшіяся имъ какъ-нибудь случайно деньги: а живутъ тѣмъ, что Богъ подастъ.

Прежде за образомъ жизни крестьянъ всѣхъ сословій строго слѣдило ближайшее ихъ начальство, поставленное отъ министерства государственныхъ имуществъ и удѣла: а помѣщичьи были подъ надзоромъ своихъ владѣльцевъ и ихъ управляющихъ. У другихъ помѣщиковъ, которые сами управляли имѣніями, крестьяне были богаче казенныхъ.

Управляющіе, въ особенности изъ иностранцевъ и поляковъ до невозможности стѣсняли крестьянъ и поступали съ ними дурно и, жестоко, разоряли довѣренныя имъ имѣнія. Впослѣдствіи они сами дѣлались владѣльцами, пріобрѣтая себѣ крестьянъ съ деревнями.

Я зналъ многихъ саратовскихъ помѣщиковъ и былъ въ ихъ имѣніяхъ; изъ нихъ главныя: Шереметева, Гурьевой, Арановыхъ, Устинова, Столыпина, Бѣднякова, Желѣзнова, Максимова, Теплякова и другихъ. Я лично видѣлъ ихъ крестьянъ въ лаптяхъ, сѣрыхъ чапанахъ и тулупахъ домашняго произведенія. Гумна ихъ наполнены одоньями и кла-

дями разнаго хлѣба, такъ что ихъ было вчетверо больше самаго селенія; скота всѣхъ родовъ было по нѣсколько стадъ, исключая господскаго. Въ рѣдкомъ помѣщичьемъ имѣніи, развѣ торговомъ, были кабаки, а теперь ихъ найдете по нѣскольку десятковъ и даже показались гостинницы съ музыкою, для привлеченія молодыхъ и старыхъ людей обоего пола, любящихъ покутить, пить чай, въ которомъ прежде они и вкусу не знали. У помѣщиковъ, хорошо управлявшихъ своими имѣніями лично, или чрезъ благонамѣренныхъ своихъ управляющихъ и бурмистровъ, крестьяне не могли безъ вѣдома конторы продать лишнюю лошадь или корову. Если замѣчали кого въ лѣни и нерадѣніи къ своему домохозяйству, то начальство журило такого; замѣченныхъ не во время въ пьянствѣ или одѣтыхъ въ покупные наряды, а не собственнаго произведенія, штрафовали, чтобы деньги зря не тратили, а берегли бы ихъ на казенныя повинности и на домашніе случаи. Въ конторахъ помѣщиковъ велись штрафныя книги, шалуновъ безъ очереди отправляли въ солдаты. Это я указываю на благонамѣренныя управленія помѣщичьими имѣніями.

Въ казенныхъ и удѣльныхъ имѣніяхъ было тоже наблюденіе за образомъ жизни крестьянъ: больше было строгости и меньше кабаковъ.

Помню одно дѣло въ 1832 году. Жители слободы Покровской, Новоузенскаго уѣзда, до семи тысячъ душъ, просили губернатора о недозволеніи изъявившему желаніе одному купцу имѣть гостиницу въ этой слободѣ, потому собственно, что она будетъ привлекать къ себѣ дѣтей богатыхъ крестьянъ и тѣмъ портить ихъ нравственность. Такая переписка доходила до министра финансовъ, и крестьяне настояли на своемъ: гостиница не была открыта; теперь же тамъ существуетъ ихъ три или четыре.

Цѣны существовали на жизненные припасы, какъ видно изъ хозяйственныхъ записокъ матери моей, съ 1822 года и въ послѣдующіе затѣмъ до 1830-хъ годовъ одни и тѣ-же. Измѣненія цѣнъ въ теченіе восьми лѣтъ почти не было. Тогда рубль серебра въ народномъ обращеніи съ установленнымъ лажемъ ходилъ 4 р. 20 к. и счетъ денегъ велся на ассигнаціонный курсъ, т. е. считая рубль мѣди въ 100 коп., что теперь составляетъ только 26¼ к.

Сравненіе цѣнъ, существовавшихъ въ 1820-хъ годахъ на ассигнаціонный курсъ, съ средними цѣнами 1850-хъ годовъ, указываетъ на разительное возвышеніе цѣнъ нынѣ на все вообще. Только цѣны на чай и сахаръ почти въ продолженіе 40 лѣтъ существуютъ одни и тѣ же. Можно утвердительно сказать, что если бы и въ настоящее вре-

мя деньги были въ народномъ обращеніи въ томъ же курсѣ, какъ они существовали до 40-хъ годовъ, то цѣны были бы тѣ же самыя, какія теперь существуютъ.

Все написанное въ этой статьѣ о времени бытности въ Саратовѣ губернаторомъ А. Д. Панчулидзева есть истинная справедливость; разсказъ о томъ, что при немъ было сдѣлано и существовало, основанъ на запискахъ отца моего, на разсказахъ бывшихъ въ то время близкихъ лицъ къ дому его, что я видѣлъ лично своими глазами, въ чемъ былъ самъ участникомъ, служа въ канцеляріи гражданскаго губернатора въ продолженіи 10 лѣтъ при послѣдующихъ губернаторахъ.

II.

Губернаторство А. Б. Голицына.

1826—1830 гг.

Служащій при князѣ Петровъ.—Жена князя.—Устройство канцеляріи.—Учрежденіе саратовской епархіи.—Дѣло объ окладныхъ листахъ въ Хвалынскомъ уѣздѣ.—Закрытіе единовѣрческихъ монастырей въ г. Николаевскѣ.—Жизнь князя Голицына.—Развлеченія.—Отъѣздъ князя въ Петербургъ и его отставка.

Въ концѣ 1826 г. на мѣсто А. Д. Панчулидзева назначенъ былъ въ Саратовъ губернаторомъ князь А. Б. Голицынъ. Онъ былъ женатъ на дочери министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, Аннѣ Васильевнѣ. Это былъ еще человѣкъ молодыхъ лѣтъ, весьма пріятной наружности, гордонадменный и властолюбивый. Къ нему весьма труденъ былъ доступъ. Жилъ онъ въ домѣ А. Д. Панчулидзева, имѣлъ при себѣ небольшое число прислуги, двѣ тройки лошадей: рѣдко, очень рѣдко выѣзжалъ въ каретѣ, а разъѣзжалъ въ открытыхъ экипажахъ, на тройкѣ саврасыхъ лошадей безъ казака и жандарма.

При немъ полицеймейстеромъ былъ полковникъ Албинскій, и то недолго, а большею частію правилъ должность полицеймейстера частный приставъ Скворцовъ, который нѣсколько лѣтъ занималъ эту должность и исполнялъ усердно порученія князя; настоящіе-же полицеймейстеры при князѣ что-то не долго могли служить.

При самомъ вступленіи князя въ управленіе губерніею онъ, по осмотрѣ корпуса присутственныхъ мѣстъ, губернскаго правленія и своей канцеляріи, нашелъ ихъ въ самомъ черномъ видѣ, испросилъ разрѣшеніе на внутреннюю перестройку и на омеблированіе губерн-

скаго правленія, на что въ скоромъ времени и была ассигнована сумма. Въ губернскомъ правленіи и канцеляріи губернатора появились столы, стулья, шкафы, окрашенные приличною краскою: на шкафахъ были надписи, какого отдѣленія и стола; столы были покрыты темнозеленымъ сукномъ; для чиновниковъ и присяжныхъ бѣднаго класса пошиты были форменные сюртуки, разумѣется съ вычетомъ изъ ихъ жалованья, и никто не могъ являться къ должности не въ формѣ, исключая чиновниковъ его канцеляріи, которые преимущественно носили частное платье и всегда щегольски одѣвались. Завелись при столахъ настольныя книги, описи дѣламъ и алфавиты. Дѣла зря по окнамъ, шкафамъ и по столамъ не валялись, а по окончаніи присутствія и занятій убирались въ шкафы и запирались: всегда были дежурные и дневальные, которые и наблюдали за чистотой. Губернское правленіе и канцелярія приняли видъ министерствъ: даже бумага на производство дѣлъ или лучшая съ печатными уголками: оболочки на дѣлахъ были съ гравюрами и дѣла вкладывались въ картоны.

Этимъ устройствомъ и исправностію своей канцеляріи князь хвалился. Очень часто случалось, когда были у него гости, онъ приходилъ въ канцелярію съ княгинею, съ дамами, съ барышнями и разными особами, предлагалъ имъ спросить у чиновника по алфавиту какое-либо дѣло. Чиновникъ туже минуту бралъ изъ шкафа картонъ, вынималъ и подавалъ потребованное, чѣмъ князь былъ чрезвычайно доволенъ...

При каждомъ столѣ были особые чиновники, которые завѣдывали дѣлами, формировали ихъ и за упущеніе отвѣчали.

Служащіе въ канцеляріи были подобраны по возможности сколько-нибудь образованные, пріятной наружности: имъ выдавалось порядочное жалованье изъ тѣхъ же источниковъ, на которые содержалась канцелярія и ранѣе при губернаторѣ Панчулидзевѣ, т.-е. на счетъ градскихъ думъ. Кто прослужитъ года два-три безукоризненно, опредѣлялся на открывавшіяся штатныя мѣста въ г. Саратовѣ и уѣздныхъ городахъ. Князь всѣхъ своихъ чиновниковъ зналъ лично и помнилъ ихъ фамиліи. Нѣкоторые изъ нихъ приглашались на его танцовальные вечера.

Нѣсколько молодыхъ людей пріѣхали съ княземъ изъ Петербурга и служили въ его канцеляріи. Одинъ изъ нихъ, именно Н. П. Петровъ, среднихъ лѣтъ, былъ лицомъ выдающимся. Онъ былъ изъ отпущенниковъ министра Ланского, получилъ по особому высочайшему

повелѣнію первый классный чинъ, былъ чрезвычайно умный и дѣльный человѣкъ. Князь во многомъ слушалъ его совѣтовъ, и Петровъ удерживалъ князя отъ многаго, что готовъ былъ сдѣлать князь при своемъ раздражительномъ и запальчивомъ характерѣ...

Князь былъ чрезвычайно строгъ, настойчивъ и требовалъ безпрекословнаго исполненія его распоряженій и приказаній. Съ чиновниками и приказными губернскаго правленія поступалъ деспотически: они не выходили съ гауптвахты и изъ-подъ ареста, такъ какъ изъ нихъ многіе были не трезвой жизни и неиспорченной нравственности. тѣ самые, которые служили при губернаторѣ Панчулидзевѣ: у нихъ перемѣнилась только наружная оболочка, т.-е. пошиты были форменные сюртуки, а образъ жизни ихъ былъ одинаковъ съ прежнимъ. Исключать ихъ изъ службы было нельзя, потому что они, люди дѣльные, необходимы были для службы при совѣтникахъ на случай разбора важныхъ и серьезныхъ дѣлъ: при томъ же оклады жалованья были малые и лучшіе чиновники въ губернское правленіе служить не шли.

Князь строго преслѣдовалъ и [illegible] между начальствующими лицами и чиновниками...

. . . . . .

Чрезвычайно много было уволено княземъ отъ должностей чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ и предано суду. Вотъ нѣкоторыя примѣры его строгости и настойчивости. Секретарь саратовской градской думы изъ мѣщанъ, Пономаревъ, за взятье съ мѣщанки 50 руб., содержался долгое время въ тюремномъ замкѣ. Дворянскій засѣдатель саратовскаго земскаго суда, А. А. Нестеровъ, за сокрытіе вещей послѣ скоропостижно умершаго иностранца, по лишеніи правъ состоянія, сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Волостнаго писаря Гришина, Пришибинской волости, Царицынскаго, нынѣ Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи, князь во время рекрутскаго набора, за взятки, по жалобѣ, принесенной на него, обрилъ Гришина въ солдаты безъ всякаго суда и слѣдствія *)...

. . . . . .

Такъ какъ губернаторы обязаны были представлять списки о всѣхъ вообще чиновникахъ, занимающихъ мѣста отъ 8 класса и выше, въ министерство, съ своею аттестаціею, то князь многихъ аттестовалъ

*) Дѣло въ архивѣ уголовной палаты и губернскомъ правленіи.
Авт.

съ невыгодной стороны, касаясь ихъ чести. Когда ему докладывали близкія къ нему лица—Петровъ и правитель канцеляріи Симановскій, что такъ нельзя въ аттестаціи порочить честь заслуженныхъ чиновниковъ, и что за это можетъ князь подвергнуться отвѣтственности, онъ на это сказалъ: „покажите мнѣ законъ, которымъ я долженъ въ этомъ случаѣ руководствоваться“? Но прямаго закона не было (тогда еще св. зак. не существовало). Дѣйствительно, противу сдѣланныхъ княземъ аттестацій затребовано было отъ него объясненіе. Правитель канцеляріи представилъ объ этомъ князю, затрудняясь составить самъ отвѣтъ. Князь спросилъ листъ бумаги, и прямо на бѣло самъ написалъ министру донесеніе, испрашивая разрѣшенія, какъ ему въ этомъ случаѣ поступить, по обыкновенной формѣ – „способенъ и достоенъ“ или такъ, какъ онъ на самомъ дѣлѣ знаетъ чиновника. На это въ 1831 или въ 1832 году состоялось Высочайшее повелѣніе: аттестаціи дѣлать такъ, какъ знаетъ чиновника губернаторъ.

Во время губернаторства князя Голицына въ губернскомъ правленіи были совѣтниками: Мѣшковъ, В. И. Ивановъ и ассесоръ В. П. Львовъ, правителемъ канцеляріи—Симановскій; всѣ они были люди дѣльные, исполнительные, но съ крутыми и грубыми характерами; всѣ распоряженія, приказанія и желанія князя исполняли безъ всякаго прекословія, не щадя ни кого, лишь бы было исполнено то, что приказалъ князь. Только одинъ Петровъ могъ смягчать характеръ князя. Всѣ означенныя лица, близкія къ князю, были для чиновниковъ, занимающихъ и высшія должности, наказаніе Господне. Всѣ оказывали имъ должное уваженіе, но въ душѣ никто не имѣлъ къ нимъ расположенія.

При князѣ Голицынѣ окончены постройкою четыре каменныхъ дома для городскихъ частей, съ высокими каланчами для часовыхъ, съ приспособленіемъ для вывѣшиванія шаровъ, съ помѣщеніями для пожарныхъ инструментовъ, лошадей и команды и квартирою пристава. Прежде того были простые „съѣзжіе дома“, деревянные, безъ всякаго устройства.

При князѣ же Голицынѣ построенъ домъ тюремнаго замка, каменный, трехъ-этажный, въ большомъ размѣрѣ, съ принадлежащими къ нему службами.

При князѣ-же въ 1828 году открыта самостоятельная саратовская епархія. Первый преосвященный былъ Моисей, который помѣщался въ домѣ г. Тепляковой. Впослѣдствіи для архіерея пріобрѣ-

тенъ былъ домъ деревянный, большой, который и теперь существуетъ. Потомъ уже выстроенъ на томъ же дворѣ каменный и въ немъ домовая церковь; тутъ же былъ особый домъ для духовной консисторіи.

При князѣ Голицынѣ построены были въ Саратовѣ большаго размѣра деревянные чаны съ желѣзными обручами и разставлены по площадямъ, врытые до половины въ землю; въ нихъ пожарною командою наливалась вода въ запасъ на несчастные случаи до 500 ведеръ.

. . . . . .

Въ 1827 году, по распоряженію министерства финансовъ велѣно выдавать государственнымъ крестьянамъ каждому семейству табели или окладные листы, для вписанія въ нихъ, сколько каждымъ семействомъ внесено податей. Казенная палата, напечатавъ нѣсколько тысячъ этихъ листовъ, разослала въ волостныя правленія всей губерніи, для раздачи крестьянамъ и точнаго исполненія. Волостныя правленія въ большей части губерніи исполнили все предписанное имъ; но въ Хвалынскомъ уѣздѣ волостное начальство и писаря нашли, что это будетъ для нихъ не выгодно (надо сказать, что жители того уѣзда въ то время были самые богатѣйшіе), такъ какъ съ крестьянъ при взносѣ ими податей нельзя будетъ поживиться: кто внесъ за свое семейство 20 или 25 руб., въ табели неловко будетъ писать 19 или 24 руб., чрезъ это могутъ быть жалобы отъ крестьянъ, и начальство будетъ преслѣдовать. Въ этомъ убѣжденіи первая Шалкинская волость пріостановилась выдачею крестьянамъ табелей. Между тѣмъ былъ распространенъ слухъ по всему уѣзду среди старообрядцевъ, изстари населяющихъ Хвалынскій уѣздъ, что присланы антихристовы печати *), и кто возьметъ ихъ, того будутъ присоединять къ православной церкви: а православнымъ крестьянамъ сказано, что кто возьметъ эти бумаги, то ихъ запишутъ въ удѣльные крестьяне, чего они чрезвычайно боялись, потому что въ то время были толки, что въ удѣльныхъ имѣніяхъ вводится общественная запашка, которую они должны исполнять натурою, а на уборку хлѣба высылать женскій полъ. Вслѣдствіе этихъ слуховъ противу табелей преимущественно возстали женщины, въ особенности закоренѣлыя старообрядки, которыя всегда имѣютъ большое вліяніе на мужей своихъ; они запретили мужикамъ брать антихристову печать, несмотря ни на какія приказанія начальства. Первая Шалкинская волость оказала сопротивленіе въ принятіи

*) Гражданскую печать старообрядцы называли и теперь закоренѣлые изъ нихъ называютъ антихристовою. *Авт.*

окладныхъ листовъ. Волостное правленіе донесло объ этомъ казенной палатѣ. Палата посылала своего чиновника разъяснить крестьянамъ, для чего листы предназначены: но крестьяне все-таки отъ принятія табелей совершенно отказались. Послѣ этого назначена была коммисія отъ разныхъ вѣдомствъ губернскаго начальства, которая тоже не имѣла успѣха. Завязалась переписка. Наконецъ послана была рота солдатъ саратовскаго баталіона, подъ командою ротнаго командира Захарова. Но за всѣмъ тѣмъ молва объ этихъ табеляхъ разнеслась по всему уѣзду, и крестьяне многихъ селеній сопротивлялись принимать ихъ. Уже военными мѣрами принуждали каждаго домохозяина взять табель на общественныхъ сходахъ; кто сопротивлялся, того подвергали для примѣра наказанію. Этою мѣрою только и привели крестьянъ къ повиновенію, и то въ продолженіи полугода военная команда не выходила изъ Хвалынскаго уѣзда *). Впослѣдствіи, именно въ 1841 году, я былъ въ томъ уѣздѣ исправляющимъ должность окружнаго начальника: ко мнѣ часто крестьяне приходили съ табелями въ платежѣ ими податей и разныхъ сборовъ для новѣрки, дѣйствительно ли въ нихъ записано то самое количество денегъ, какое ими внесено было сборщику податей; дѣлались справки съ окладными книгами и общественными приговорами, и, оказывалось, къ удовольствію крестьянъ, занесеніе податей въ табели справедливымъ. Я тогда многихъ спрашивалъ, почему они въ принятіи окладныхъ листовъ сопротивлялись, а теперь сами видятъ въ нихъ большую пользу? Они отвѣчали: „что дѣлать, батюшка! слушали бабъ да писарей, они все толковали, что эти листы антихристовой печати, что возьмутъ всѣхъ въ удѣлъ: мы и взбаломутились: вѣдь съ бабами-то не совладаешь, въ особенности съ знахарками-грамотницами: онѣ все свое толкуютъ. Сами то въ сторонѣ, а нашъ братъ мужикъ въ отвѣтѣ“.

Извѣстно, что бывшіе Иргизскіе старообрядческіе монастыри, нынѣ единовѣрческіе, состоящіе въ Самарской губерніи, въ Николаевскомъ уѣздѣ, прежде принадлежали къ Саратовской губерніи, къ Вольскому уѣзду. Такъ какъ они состояли при удѣльныхъ селеніяхъ, то и были въ зависимости отъ саратовской удѣльной конторы. Во время губернаторства князя Голицына, по распоряженію правительства, эти монастыри поступили въ завѣдываніе губернскаго начальства и были подъ надзоромъ и наблюденіемъ вольскаго земскаго суда. Монастыри эти слѣдующіе: 1) Нижне-Воскресенскій, при с. Криволучье: 2) Ни-

*) Объ этомъ возмущеніи крестьянъ есть дѣла въ архивахъ губернскаго правленія и казенной палаты. *Авт.*

кольскій, при с. Мечетномъ, оно же Никольское, что теперь г. Николаевскъ; 3) Крестовоздвиженскій женскій, близъ деревни Давыдовки, и 4) Верхне-Преображенскій, при деревнѣ Пузановкѣ. Жители этихъ селеній и окольныхъ съ ними, преимущественно старообрядцы, всѣ требы исполняли въ этихъ монастыряхъ. Они получили свое основаніе въ 1700-хъ (?) годахъ и сдѣлались извѣстны между старообрядцами всей Россіи, отъ Кавказа до Сибири, Петербурга и Москвы *).

Монастыри эти преимущественно были содержимы богатѣйшимъ купечествомъ, принадлежащимъ къ старообрядчеству; купцы сюда пріѣзжали изо всѣхъ странъ Россіи. Богомольцы дѣлали въ монастыри замѣчательныя пожертвованія. Родниковая вода монастырей, признаваемая за святую, излѣчивающую болѣзни, высылалась всюду, и за бутылку ея платили значительныя суммы. Всѣ церкви монастырскія и зданія были каменныя и имѣли большіе размѣры. Мѣстоположеніе монастырей живописное: здѣсь заповѣдные лѣса, внутри которыхъ есть небольшія озера съ рыбою, родники самой лучшей воды, устроенные въ изящномъ видѣ. На мѣстѣ ихъ производилось богослуженіе и освященіе воды. Лѣса окаймлены извѣстною рѣкою Иргизомъ, отъ которой монастыри и получили свое названіе. Здѣсь разведены были въ лучшемъ видѣ сады, огороды и пчельники. Церковная утварь, мѣстныя иконы, ризница были богатѣйшія: серебряныя, золотыя, украшенныя драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Въ монастыри приходили и принимались всякаго званія люди: даже важные преступники безъ письменныхъ видовъ здѣсь скрывались отъ преслѣдованія. Впослѣдствіи число монашествующихъ и вообще живущихъ дошло свыше 400 человѣкъ въ каждомъ монастырѣ. Монастырямъ принадлежали земли: поэтому живущіе въ нихъ занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ подъ вѣдѣніемъ настоятелей монастырей или же лицъ ими самими избираемыхъ: по благословенію настоятелей назначались лица для отправленія богослуженій: діаконы, уставщики и казначеи. Службы совершались по рукописнымъ книгамъ: послѣднія написаны были тѣмъ же самымъ штрихомъ, какъ и книги нашей православной церкви. Между прочимъ, діаконъ, когда сказывалъ ектенію, становился на круглый камень противу царскихъ дверей устроенный вышиною на полуаршина **).

*) Уральскіе, донскіе и астраханскіе казаки всѣ безъ исключенія принадлежали къ нимъ. (?) *Авт.*

**) Такой камень съ Иргиза находится въ настоящее время на Черемшанѣ, въ женскомъ старообрядческомъ скитѣ. *Ред.*

Такъ какъ объ этихъ монастыряхъ вышло много историческихъ описаній, то о дальнѣйшихъ подробностяхъ нахожу неумѣстнымъ объяснять. Передамъ лишь то, что я лично слышалъ отъ живущихъ въ нихъ, въ чемъ былъ самъ дѣйствующимъ лицомъ по службѣ своей прежде въ канцеляріи гражданскаго губернатора, а потомъ николаевскимъ окружнымъ начальникомъ.

Выше я сказалъ, что монастыри эти были въ завѣдываніи удѣльной конторы: поэтому полицейскій надзоръ былъ слабый. При умноженіи же состава живущихъ въ монастыряхъ всякими пришлецами, годъ отъ года стали умножаться преступленія, и изъ монастырей брались преслѣдуемые важные преступники. Когда монастыри поступили въ вѣдѣніе губернскаго начальства, то при пріемѣ ихъ изъ удѣла во время губернаторства князя Голицына, въ 1828 году *), по его убѣжденію, Нижневоскресенскій монастырь принялъ единовѣріе безъ всякаго сопротивленія, а прочіе три оставались старообрядческими. Тогда же были составлены именные списки всѣмъ проживающимъ въ монастыряхъ, кто откуда сюда поступилъ, съ обязательствомъ, чтобы вновь никого не принимать, въ особенности безъ письменныхъ видовъ. По этимъ спискамъ была производима повѣрка чрезъ исправниковъ и особыхъ чиновниковъ отъ губернаторовъ: но за всѣмъ тѣмъ все-таки принимались скрывавшіеся преступники и жили подъ именами убылыхъ.

. . . . . .

При князѣ Голицынѣ умеръ вице-губернаторъ И. Е. Сырневъ въ 1829 году, вмѣсто его былъ назначенъ В. Я. Рославецъ.

По веснѣ 1830 года князь Голицынъ отправился въ отпускъ въ С.-Петербургъ и оттуда болѣе въ Саратовъ не возвратился.

Со времени князя Голицына въ Саратовѣ стала водворяться въ обществѣ роскошь: въ нарядахъ женскаго пола высшаго круга, въ парадныхъ обѣдахъ, въ употребленіи винъ иностраннаго издѣлія. Бывшіе при губернаторѣ Панчулидзевѣ предсѣдательствующіе въ губернскихъ мѣстахъ и всѣ совѣтники, преимущественно имѣвшіе въ Саратовской губерніи свои имѣнія, поувольнялись. Вмѣсто ихъ наѣхали новые изъ разныхъ губерній и изъ Петербурга, а вмѣстѣ съ ними наѣхало и мелкое чиновничество. Это пришлое чиновничество, не имѣвшее здѣсь осѣдлости, должно было всю провизію имѣть покупную съ базара и лавокъ, наряды семейнымъ дѣлать у модистокъ, а не домашними швей-

*) Секретныя дѣла канцеляріи губернатора, которыя должны быть въ архивѣ губернскаго правленія, такъ какъ всѣ дѣла его передаются въ этотъ архивъ. *Авт.*

ками. Домашняя экономія, наливки и прочее остались въ деревняхъ, куда по отставкѣ переселились прежніе предсѣдательствующіе. Князь любилъ весело жить; у него часто были обѣды, балы и вечера преимущественно для избранныхъ семействъ, такъ какъ со многими домами онъ былъ не въ ладахъ. Супруга князя въ Саратовѣ жила мало, а болѣе гостила въ Петербургѣ; но князь и одинъ не отказывалъ себѣ въ удовольствіяхъ... Такими же обѣдами и вечерами отвѣчали князю и прочія особы, которыя были въ короткихъ отношеніяхъ съ нимъ.

Князю А. Б. Голицыну принадлежитъ безспорно та заслуга, что онъ изъ присутственныхъ мѣстъ повымелъ соръ и уничтожилъ грязь и вообще водворилъ нѣкоторый порядокъ. Правда, приказный пьяный классъ не былъ уничтоженъ: но этого нельзя было исполнить по непмѣнію въ виду людей, которыми можно было бы ихъ замѣнить: помѣщики и вообще состоятельные люди сыновей своихъ на гражданскую службу не желали опредѣлять, считая низкимъ, чтобы ихъ сыновья терлись среди пьяныхъ приказныхъ и были бы подъ ихъ началомъ: дѣтей такихъ лицъ только зачисляли на службу для полученія чина коллежскаго регистратора. Да къ тому же, правду сказать, сыновья помѣщиковъ и почетныхъ чиновниковъ оставались безъ всякаго образованія, кое-какъ были обучены писать и читать, проживали въ деревняхъ лѣтъ до 25, занимались лишь охотою, окруженные дворнею обоего пола: иные просто били баклуши. Получившихъ чинъ 14-го класса дворянство удостоивало своимъ выборомъ въ засѣдатели присутственныхъ мѣстъ и другія должности, зависящія отъ дворянъ, въ томъ разсужденіи, что имъ на этихъ мѣстахъ дѣлать нечего: нужно только подписывать бумаги, а это не трудно: работать-же должны секретари да приказные. Почетные и фамильные помѣщики сыновей своихъ преимущественно отдавали въ военную службу для славы и военнаго мундира, а богатое чиновничество—преимущественно для полученія чина прапорщика или корнета, чтобы потомъ возвести сына своего въ дворянство, которымъ тогда сильно интересовались для пріобрѣтенія деревенекъ.

Но князь обратилъ свое вниманіе и на приказный классъ: онъ обмундировалъ и ввелъ въ должную форму чиновника *). Онъ истреблялъ взяточничество и во время его губернаторства оно производилось только въ большомъ секретѣ между просителями и чиновниками.

О князѣ Голицынѣ см. еще Труды Сар. Уч. Арх. Ком. т. III,

*) Съ того времени форма стала существовать отъ губернскаго до уѣзднаго чиновника и приказнаго.

вып. I. „Воспоминанія ветерана 1813—1814 гг.“, гдѣ онъ характеризуется, какъ „образованный, честный, благонамѣренный, сдѣлавшій много для Саратовской губерніи освобожденіемъ ея отъ закоренѣлыхъ взяточниковъ“. Элтонскій промыселъ, по словамъ автора Воспоминаній, былъ въ Саратовѣ своего рода Калифорніею. Какъ-же озлобились промышленники-контрабандисты на А. В. Голицына, когда онъ обратилъ на нихъ свое вниманіе! Нѣсколько барокъ съ корчемною солью промышленниками, изъ страха попасться съ ними, были затоплены въ Волгѣ.

Ред.

III.

Губернаторство В. Я. Рославца.

1830—1831 гг.

Губернаторъ Викторъ Яковлевичъ Рославецъ.—Чиновникъ Чекмаревъ.—Появленіе холеры въ Астраханской губ.—О мѣрахъ и карантинѣ къ предупрежденію этой болѣзни.—Появленіе холеры въ г. Саратовѣ.—Болѣзнь губернатора Рославца.—О движеніи холеры по городу.—Увольненіе Симановскаго и Львова.—Назначеніе Рославца въ Сибирь.—Два слова объ отношеніяхъ его къ м-мъ Пражекъ.

В. Я. Рославецъ былъ вице-губернаторомъ (онъ же и предсѣдатель казенной палаты); за отъѣздомъ князя Голицына въ С.-Петербургъ онъ вступилъ въ управленіе губерніею. Это былъ человѣкъ высокаго роста, рябоватый, впрочемъ пріятной наружности, лѣтъ 40, слабой комплекціи. Одинокій, онъ жилъ скромно въ домѣ, принадлежащемъ казенной палатѣ, имѣлъ только пару лошадей и человѣка четыре прислуги. При Рославцѣ я служилъ въ казенной палатѣ по лѣсному отдѣленію; ему понравился почеркъ моей руки, и онъ назначилъ меня въ собственную свою канцелярію; при немъ я почти постоянно и находился.

По вступленіи В. Я. Рославца въ управленіе губерніею губернаторская канцелярія, не имѣющая постояннаго дома, была переведена въ тотъ же домъ, гдѣ жилъ самъ губернаторъ. Рославецъ имѣлъ большую антипатію къ правителю канцеляріи Симановскому и ассесору губернскаго правленія Львову; къ себѣ ихъ не принималъ, вслѣдствіе чего они подали прошеніе объ увольненіи ихъ въ отпускъ. Первый жилъ въ имѣніи своемъ, а послѣдній въ Саратовѣ,

занимаясь частными дѣлами. Должность Симановскаго была поручена столоначальнику канцеляріи Н. Н. Чекмареву, изъ студентовъ казанскаго университета, дѣльному и образованному человѣку.

Вскорѣ по вступленіи въ управленіе губерніею Рославца сдѣлалось волненіе между удѣльными крестьянами Камышинскаго уѣзда, Золотовской волости, въ 85 вер. отъ Саратова. Въ то время вводилась въ удѣльныхъ имѣніяхъ общественная запашка, которую крестьяне, не смотря на всѣ убѣжденія своего и впослѣдствіи губернскаго начальства, исполнять не хотѣли; по этому случаю и крестьяне другихъ волостей, сосѣдственныхъ съ Золотовскою, противъ своего начальства упорствовали и оказали неповиновеніе. Изъ происходившей по этому предмету переписки Викторъ Яковлевичъ заключилъ о необходимости ѣхать самому въ с. Золотое для водворенія порядка. Однако и пріѣздъ его успѣха не имѣлъ. Вытребована была изъ саратовскаго баталіона рота солдатъ: послѣдняя была отправлена на обывательскихъ подводахъ. Верстахъ въ двухъ отъ с. Золотаго рота выстроилась въ боевой порядокъ, забилъ барабанъ и солдаты вошли въ село и расположились на площади, противъ квартиры губернатора. Между тѣмъ какъ ожидали прибытія команды, собранъ былъ общественный сходъ изъ упорствующихъ крестьянъ всѣхъ селеній, болѣе 500 человѣкъ, исключая крестьянъ другаго вѣдомства, называемыхъ „понятыми“. Сходъ былъ окруженъ цѣпью солдатъ. Ему прочли распоряженіе правительства и потребовали его исполненія; но многіе изъ бывшихъ тутъ однообщественниковъ не соглашались; смотря на нихъ не согласились и другіе. Увѣщанія продолжались съ 10 п до 2 часовъ пополудни. Успѣха не было. Рославецъ потребовалъ отъ бывшаго тутъ управляющаго удѣльной конторою Е. Г. Манасеина списокъ тѣхъ крестьянъ, которые были виновниками волненія общества...

. . . . . .

Во время губернаторства Рославца, полицеймейстеромъ былъ флотскій капитанъ К. К. Бордовскій, тонкій и прозорливый человѣкъ. Онъ имѣлъ у себя тайныхъ агентовъ изъ жидовъ и поляковъ обоего пола и отъ нихъ получалъ всѣ свѣдѣнія. Онъ зналъ всю подноготную обывателей Саратова отъ низшаго класса до богатыхъ купеческихъ и аристократическихъ домовъ, что въ каждомъ домѣ дѣлается, и изъ этого извлекалъ большія выгоды. Иногда при разговорахъ удивляешься передаваемымъ имъ свѣдѣніямъ, смѣшаннымъ съ критикою, гдѣ что случилось. За это онъ былъ въ большомъ благоволеніи у губерна-

тора. Онъ дѣйствовалъ гдѣ нужно самъ, а то чрезъ частныхъ приставовъ.

Послѣ бунта въ Варшавѣ въ 1830 году въ Саратовѣ много появилось жидовъ и поляковъ изъ нижняго класса и чиновниковъ; они находились подъ надзоромъ полиціи.

Вскорѣ послѣ утушенія золотовскаго бунта, въ началѣ іюля Рославецъ получилъ секретное увѣдомленіе отъ астраханскаго губернатора (кажется тогда былъ Пяткинъ), что въ предѣлахъ Астраханской губерніи появилась холера-морбусъ. Чтобы принять должныя мѣры къ предохраненію Саратовской губерніи, Рославецъ отправился въ Царицынъ, какъ пограничный городъ съ Астраханскою губерніею, съ двумя докторами: Кустовскимъ, который былъ при казенной палатѣ по Эльтонскому озеру, и Мейеромъ, членомъ врачебной управы.

Тогда въ Саратовѣ всѣхъ вообще лекарей, съ членами врачебной управы, исключая принадлежащихъ къ вѣдомствамъ конторъ удѣльной и иностранныхъ поселенцевъ, было не больше 6 человѣкъ. Инспекторомъ былъ Рейнгольмъ, слабый старикъ, лѣтъ 60 и другой членъ управы Немейеръ.

Въ Царицынѣ Рославецъ сдѣлалъ нужныя распоряженія относительно устройства обсерваціонныхъ и карантинныхъ заставъ, такъ, чтобы безъ предварительнаго окуренія слѣдующихъ изъ Астрахани водою судовъ и сухопутно проѣзжающихъ никого не пропускать: оставилъ тамъ доктора Мейера для поданія помощи въ случаѣ появленія эпидеміи, такъ какъ въ Царицынѣ былъ только одинъ медикъ на весь городъ и уѣздъ, а именно г. Гауровичъ (датчанинъ); оставилъ также чиновника особыхъ порученій Болонскаго и затѣмъ самъ возвратился въ Саратовъ.

Гауровичъ за описаніе хода холеры, признаковъ ея и о мѣрахъ излѣченія получилъ отъ датскаго короля, которому поднесъ это описаніе, золотую медаль и вскорѣ былъ вытребованъ въ Петербургъ. Я съ нимъ былъ нѣсколько знакомъ и видѣлъ ту медаль.

По возвращеніи въ Саратовъ, Рославецъ, нисколько не медля, пригласилъ къ себѣ всѣхъ первенствующихъ въ Саратовѣ особъ, губернскаго предводителя А. А. Панчулидзева, преосвященнаго Моисея и управляющихъ отдѣльными частями, передалъ имъ полученныя отъ астраханскаго губернатора свѣдѣнія и о сдѣланномъ распоряженіи въ Царицынѣ. Трактовали о мѣрахъ принятія предосторожности въ Саратовѣ, въ случаѣ появленія эпидеміи, объ устройствѣ карантинныхъ

заставъ, объ окуриваніи проѣзжающихъ по Волгѣ и сухопутно, объ оцѣпленіи Саратова, о запрещеніи продажи разнородныхъ овощей. Преосвященный мало говорилъ въ засѣданіи, а во время общаго оживленнаго разговора, указывая на небо, замѣтилъ: „А свыше что устроите“? Всѣ призадумались. Было, между прочимъ, обращено вниманіе на то, что болѣзнь прилипчива при прикосновеніи къ больному или къ бывшему на немъ платью, что могутъ заражаться другіе, и что безъ карантиновъ нельзя обойтись. Обо всемъ говоренномъ былъ составленъ актъ. Объ особенныхъ какихъ-либо мѣрахъ собственно внутри Саратова въ это засѣданіе ничего не сказано.

Въ это же самое время былъ командированъ въ Царицынъ для дальнѣйшихъ распоряженій живший тогда въ Саратовѣ числящійся по арміи подполковникъ П. И. Корневъ и о всѣхъ распоряженіяхъ донесено было министру.

Между тѣмъ отъ астраханскаго губернатора получено увѣдомленіе, что холера-морбусъ въ Астрахани сильно свирѣпствуетъ. Но тогда никто не зналъ ничего объ этой болѣзни и какія должно принимать противу нея мѣры. Еще въ 1829 году были въ Саратовѣ частные слухи, что на Кавказѣ свирѣпствуетъ чума, но на эти слухи мало обращали вниманія. Грядущую холеру принимали за чуму. По этому случаю медицинскихъ наставленій, какъ предохранить себя каждому отъ болѣзни, не было: они получены были впослѣдствіи изъ Астрахани и Петербурга, именно предписывалось: пускать кровь при пораженіи холерою; пить вино, настоенное краснымъ перцомъ; натирать этимъ же настоемъ тѣло при появленіи судорогъ: пить дегтярную воду; вмѣсто чая, употреблять мяту, ромашку, бузину, мятныя капли, разный сборъ, хлорную воду и окуривать хлѣбнымъ уксусомъ. Эти наставленія повсюду были разосланы въ печатныхъ и скорописныхъ экземплярахъ.

Въ половинѣ іюля, около 20 чиселъ, получено изъ Царицына донесеніе, что тамъ обнаружилась холера, что день отъ дня смертность увеличивается и что докторъ Мейеръ отъ нея померъ.

Состоялось еще общее засѣданіе, но опять не было обращено вниманія на то, что бы заблаговременно приготовить въ Саратовѣ для больницъ дома, все къ тому нужное и запастись медикаментами.

Въ самыхъ послѣднихъ числахъ 30 и 31 іюля на прибывшихъ въ Саратовъ изъ Астрахани судахъ, выдержавшихъ въ Царицынѣ карантинный терминъ, померло два бурлака въ самое короткое время, по свидѣтельству медика, съ признаками холеры. Съ наступленіемъ

августа, преимущественно съ 6 числа, число умершихъ стало увеличиваться. Бывшій при губернаторѣ докторъ Кустовскій померъ. Рославецъ тоже былъ пораженъ холерою, не могъ управлять губерніею. Къ нему былъ выписанъ аткарскій уѣздный лѣкарь Башинскій, который при немъ и чиновникахъ канцеляріи все время находился.

Всѣ начальствующія особы, а за ними и второстепенныя лица выѣхали изъ Саратова: кто въ свои имѣнія, кто на дачи близъ Саратова; самого Рославца, больнаго, перевезли за городъ въ домъ А. Д. Панчулидзева. За болѣзнью Рославца слѣдовало бы управлять губерніею по старшинству предсѣдателю палаты уголовнаго суда, А. А. Шушерину, а за нимъ—гражданскаго суда, А. А. Макбронскому, но они отказались за болѣзнію, такъ что нѣсколько дней исправлялъ должность губернатора совѣтникъ губернскаго правленія. Въ самый разгаръ холеры, съ 16 по 22 августа, умирало до двухъ сотъ человѣкъ и болѣе въ сутки. Все канцелярское чиновничество тоже повыѣхало изъ Саратова или попряталось съ семействами своими кто куда могъ. Я самъ, грѣшный человѣкъ, уѣхалъ къ матери своей въ имѣніе, не подалеку отъ Саратова, откуда былъ взятъ присланнымъ за мной казакомъ. И всѣхъ другихъ, выѣхавшихъ изъ Саратова, даже занимавшихъ высшія должности, собрали такимъ же образомъ.

Получивъ облегченіе, Рославецъ вступилъ въ управленіе губерніею послѣ 20 августа. Съ этого времени для канцеляріи губернатора былъ отведенъ домъ Григоровичевой, что противу бульвара. Тутъ пошла спѣшная работа, всѣ занимались однимъ предметомъ: объ отводѣ домовъ для больницъ, о выпискѣ лѣкарей, медикаментовъ, о принятіи предохранительныхъ мѣръ при усиленныхъ дѣйствіяхъ холеры. Встрѣтился ощутительный недостатокъ въ медикаментахъ. Посылали за ними нарочныхъ въ колонію Сарепту, верстъ за 400 отъ Саратова. Нѣкоторые доктора отказывались за болѣзнію отъ поданія помощи страждущему человѣчеству.

За время болѣзни В. Я. Рославца было получено Высочайшее повелѣніе, что онъ утвержденъ саратовскимъ губернаторомъ.

Съ послѣднихъ чиселъ августа стали получать и изъ уѣздныхъ городовъ донесенія о появленіи болѣзни съ требованіемъ докторовъ и медикаментовъ. Каждый день пріѣзжало по нѣскольку нарочныхъ съ подобными требованіями; такъ же были отправлены нарочные къ сосѣдственнымъ губернаторамъ, съ увѣдомленіемъ о ходѣ болѣзни и высылкѣ въ Саратовъ лѣкарей, фельдшеровъ и медикаментовъ.

Въ канцеляріи занимались съ ранняго утра до полночи; тутъ же

многіе чиновники обѣдали и почевали на случай полученія экстренныхъ депешъ съ эстафетами и нарочными, по которымъ тотчасъ же дѣлалось распоряженіе. По распоряженію губернатора, отпущено въ вѣдѣніе канцеляріи 3 тыс. руб., ассигнованныя изъ экстраординарной суммы на разные непредвидѣнные расходы: на посылку нарочныхъ, эстафетъ и на разъѣзды чиновниковъ по городу, такъ какъ при канцеляріи каждые сутки стояли два извощика. Мнѣ часто приводилось ѣздить къ губернатору съ экстренно полученными бумагами и для подписи исходящихъ: бумаги всѣ прокалывались и окуривались дымомъ отъ хлѣбнаго уксуса. Губернаторъ никого изъ чиновниковъ къ себѣ не принималъ, будучи слабъ еще здоровьемъ, а объяснялся черезъ дверь самъ (?) или черезъ доктора; подаваемыя ему привезенныя бумаги у него еще въ домѣ окуривались. Во время проѣзда моего отъ дома Григоровичевой, гдѣ была канцелярія, до дома Панчулидзева, гдѣ жилъ Рославецъ, на встрѣчу почти безпрерывно попадались погребальныя процессіи; на одной телѣгѣ лежало по три и по пяти гробовъ, въ особенности изъ больницъ, такъ что на Ильинскомъ мосту не было возможности разъѣхаться: одни ѣдутъ съ умершими на кладбище, другіе оттуда возвращаются. Кладбище было особо отведенное, ниже Саратова по теченію Волги, на самомъ берегу, по Астраханскому тракту. Пышныхъ похоронъ совершаемо не было, не смотря ни на какое богатое и знатное лицо: не видать было ни катафалокъ, ни церковныхъ носилокъ: все возили на телѣгахъ, да и духовенству нѣкогда было исполнять длинные обряды похоронъ: священниковъ безпрерывно требовали для исповѣди заболѣвающихъ. Большею частію изъ домовъ умершихъ сносили въ церкви, гдѣ священники и совершали панихиды, послѣ чего гроба ставили на телѣгу и везли на кладбище. Такъ продолжалось во все время существованія холеры въ Саратовѣ, каждодневно, съ ранняго утра до ночи. Бывало смотришь на эту горько плачевную картину вымирающаго человѣчества, волосы дыбомъ поднимались и темнѣло въ глазахъ. Лавки почти всѣ были заперты, торговли никакой не производилось, въѣздъ изъ ближайшихъ деревень съ разными припасами былъ запрещенъ и никого не пропускали: въ продажѣ не было совершенно никакихъ плодовъ. Люди ходили по улицамъ съ завязаннымъ по самые глаза лицомъ, натертые дегтемъ и нефтью, въ глубокомъ унынiи; даже не было слезъ по самымъ близкимъ умершимъ, ибо чувства притупились. По всему Саратову, на площадяхъ, подъ надзоромъ полиціи, горѣлъ день и ночь навозъ, отъ чего по городу былъ ужасный смрадъ: вос-

ходъ и закатъ солнца обнаруживались красно-багровыми пятнами; съ 10 ч. утра до 6 ч. вечера дни стояли удушливо жаркіе: ни дождей, ни вѣтру совершенно не было и не видно было облаковъ; такая погода стояла съ іюля мѣсяца почти до исхода ноября.

Я самъ былъ пораженъ холерою, но, какъ говорилъ докторъ, въ легкой степени, отъ испуга и потрясенія. Разъ, рано утромъ, шелъ я изъ дома въ канцелярію; на встрѣчу попался мнѣ кучеръ г-жи Варѳоломѣевой, одной изъ уважаемыхъ и пользовавшейся извѣстностью въ саратовской публикѣ дамы, имѣвшей очень хорошее состояніе, бывшей коротко знакомой съ моимъ семействомъ (домъ ея стоялъ на одной улицѣ съ нашимъ домомъ, впослѣдствіи перешелъ г. Часовникову). Кучеръ везъ на телѣгѣ, запряженной водовозкою, бѣлый деревянный гробъ и на немъ сидѣлъ. Я спросилъ его: „кто у васъ умеръ“? Онъ отвѣчалъ: „барыня“... Эта картина такъ меня поразила, что мнѣ сдѣлалось дурно: я едва могъ дойти до канцеляріи. Если бы г-жа Варѳоломѣева умерла въ обыкновенное время, то на похоронахъ ея участвовала бы половина Саратова и шли бы за гробомъ десятокъ священниковъ. Она была вдова и не имѣла дѣтей. Товарищи, увидавъ меня блѣднаго, разстроеннаго, дали мнѣ выпить рюмку вина настояннаго краснымъ перцемъ; фельдшеръ натеръ чистымъ дегтемъ ноги, а грудь—спиртомъ; далъ мятныя капли, потомъ поили меня мятою, бузиною: у насъ въ канцеляріи постоянно былъ самоваръ: давали нюхать спиртъ и голову мочили спиртомъ, отчего я пропотѣлъ и почувствовалъ себя лучше; но цѣлый день я былъ самъ не свой, въ какомъ-то отупеніи и бреду. Съ этого дня въ положенные часы, по совѣту доктора, я сталъ пить вино настоенное перцемъ и на ногахъ всегда были носки намазанные чистымъ дегтемъ.

Въ дни съ 16 по 22 августа, самаго жестокаго дѣйствія холеры, помирали на часахъ нижніе чины. Въ канцеляріи нашей умерло во время занятій три чиновника и сторожъ, который, по окончаніи занятій и уходѣ чиновниковъ въ полдень, часа въ 3 палъ полы и вдругъ упалъ: сдѣлались съ нимъ судороги, и несмотря на всѣ старанія фельдшеровъ, жандармовъ и полицейскихъ, растиравшихъ тѣло бѣдняги, онъ умеръ и въ 8 час. вечера былъ отвезенъ на кладбище.

Мнѣ часто давали разныя порученія потому собственно, что я былъ ближе другихъ къ В. Я. Рославцу, и онъ могъ быть увѣреннымъ въ исполненіи его порученія. Разъ мнѣ поручено было съѣздить въ холерную больницу въ 4-й части, гдѣ тогда холера сильно дѣйствовала, для полученія нѣкоторыхъ свѣдѣній о ея ходѣ. Во-

шелъ я въ больницу, и моимъ глазамъ представилась ужасная картина—чисто бойня: пораженныхъ было человѣкъ до 25: лежали просто на полу въ разныхъ костюмахъ; полъ, стѣны были забрызганы кровью; не было никакого вниманія къ больнымъ; фельдшеръ былъ одинъ; иныхъ пускали кровь, другимъ растирали тѣло полицейскіе служители и нѣсколько простыхъ мужиковъ: съ однимъ больнымъ былъ поносъ, съ другимъ—рвота: кого поили мятой, бузиной просто изъ деревянныхъ чашекъ: кто выносилъ умершаго, увязывая его въ рогожку; другіе умирали въ нечистотѣ: докторъ, по привозѣ больнаго, только приказывалъ, что съ нимъ дѣлать и какъ поступать. Эта суета на меня подѣйствовала въ высшей степени. Докторъ пригласилъ меня въ свою комнату, далъ мнѣ выпить вина, помочилъ спиртомъ голову и далъ нюхать самый крѣпчайшій спиртъ, который у него изъ рукъ не выходилъ. Между разговоромъ онъ сказалъ: „Видите, какое мое положеніе! Что я могу здѣсь сдѣлать одинъ? Пятерыхъ увозятъ на кладбище, а десятерыхъ вновь привозятъ".

Еще одинъ случай поразилъ меня. Ѣду я по Нѣмецкой улицѣ, вдругъ изъ одного дома выбѣгаетъ молодая женщина съ крикомъ: „Францъ Кунъ (мебельный мастеръ) умираетъ, помогите, помогите!" и повторяетъ это нѣсколько разъ. Но помощи ни откуда не было и на другой день его схоронили.

Болѣзнь дѣйствовала постепенно, переходя изъ одной улицы въ другую: она начала свои дѣйствія съ береговыхъ улицъ Волги и такимъ образомъ распространилась до улицъ, расположенныхъ на Соколовой горѣ. Въ домахъ жителей этой улицы было долго благополучно: когда-же внутри Саратова дѣйствія холеры стали ослабѣвать и прекращаться, болѣзнь появилась въ первыхъ числахъ сентября между живущими на Соколовой горѣ и продолжалась до второй половины сентября. Съ этого времени смертность вообще была уже не такъ значительна; умирало отъ 40 до 50 человѣкъ въ день, и то болѣе дѣйствовала на пріѣзжихъ, а не на коренныхъ жителей Саратова. Преимущественно холера дѣйствовала на людей средняго возраста обоего пола, крѣпкаго сложенія, полнокровныхъ, любившихъ крѣпкіе напитки, слабодушныхъ и трусливыхъ. Люди хладнокровные, бодрствовавшіе духомъ и тѣ, которые держали себя въ пищѣ и во всемъ умѣренно, мало подвергались дѣйствію заразы, такъ равно пожилые и малолѣтніе.

Много умерло губернскихъ чиновниковъ, а изъ лекарей: Межевъ, Кустовскій, Мейеръ и другіе, фамилій которыхъ не припомню.

Когда уже въ Саратовѣ холера стала совершенно прекращаться, но свирѣпствовала въ сильной степени въ губерніи, что было въ половинѣ сентября, изъ Петербурга прибыла центральная коммисія медицинскаго факультета и вмѣстѣ съ нею болѣе 80 человѣкъ лѣкарей военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, не считая фельдшеровъ и антекарей, съ запасомъ медикаментовъ изъ Москвы. Въ этой коммисіи предсѣдательствующимъ былъ штабъ-докторъ Мудровъ, потомъ Эвеніусъ, Блюменталь, Кильдюшевскій, Забіякинъ, Аменде, Штюрмеръ и друг. Мудровъ и коммисія помѣщались въ д. бывшемъ г. Хорина, нынѣ г. Горбунова, противу дома бывшаго соляная правленія. Прочіе лѣкаря, военные и гражданскіе, были переданы въ распоряженіе губернатора. По мѣрѣ пріѣзда ихъ въ Саратовъ и явки въ канцелярію, къ каждому прикомандировывался фельдшеръ, давался ящикъ съ медикаментами, заранѣе приготовленный, и тотъ же часъ онъ отправлялся съ полученнымъ предписаніемъ и съ наставленіемъ о средствахъ леченія больныхъ, каковыхъ листовъ было отпечатано нѣсколько сотъ, въ какой-либо городъ или село, гдѣ свирѣпствовала эпидемія. Такъ что въ день ихъ пріѣзжало по пяти и болѣе человѣкъ и всѣ они въ тотъ же день откомандировывались. Въ числѣ лѣкарей были молодые люди, еще студенты изъ 3-го отдѣленія московскаго медицинскаго факультета; они являлись въ канцелярію въ студенческой формѣ, получали командировки на равнѣ съ прочими докторами.

По пріѣздѣ своемъ коммисія потребовала изъ канцеляріи губернатора чиновниковъ, которые чисто и скоро писали-бы: въ числѣ четверыхъ былъ и я назначенъ, и занимался дня два; было весьма трудно, потому что писалъ все съ диктy. Г. Мудровъ самъ диктовалъ: но просмотрѣ и по исправленіи отдавалъ переписывать. Г. Мудровъ всегда былъ одѣтъ въ форменный фракъ съ малиновымъ бархатнымъ воротникомъ; у него въ карманахъ—въ одномъ былъ пузырекъ съ коньякомъ, въ другомъ гренки изъ бѣлыхъ сухарей; онъ почти черезъ каждыя четверть часа выпивалъ не болѣе столовой ложки изъ пузырька и закусывалъ этими гренками. Г. Мудровъ при мнѣ ни куда не выѣзжалъ изъ дома; а прочіе ѣздили на свидѣтельствованіе пораженныхъ холерою: по смерти больныхъ анатомировали или дѣлали наблюденія при выздоравливаніи, употребляя къ тому разныя средства, что было видно изъ ихъ записокъ, при этомъ случаѣ составленныхъ.

Вслѣдъ за центральною коммисіею пріѣхалъ въ Саратовъ министръ внутр. дѣлъ графъ Закревскій, а съ нимъ директоръ Ф. Л. Переверзевъ. Министръ остановился въ домѣ А. А. Панчулидзева,

губернскаго предводителя дворянства. Министръ былъ весьма строгъ, ему принесли жалобы на бездѣйствіе губернскаго начальства, на выѣздъ ихъ изъ Саратова во время холеры, на уклоненіе лѣкарей отъ паданія помощи больнымъ, на продажу гробовъ торгашами по неимовѣрно высокимъ цѣнамъ, доходившимъ до 35 руб. ассиг. или 10 руб. сереб. за гробъ, стоющій не болѣе одного рубля сер., вообще на допущенный въ это время безпорядокъ: жаловались на бездѣйствіе полиціи, со стороны которой не было совершенно ни какихъ распоряженій: только одинъ городской голова купецъ Н. П. Туляковъ во всемъ, что слѣдовало отъ него, оказывалъ свое содѣйствіе и распоряженіе между купечествомъ и мѣщанствомъ. Противу этихъ жалобъ министромъ собирались свѣдѣнія. Двухъ докторовъ, Клейнера и Немейера, онъ изъ Саратова отправилъ подъ арестомъ жандармовъ въ войско Донское, гдѣ свирѣпствовала холера, полицеймейстера Бордовскаго перевелъ въ посадъ Дубовку, о прочихъ безпорядкахъ предложилъ губернатору произвести слѣдствіе. Министръ пробылъ въ Саратовѣ дней пять и отправился въ Симбирскъ, гдѣ появилась холера. Вслѣдъ за нимъ отправилась и центральная коммисія.

При директорѣ Ф. Л. Переверзевѣ я занимался перепискою бумагъ дня три; но министра мнѣ не случилось видѣть: онъ жилъ въ парадныхъ комнатахъ, а Переверзевъ занимался въ отдѣльныхъ и часто ходилъ къ нему съ бумагами, циркулярами и со всеподданнѣйшими донесеніями Государю Императору для подписи. Пакеты прокалывались и окуривались. Эстафеты парочныя каждый день получались и отправлялись въ Петербургъ и ко всѣмъ губернаторамъ о ходѣ холеры, о признакахъ ея и о мѣрахъ предохраненія.

По распоряженію министра были учреждены по всей губерніи уѣздные комитеты. Отъ нихъ шли уже всѣ распоряженія по прекращенію холеры. Въ губернскомъ комитетѣ все исполненіе шло отъ лица губернатора.

Саратовъ и его уѣзды были раздѣлены на участки: въ нихъ назначили особыхъ чиновниковъ для приведенія въ извѣстность и составленія именныхъ списковъ умершихъ и для того, чтобъ слѣдить за ходомъ болѣзни, жечь платье, оставшееся послѣ умершихъ, окуривать избы, гдѣ были больные и зараженные. Такое распоряженіе оставалось въ силѣ до конца 1831 года, такъ какъ и въ этомъ году, во многихъ мѣстахъ, гдѣ въ 1830 г. не было холеры, обнаруживались заболѣванія ею и были смертные случаи, хотя далеко не въ той степени, какъ въ предшествовавшемъ году. На случай министромъ было

оставлено въ Саратовской губерніи нѣсколько докторовъ; прочіе всѣ вытребованы изъ Саратова въ другія губерніи, гдѣ появилась эпидемія.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ особыми чиновниками въ Саратовѣ, уѣздныхъ городахъ и въ селахъ оказалось много совершенно вымершихъ домовъ или остались только одни старики или же малолѣтнія дѣти.

Оба эти года я занимался письмоводствомъ по холерному комитету, за что былъ представленъ уже губернаторомъ Переверзевымъ къ наградѣ, но получилъ только благодарность отъ министра внутреннихъ дѣлъ.

По совершенномъ прекращеніи холеры В. Я. Рославецъ обратилъ свое вниманіе на управленію губерніею. Изъ первыхъ его распоряженій было увольненіе отъ должностей правителя канцеляріи Симановскаго и ассессора губернскаго правленія Львова, по жалобѣ чиновниковъ за грубое и дурное съ ними обращеніе, и порученіе произвести о томъ слѣдствіе. Должность Симановскаго губернаторъ Рославецъ поручилъ Чекмареву и въ то же время далъ предложеніе казенной палатѣ объ оставленіи меня при канцеляріи губернатора.

Домъ для себя Рославецъ нанялъ бывшій г. Родіоновой, близъ 2-й части: самъ жилъ въ верхнемъ этажѣ, а канцелярія помѣщалась въ нижнемъ. При немъ оставался тотъ же самый порядокъ по канцеляріи и губернскому правленію, какой существовалъ при князѣ Голицынѣ; только не было преслѣдованія взяточничества въ такой степени, какъ при князѣ.

Вице-губернаторомъ былъ назначенъ М. М. Муромцевъ. Викторъ Яковлевичъ Рославецъ управлялъ губерніею не долго, съ іюня 1830 г. по ноябрь 1831 года, и переведенъ въ Енисейскъ на должность губернатора-же, а вмѣсто его назначенъ Ф. Л. Переверзевъ, тотъ самый, который былъ въ Саратовѣ съ министромъ графомъ Закревскимъ.

По случаю краткости времени управленія губерніею г. Рославецъ ничего не могъ сдѣлать для Саратова—ни дурнаго, ни хорошаго. Отъ должности енисейскаго губернатора онъ отказался за болѣзнію и жилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Саратовѣ. Губернскій предводитель дворянства Панчулидзевъ получилъ должность пензенскаго губернатора.

Во время губернаторства Рославца въ Саратовѣ были два брата по фамиліи Пражекъ, одинъ В. Н.—губернскій прокуроръ, женатый, а другой А. В.—совѣтникъ палаты уголовнаго суда. Рославецъ сбли-

зился съ женою губернскаго прокурора, чрезъ что былъ съ мужемъ ея въ большихъ непріятностяхъ. Объ этомъ ходила по всему Саратову молва, что много повредило по службѣ г. Рославцу.

IV.

Губернаторство Ф. Л. Переверзева.

1831—1835 гг.

Вступленіе Переверзева въ должность губернатора.—Его мѣстожительство и образъ жизни.—Чиновникъ Чекмаревъ и Симановскій.—Улучшеніе быта чиновниковъ.—Театръ, маскарады и домашнія увеселенія.—Ревизіи губернатора въ гг. Вольскѣ и Хвалынскѣ.—Полицеймейстеръ Васильевъ.—И. д. губернатора М. М. Муромцевъ.—Ищейкинъ—городничій; окончаніе его карьеры.—Полицеймейстеръ Скворцовъ и его смерть.—Полицеймейстеръ Голядкинъ.—Слѣдствіе по дѣлу о разбойникахъ въ Петровскомъ уѣздѣ.—Слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ полковника Бурнашева.—Преосвященный Іаковъ.—Сооруженіе храмовъ.—Переводъ кантонистовъ въ Вольскъ.—Водопроводъ.—Заволжье.—Жизнь въ Царицынѣ и Дубовкѣ.—Описаніе Сарепты.—Чертежники въ селахъ.

Ф. Л. Переверзевъ все время своего управленія Саратовскою губерніею, лишь состоялъ въ должности губернатора, но не былъ утвержденъ по нерасположенію къ нему, какъ говорили, министра внутреннихъ дѣлъ Блудова, заступившаго мѣсто графа Закревскаго.

По пріѣздѣ въ Саратовъ, Переверзевъ остановился у А. А. Панчулидзева. Затѣмъ нанялъ для себя домъ бывшій г. Ушкова, теперь г. Киселевой, а для канцеляріи—домъ Антоновича, впослѣдствіи перешедшій къ Черепкину. Бывшаго правителя канцеляріи Симановскаго Переверзевъ опять допустилъ до этой должности, а Чекмаревъ остался столоначальникомъ.

Вскорѣ пріѣхала жена Переверзева Вѣра Александровна съ дѣтьми.

При Фед. Лук. по канцеляріи и губернскому правленію заведенъ былъ совершенно другой порядокъ, чѣмъ при его предшественникахъ. Онъ обязалъ всѣхъ столоначальниковъ всенодаинѣйшіе рапорты Государю Императору, донесенія министрамъ и вообще бумаги по серьезнымъ дѣламъ изготовлять только вечеромъ и подавать ему на просмотръ вмѣстѣ съ дѣлами ежедневно въ 10 ч. вечера, съ тѣмъ, что онъ утромъ на другой день будетъ возвращать ихъ вмѣстѣ съ подписанными бумагами. Такъ и исполнялось это во все время его губернаторства. Возвращаемыя имъ для переписки бумаги были перемараны, не-

правлены въ слогѣ, другія перерваны и вмѣсто нихъ написаны имъ самимъ въ другомъ смыслѣ, короче и яснѣе. Въ теченіи полгода Переверзеву не могли угодить въ изложеніи бумагъ, въ особенности по губернскому правленію, и многихъ столоначальниковъ онъ замѣнилъ другими. Въ старыхъ приказныхъ, законникахъ и дѣльцахъ онъ не имѣлъ надобности. По его представленію, былъ переведенъ совѣтникомъ въ губернское правленіе арзамасскій, Нижегородской губ., уѣздный стряпчій С. С. Зѣвакинъ, пожилой уже человѣкъ, который помнилъ всѣ уложенія и законы наизустъ, хотя не могъ сдѣлать изъ дѣлъ ни выписокъ, ни записокъ, ни дать своего заключенія. Для Переверзева этого впрочемъ было не нужно: онъ самъ писалъ заключенія и опредѣленія.

О характерѣ Фед. Лук. надо сказать, что онъ былъ чрезвычайно вспыльчивъ и раздражителенъ. Въ случаяхъ, когда написано или доложено было не по его мысли и не сообразно съ дѣломъ, онъ кричалъ, сердился и называлъ объясняющихся съ нимъ чиновниковъ: „скотами“, „ослами“, „телятами“. Когда онъ начиналъ сердиться, то это можно было сейчасъ же замѣтить: на его большомъ лбу все болѣе и болѣе надувалась шишка и доходила до половины большаго грецкаго орѣха: когда же сердце его проходило, то и шишка уничтожалась и почти не была примѣтна. Кромѣ того „въ сердцахъ“ онъ мялъ въ рукахъ написанную не по немъ бумагу, кидалъ ее на полъ, топталъ ногами и потомъ, поднявъ съ пола, расправлялъ, разсуждая какъ ее должно написать, принимался исправлять написанное, но съ пера сливались чернила по измятой бумагѣ, онъ бросалъ перья и послѣ того, какъ гнѣвъ проходилъ, отдавалъ чиновнику бумагу, приказывая передѣлать ее по его мысли и потомъ опять ему подать.

Почти все производство по губернскому правленію по серьезнымъ и нужнымъ дѣламъ Ф. Л. принялъ на себя: а губернскому правленію предлагалъ, какое должно сдѣлать распоряженіе по разсмотрѣнному имъ дѣлу. По этому случаю въ канцеляріи штатъ былъ увеличенъ до 40 челов. Впослѣдствіи непривыкли къ требованіямъ Ф. Л. при составленіи черновыхъ бумагъ: слогъ былъ лучше и пространно составляемыя по прежнему порядку записки изъ дѣлъ стали сокращеннѣе излагаться и яснѣе.

За всѣмъ тѣмъ Ф. Л. во все время своего губернаторства не переставалъ учить молодое чиновничество. Весьма часто на подаваемыхъ ему къ просмотру черновыхъ бумагахъ онъ дѣлалъ разныя надписи, въ родѣ слѣдующихъ: „Давно долблю: маленькій г. означаетъ городъ,

большой Г.—господинъ; не понимаютъ телята"; „соломой бы васъ кормить и то велѣть Шеньяну (аптекарю) золотниками отпускать"; „темна вода во облацѣхъ вышнихъ". Если какую бумагу помощникъ писалъ, а столоначальникъ поправлялъ; онъ замѣчалъ: „лошадь везла, корова ѣхала", „ты бы спросилъ моего Ефрема (кучеръ его), такъ ли я написалъ эту бумагу; онъ сказалъ бы: нѣтъ, не такъ"; „дуракъ!!! ничего ему въ голову не вдолбишь", „эхъ ты! Никитишна, Никитишна!" Почеркъ руки каждаго чиновника Переверзевъ зналъ, и слѣдовательно это все относилось къ писавшему бумагу.

Возвращенныя отъ него бумаги съ подобными надписями переходили между нами изъ рукъ въ руки: эти заочныя ругательства мы принимали безъ всякаго прискорбія. Но если бывало, поданныя ему съ вечера на просмотръ бумаги по утру не высылались въ канцелярію, а оставлялись имъ у себя, то тотъ чиновникъ, который ихъ писалъ, жди бури и грозы: призоветъ къ себѣ, дастъ такую нотацію, что навсегда останется въ памяти. Избѣгая этого, иные уходили изъ канцеляріи, сказавшись больными. Тогда шелъ для объясненія съ губернаторомъ, по его призыву, не тотъ, кто писалъ, а помощникъ за столоначальника или этотъ послѣдній за своего помощника.

Все таки Ф. Л. былъ предобрѣйшій человѣкъ для своихъ чиновниковъ канцеляріи, любилъ ихъ, принималъ участіе въ ихъ положеніи, баловалъ удовольствіями, снисходилъ къ ихъ шалостямъ, о которыхъ ему докладывалъ правитель канцеляріи; только отсылалъ для занятій въ губернское правленіе тѣхъ, которые по испытаніи оказывались совершенно неспособными ни къ перепискѣ, ни къ другимъ занятіямъ. Кто ему нравился и кого онъ находилъ порядочнымъ человѣкомъ, того ни за что изъ канцеляріи не выпускалъ. О Чекмаревѣ отзывался, что готовитъ его въ министерство: но тотъ этого не дождался: долго болѣлъ и умеръ въ 1833 году въ молодыхъ лѣтахъ. Я, какъ бывшій у него помощникомъ, замѣнилъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ исправлялъ должность казначея канцеляріи. Если Переверзевъ замѣчалъ бѣднаго чиновника, который не въ состояніи былъ прилично одѣваться, то онъ приказывалъ правителю канцеляріи помочь ему и самъ многимъ давалъ свои деньги, говоря: „это за труды".

Не только изъ чиновниковъ своей канцеляріи или губернскаго правленія, но по всей вообще губерніи Переверзевъ ни одного не сдѣлалъ несчастнымъ.

Всѣ его любили, уважали отъ низшаго класса до высшаго кру-

га, въ особенности же купечество всей губерніи, не смотря на пылкій и крутой его характеръ. Всякій зналъ и видѣлъ его справедливость.

Почти съ самаго пріѣзда своего Переверзевъ имѣлъ у себя списокъ всѣмъ отставнымъ чиновникамъ, живущимъ въ Саратовѣ, занимавшимся частными дѣлами, призывалъ ихъ къ себѣ, поручалъ имъ дѣла разсматривать и составлять изъ нихъ записки, имѣлъ ихъ кандидатами на разныя должности и, по испытаніи ихъ способностей и честности, предоставлялъ имъ должности или дѣлалъ временныя порученія по уѣздамъ или по городскимъ выборамъ, такъ что при немъ праздно-шатающагося чиновничества почти не было. Даже мелкихъ чиновниковъ не трезвой жизни приказывалъ полицеймейстеру и частнымъ приставамъ занимать въ частяхъ и полиціи дѣлами, платя имъ жалованье и имѣя надъ ними надзоръ, дабы они не бродяжничали по Саратову въ нетрезвомъ видѣ.

Ф. Л. сталъ посѣщать безъ исключенія запросто всѣхъ, не только почетное дворянство, чиновничество и купечество, но даже чиновниковъ своей канцеляріи, въ особенности, если кто изъ нихъ заболѣвалъ. Доктора пользовали ихъ безъ денегъ, также аптекаря отпускали лекарства.

При Переверзевѣ въ Саратовѣ выдающимися были дома: губернскаго предводителя дворянства Скибиневскаго, помѣщиковъ: Столыпина, Муромцева, Свѣчина, управляющаго удѣльною конторою Манжукаго, Шушерина, Бутягина, Григоровича, Таманскаго, Родіонова, Казариновыхъ, Ивановой и многихъ другихъ. По прежнему на зиму въ Саратовъ съѣзжались изъ своихъ имѣній помѣщики съ семействами повеселиться, давали балы и танцовальные вечера. Въ то время былъ плохой театръ (бывшій г. Напчулидзева), также и артисты.

При Переверзевѣ театръ передѣлали, выписали изъ Москвы антрепренера Соколова, а на зимнее время оттуда же приглашалась труппа пѣвцовъ-цыганъ. Такъ какъ средствами города не было возможности содержать хорошую труппу артистовъ, то Ф. Л. придумалъ слѣдующее: Онъ зналъ, что первые богачи въ Саратовской губерніи купцы, преимущественно закоренѣлые старообрядцы, щедры на пожертвованія, въ особенности, гдѣ принимаетъ участіе начальникъ губерніи. И вотъ Переверзевъ разсылалъ имъ биллеты на всѣ ложи театра, прося ихъ абонироваться на сезонъ представленій, объясняя, что если имъ или ихъ семействамъ, случится быть въ Саратовѣ, то они всегда могутъ быть въ театрѣ въ своей ложѣ. Купцы деньги антрепренеру вы-

сылали, но въ театрѣ никогда не были и за большой грѣхъ считали наслаждаться бѣсовскими представленіями; на кресла билеты разсылались извѣстнымъ помѣщикамъ, которые, кромѣ губернской баллотировки, въ Саратовъ никогда не пріѣзжали; исправникамъ, городскимъ головамъ. Эти лица въ теченіи года разъ или много два раза бывали въ Саратовѣ, такъ что едва ли имъ удавалось посѣщать театръ. Независимо отъ того на каждый спектакль тѣ же самыя ложи и кресла раздавались саратовскимъ посѣтителямъ. Одна ложа предоставлялась въ пользу чиновниковъ канцеляріи и сверхъ того три или четыре кресла.

Супруга Ф. Л. Вѣра Александровна во всѣхъ удовольствіяхъ принимала участіе. Она была предобрая женщина, ее любила и уважала вся дамская саратовская аристократія за предоставленіе удовольствій ихъ дочкамъ. Всѣхъ чиновниковъ канцеляріи, которые выѣзжали въ благородное собраніе на балы, вечера. Вѣра Александровна лично знала и обращалась съ ними привѣтливо и внимательно.

При Ф. Л. въ канцелярію губернатора стали поступать люди образованные, изъ студентовъ, сыновья дворянъ, помѣщиковъ: были и поляки, высылаемые изъ Варшавы въ Саратовъ подъ надзоръ губернатора за политическія преступленія: нѣкоторые получали жалованье, а другіе служили безъ жалованья, не обязываясь должностями столоначальниковъ и ихъ помощниковъ. Эти лица всегда попадали въ передѣлъ Федора Лукича.

Въ канцеляріи занимались съ 8 час. утра до 2 час. и съ 6 час. вечера до 10. Послѣ обѣда почти всегда занимался въ канцеляріи самъ губернаторъ. Онъ сидѣлъ въ одной комнатѣ съ правителемъ канцеляріи, чего не одинъ губернаторъ не дѣлалъ: между дѣлъ и за, нятій Симановскій, знавшій всю подноготную Саратовской губерніи, разсказывалъ Федору Лукичу разныя разности про всѣхъ и про все, всегда съ критикою. У Симановскаго характеръ былъ довольно желчный, но человѣкъ онъ былъ справедливый и серьезный. Губернаторъ, слушая сатирическіе его разсказы, хохоталъ до слезъ. Послѣ занятій, Ф. Л., уходя изъ канцеляріи, иногда спрашивалъ чиновниковъ-танцоровъ: приглашены ли они на вечеръ, который будетъ сегодня у того-то? и получивъ утвердительный отвѣтъ, замѣчалъ: „Такъ надо собираться и ѣхать“.

Надо сказать, что если бы чиновники канцеляріи не были приглашены на вечера, то некому было бы и танцовать, потому что въ

тогдашнее время мало было молодыхъ людей, которые бы были приняты въ кругу саратовской аристократіи и могли танцовать, а также что нибудь лепетать по французски. Вотъ почему чиновники канцеляріи на вечерахъ и балахъ всегда первенствовали. Танцоры эти для гостинной и общественной жизни были хороши; служаки же изъ нихъ были плохіе; имъ служба и не нужна была, а только чинъ 14 класса да слава, что служатъ „въ канцеляріи губернатора“.

Въ числѣ чиновниковъ танцоровъ нѣкто Барышниковъ, сынъ балашовскаго помѣщика, былъ препотѣшный. Переверзевъ его любилъ. Къ губернатору онъ ходилъ нерѣдко съ бумагами за своего столоначальника или его помощника. При чтеніи бумагъ Ф. Л. начиналъ сердиться, шишка на его лбу надвигалась и онъ говорилъ Барышникову: „Поди пошли кого нибудь поумнѣе“. Барышниковъ не пойдетъ, сдѣлаетъ гримасу и скажетъ: „И я не дуракъ“. Какъ-бы ни былъ сердитъ Переверзевъ, расхохочется надъ нимъ и этимъ гнѣвъ его пройдетъ...

Барышникову всѣ его шалости извинялись. А шалости были иногда, напр., такого рода. Въ первый годъ пріѣзда Переверзева, ему нужно было лично объясниться съ балашовскимъ предводителемъ, почему онъ пригласилъ его пріѣхать въ Саратовъ. Предводителемъ былъ Струковъ, старикъ Екатерининскихъ временъ, носившій косу, сапоги съ ботфортами, мундиръ давно прошедшихъ временъ: видъ у него былъ серьезный, важный. Это былъ умный человѣкъ, уважаемый всей губерніею и человѣкъ вліятельный. Про него ходило въ Саратовѣ много анекдотовъ. Во время баллотировокъ онъ всегда упрашивалъ дворянъ, отъ малаго до знатнаго, чтобы его не выбирали въ губернскіе предводители и просьба его исполнялась съ тѣмъ, что онъ обязывался дать балъ для всего дворянства и саратовскаго губернскаго начальства. Вызванный въ Саратовъ, Струковъ, какъ не знавшій и не видавшій никогда Переверзева, хотѣлъ узнать, зачѣмъ его выписали изъ Балашова и заѣхалъ въ канцелярію къ Барышникову. Барышниковъ взялся доложить о пріѣздѣ его, при чемъ увѣрилъ Струкова, что губернаторъ очень глухъ и съ нимъ надо объясняться какъ можно громче. Губернатору же Барышниковъ сказалъ тоже самое про Струкова. И вотъ Струковъ, представляясь губернатору, чуть не прокричалъ: „Честь имѣю представиться В. П—ву—балашовскій уѣздный предводитель дворянства“. Губернаторъ отвѣчалъ ему еще громче: „Очень радъ съ вами видѣться“. Многіе бывшіе тутъ удивлялись крику ихъ обоихъ и ничего не понимали. Такой разговоръ у нихъ продолжался съ четверть часа. Въ это время еще пріѣхала какая то

особа. Губернаторъ сталъ съ нею говорить обыкновеннымъ голосомъ. Тутъ Струковъ только убѣдился, что Переверзевъ вовсе не глухъ, и сталъ извиняться предъ нимъ въ громкомъ его разговорѣ, всѣ вину сваливъ на Барышникова.

Надъ этою выдумкою Барышникова долго смѣялись и много было объ этомъ говору по Саратову. Струковъ отъ губернатора заѣхалъ въ канцелярію, набранилъ Барышникова, какъ дворянина его уѣзда, обѣщая во время дворянской баллотировки положить ему 25 черныхъ шаровъ.

Когда бывали маскарады, то Фед. Лукичъ и Вѣра Александровна принимали участіе въ общемъ удовольствіи публики, совѣтовали близкимъ къ нимъ чиновникамъ канцеляріи, кому какъ замаскироваться, иногда дѣлали на это отъ себя издержки. Разъ для осьми человѣкъ, по желанію Ф. Л., были пошиты костюмы иностранныхъ матросовъ: бѣлые шаровары, синіе куртки и такія-же фуражки, обшитые позументомъ, весьма красивыя. Когда одѣтые матросами вошли въ залъ маскарада, то публика была въ большомъ восхищеніи, въ особенности дѣвицы, радовавшіяся тому, что было съ кѣмъ потанцовать.

Ф. Л. любилъ покутить съ избранными и близкими къ нему лицами, послѣ того, какъ оканчивался въ собраніи балъ и всѣ разъѣзжались. Тутъ кутили во всю, какъ душѣ было угодно, скинувъ съ себя фраки, сидя на полу, на коврахъ, окруженные бутылками и стаканами. Въ этой бесѣдѣ часто былъ изъ канцеляріи Чекмаревъ, котораго Ф. Л. любилъ и уважалъ. Ф. Л. пилъ одно шампанское, другихъ винъ вовсе не пилъ; только съ чаемъ по утру и вечеромъ пилъ еще кизлярку, водку кавказскаго издѣлія, которая тогда была въ большомъ употребленіи; ее онъ пилъ стаканами, по три, по четыре. Гдѣ бы ни былъ Переверзевъ на обѣдахъ и ужинахъ подлѣ его прибора стояла бутылка шампанскаго и стаканъ, и часто смѣнялась одна опустошенная другою новою. Чѣмъ Переверзевъ былъ пьянѣе, тѣмъ дѣлался умнѣе, разговорчивѣе; анекдоты одинъ за другимъ такъ и сыпались... Но какъ бы ни былъ пьянъ, но пріѣздѣ домой, Ф. Л. шелъ въ кабинетъ, вынималъ изъ портфелей бумаги, заготовляемыя въ продолженіи дня въ канцеляріи и по губернскому правленію, и не засыпалъ, пока ихъ всѣ не подписывалъ, пересмотрѣвъ и переправивъ.

При Переверзевѣ былъ открытъ нѣмецкій клубъ для средняго класса саратовскаго общества, гдѣ участвовали чиновники всѣхъ вѣдомствъ, мелкое дворянство съ своими семействами, купеческіе сынки, которымъ недоступно было участіе въ благородномъ собраніи.

Самое счастливое время губерніи было въ управленіе Переверзева. Не было стѣсненія чиновникамъ по службѣ, особенныхъ какихъ-либо налоговъ на жителей всѣхъ сословій и крестьянъ; въ губерніи было все тихо и спокойно и шло своимъ чередомъ; къ тому же были благопріятные урожаи хлѣба *). Въ народѣ не было замѣтно большой нужды въ деньгахъ и цѣны на всю провизію существовали умѣренныя. Все дворянство, купечество и служащее чиновничество оставались вполнѣ довольны губернаторомъ. Чиновники не отрѣшались и не удалялись отъ должностей; но если на кого были жалобы, то личныя взысканія Ф. Л. были выше уголовнаго суда. Всякій чиновникъ опасался быть лишеннымъ вниманія губернатора, поэтому случаю себя держали по службѣ строго и недопускали на себя никакихъ жалобъ, стараясь какъ-нибудь уладить дѣло съ недовольными лицами. Только одинъ предсѣдатель палаты уголовнаго суда А. А. Шушеринъ былъ недоволенъ Переверзевымъ за то собственно, что губернаторъ не отрѣшалъ отъ должностей городничихъ, исправниковъ и другихъ чиновниковъ и не отдавалъ ихъ подъ судъ палаты уголовнаго суда. Шушеринъ часто говорилъ, что Переверзевъ слабо держитъ чиновниковъ, не дѣлаетъ съ нихъ должнаго взысканія, что въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ не отдалъ подъ судъ ни одного чиновника, тогда какъ въ Казани, откуда онъ прибылъ въ Саратовъ, губернаторъ каждый мѣсяцъ отдавалъ по пяти и болѣе чиновниковъ подъ судъ палаты.

Ни одинъ губернаторъ до Переверзева самъ лично не ревизовалъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ и всегда командировались по губерніи для ревизіи совѣтники губернскаго правленія и чиновники особыхъ порученій. Ф. Л. каждый годъ самъ лично ревизовалъ всѣ присутственныя уѣздныя мѣста, причемъ въ эти ревизіи бралъ съ собою получше чиновниковъ изъ своей канцеляріи. Когда Ф. Л. предполагалъ ѣхать въ какіе города для ревизіи, то предварялъ недѣли за двѣ до своего отъѣзда изъ Саратова, въ какое время онъ прибудетъ въ городъ для производства ревизіи, обязывая, чтобы къ пріѣзду его привели въ порядокъ дѣла и приготовили все, что было нужно къ его ревизіи. Отправляясь въ уѣздъ, оставлялъ свой маршрутъ правителю канцеляріи, обязывая его, чтобы онъ по всѣмъ важнымъ и серьезнымъ дѣламъ изготовляемыя бумаги присылалъ къ нему съ нарочными для подписи и просмотра, а по общимъ текущимъ дѣламъ и требующимъ скораго исполненія подписывалъ пра-

*) Это невѣрно. Былъ значительный неурожай въ 1833 г. см. стр. 67 «Лѣтописи». *Ред.*

вившій его должность, что всегда исполнялось. Проѣздомъ дорогою до города онъ всегда заѣзжалъ къ помѣщикамъ, дѣлалъ имъ визиты; у кого обѣдалъ, у кого ночевалъ; и если въ одномъ селѣ или вблизи его расположенномъ жили и другіе, то и имъ дѣлалъ короткіе визиты изъ дома, гдѣ останавливался, не забывая даже мелкопомѣстныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали въ тотъ домъ, гдѣ губернаторъ пребывалъ, даже съ женами и дочками своими, чтобы посмотрѣть на губернатора и представиться его пр—ву: помѣщики, слыша много хорошаго о Ф. Л. въ его общежитіи, говорили съ нимъ о сельскомъ хозяйствѣ; часто случалось, что онъ осматривалъ ихъ имѣнія и скотоводство.

Первый городъ по тракту, какъ теперь помню, былъ Вольскъ, чистый, красивый городокъ, занимающій хорошее мѣстоположеніе, изобилующій знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ купечествомъ, которое находилось въ закоренѣломъ старообрядчествѣ; къ старообрядчеству принадлежали дома Сапожникова, Курсакова, Матросова, Плигина, Мельникова и проч., славившихся своими огромными капиталами. Въ то время былъ головою Курсаковъ, среднихъ лѣтъ, мужчина солидный, большаго роста, съ окладистою большою бородою и съ остриженною маковкою. Губернаторъ, осмотрѣвши присутственныя мѣста, книги, дѣлопроизводство, особенныхъ безпорядковъ не нашелъ, поручилъ намъ сдѣлать подробную ревизію и о томъ, какія будутъ замѣчены упущенія, составить свои замѣчанія, что нами было исполнено. Въ Вольскѣ ревизія сошла хорошо и не нашлось особенныхъ упущеній и безпорядковъ, потому что служащіе были люди дѣльные, судьи и засѣдатели выбирались изъ состоятельныхъ и умныхъ дворянъ: исправникъ Безобразовъ человѣкъ былъ вѣжливый, такъ равно и служащіе по городскимъ выборамъ были все изъ людей состоятельныхъ и почетныхъ. Канцелярскихъ служителей содержали въ довольствѣ. Досталось отъ губернатора, по нашимъ замѣчаніямъ, только секретарямъ земскаго суда и градской думы за обнаруженныя небольшія упущенія. Нельзя же было, чтобы по ревизіи чего-либо не открыть и не предоставить случая губернатору сдѣлать какое-либо взысканіе съ виновнаго, публично, при всемъ собравшемся обществѣ. Переверзевъ обязалъ стрянчаго, чтобы онъ наблюдалъ за порядкомъ: иначе тоже можетъ подвергнуться взысканію. Члены, слушая это и сознавая, что они сами болѣе въ этомъ виновны, краснѣя, молчали. Ф. Л. обращалъ свое вниманіе и на архивы. Между тѣмъ, какъ мы производили ревизію, губернаторъ ѣздилъ съ визитами по купцамъ: у кого обѣдалъ, у другихъ ужиналъ. Хотя

люди, дѣлающіе для губернатора обѣды и ужины, приглашали насъ, иногда и самъ Ф. Л. говорилъ намъ, чтобы мы ѣхали на обѣдъ: но мы всегда отказывались за недосугомъ. И въ самомъ дѣлѣ надо было приготовлять бумаги по ревизіи. Намъ готовили столъ или въ домѣ хозяина квартиры приглашеннымъ поваромъ, или приносили изъ трактира заказанныя блюда на счетъ и по распоряженію или городничаго, или исправника, или головы, которые перебивали одинъ другого, чтобы насъ угостить. Пробывъ въ Вольскѣ дня три, поѣхали въ Хвалынскъ. Исправники всегда сопровождали губернатора отъ своей границы до границы другого уѣзда, гдѣ уже ожидалъ его превосходительство исправникъ того уѣзда. Въ селеніяхъ на помѣщичьихъ обѣдахъ и ужинахъ мы тоже мало участвовали: развѣ уже позоветъ Ф. Л. или хозяева, съ его разрѣшенія, и то только тогда, когда съѣзжались матушки съ дочками и сынками, чтобы познакомиться съ нами на случай пріѣзда ихъ на зиму въ Саратовъ повеселиться; маменьки, съѣзжавшіяся съ цѣлію просить о зачисленіи сынковъ ихъ въ канцелярію губернатора, разспрашивали насъ о занятіяхъ и житьѣ въ Саратовѣ.

Въ Хвалынскѣ не то, что въ Вольскѣ, присутственныя мѣста оказались черныя, грязныя. Они помѣщались въ наемныхъ домахъ. Всѣ служащіе, отъ уѣзднаго судьи до послѣдняго приказнаго земскаго суда или магистрата, были бѣднаго состоянія. Въ магистратѣ бургомистры и ратманы—безграмотные и преимущественно изъ самаго простаго класса; только городской голова и гласные думы были опрятнѣе и видиѣе. Помню, какъ въ первый разъ представлялись губернатору члены магистрата съ прочимъ уѣзднымъ начальствомъ. Войдя въ залу, старшій бургомистръ имѣлъ между пуговицъ форменнаго сюртука бумагу; затѣмъ скинувъ съ рукъ варежки, положилъ ихъ въ шапку и отдалъ секретарю съ словами: „Подержи, Петровичъ, я подамъ его превосходительству репортъ-то“. Губернаторъ улыбнулся. Я съ товарищемъ не могъ удержаться отъ смѣха. Ушли въ гостинную и тамъ хохотали надъ этою выходкою бургомистра. Въ назначенный часъ Ф. Л., объѣхавъ всѣ присутственныя мѣста, осмотрѣвъ все поверхностно, книги, журналы и проч., нашелъ большіе безпорядки; для него не было приготовлено того, что отъ нихъ требовалось изготовить къ его пріѣзду. Ф. Л. сердился и кричалъ преимущественно на секретарей. Вообще во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ служащіе, отъ судьи до приказныхъ, были люди какіе то безсмысленные, дурно одѣтые: слушая выговоры губернатора, они молчали, устремивъ

глаза въ землю. Но пріѣздѣ въ магистратъ, Ф. Л., окинувъ взоромъ всю компату присутствія, увидалъ на стѣнѣ лубочную картину, изображавшую брантъ-мажора, который, подбочась, стоялъ съ булавою. Губернаторъ спросилъ присутствующихъ тутъ стоявшихъ: „что это за картина"? ему отвѣчали: „какой-нибудь богатырь, ваше превосходительство". Губернаторъ улыбнулся, а мы едва могли удержаться отъ смѣха. Когда же Ф. Л. сталъ разсматривать книги, дѣла и бумаги, то замѣтилъ въ нихъ большіе безпорядки, сердился, кричалъ: „я бы велѣлъ этому богатырю всѣхъ васъ бить тою дубиною, которую онъ держитъ въ рукѣ". На его слова члены отвѣчали: „мы люди темные, ваше превосходительство, что намъ скажетъ Петровичъ, такъ дѣло и рѣшаемъ". Ужъ и досталось этому Петровичу за разные безпорядки! Онъ, бѣдный, узнавъ на колѣни, сказалъ: „ваше превосходительство, помилуйте; самъ шестъ, четверо дѣтей: постараюсь все исправить". Глядя на него, тоже сдѣлали и члены магистрата, объясняя, что Петровичъ хорошій человѣкъ, дѣло знаетъ, занимается денно и нощно, денегъ ни съ кого не беретъ и всѣ имъ довольны, просили о помилованіи его. По обзорѣ присутственныхъ мѣстъ, Ф. Л. посылалъ насъ произвести ревизію самую подробную и сдѣлать замѣчанія о всѣхъ упущеніяхъ и безпорядкахъ, которые мы найдемъ. За нѣсколько времени журналы были или вовсе никѣмъ не подписаны, или только однимъ членомъ: стряпчимъ не пропущены; не отмѣчено, когда сдѣлано по журналамъ исполненіе. По нѣскольку лѣтъ дѣла лежали безъ всякаго по нимъ производства; настольные книги и реестры дѣламъ велись небрежно и не было отмѣтокъ, какое было по дѣлу производство, когда и куда оно представлено или отослано. Мы занимались съ 10 час. утра до 2 ч. и вечеромъ съ 6 до 12 час., дѣлая свои замѣчанія и передавая ихъ на разсмотрѣніе губернатора. Объяснялись съ секретарями и столоначальниками. Они намъ, между прочимъ, говорили: „Мы не виноваты; виноваты сами члены; иной разъ случается, что всѣ разъѣдутся по деревнямъ, занимаясь только псовой охотой; тогда некому бываетъ подписать экстренной бумаги. Бѣгаемъ, бѣгаемъ до нихъ, никого не найдемъ; иной разъ подпишетъ уже за нихъ какой нибудь засѣдатель земскаго суда или приложишь печать сельскаго засѣдателя: а иногда поѣдешь въ деревню къ нимъ, да тамъ какъ нибудь принудишь подписать. Что станешь съ ними дѣлать они и въ усъ себѣ не дуютъ и не хотятъ ничего знать, что дѣлается въ судѣ; а мы за нихъ отвѣчай, да еще пиши имъ черновыя резолюціи для отмѣтки въ протоколахъ, а жалованья получаемъ по 10—15 р.

въ мѣсяцъ на ассигнаціи или 3 и 5 р. сер." Мы потѣшались надъ дворянскими засѣдателями: эти господа едва могли писать!

Отъ секретарей и столоначальниковъ мы требовали по дѣламъ разъясненій, отмѣтокъ въ настольныхъ реестрахъ о положеніи дѣлъ, когда и куда отослано дѣло. Мы стращали ихъ, говоря, что губернаторъ за ихъ неисправность уморитъ ихъ на гауптвахтѣ. Для пущей важности при насъ, во время ревизіи, въ передней комнатѣ всегда находился жандармъ въ полуформѣ, которую рѣдко кто видѣлъ изъ уѣздныхъ чиновниковъ, смотрѣли на него съ удивленіемъ и боязнію. По окончаніи ревизіи во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ составлялась общая записка, гдѣ именно и какія обнаружены безпорядки и упущенія, о чемъ потомъ излагалось въ предписаніяхъ тѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, съ выговорами и съ обязательствомъ все обнаруженное исправить къ назначенному сроку, за чѣмъ должны были наблюдать уѣздные стряпчіе и по приведеніи въ порядокъ всего замѣченнаго донести губернатору. Если де при будущей ревизіи губернаторъ найдетъ такой же безпорядокъ въ дѣлахъ, то членовъ и секретарей отрѣшитъ отъ должностей и предастъ уголовному суду. Исправникамъ, въ вѣдомствѣ которыхъ находились неисправности въ содержаніи почтовыхъ дорогъ, мостовъ, гатей, верстовыхъ и пирамидальныхъ столбовъ, губернаторъ дѣлалъ замѣчанія такъ: „Каждый проѣзжающій по почтовому тракту, замѣтивъ объясненныя неисправности, по всей справедливости можетъ указывать и говорить о бездѣятельности исправника, и при встрѣчѣ проѣзжаго съ нимъ, губернаторомъ, тотъ проѣзжій ему, губернатору, можетъ отзываться о немъ, исправникѣ, съ дурной стороны, и губернаторъ долженъ будетъ краснѣть, что имѣетъ на службѣ такого бездѣятельнаго и невнимательнаго къ своей обязанности исправника". Такими административными взысканіями съ подвѣдомыхъ лицъ Ф. Л. привелъ по всѣмъ уѣзднымъ присутственнымъ мѣстамъ дѣла въ нѣкоторый порядокъ. Онъ всегда производилъ ревизіи въ сентябрѣ, октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, объѣзжая города въ три или четыре поѣздки.

Послѣ первой ревизіи мнѣ еще случилось года чрезъ два съ Ф. Л. быть при ревизіи въ нѣкоторыхъ городахъ: тогда присутственныя мѣста были найдены совсѣмъ въ другомъ порядкѣ; чище и опрятнѣе, и чиновники какъ-то были развязнѣе и объяснялись по дѣламъ отчетливѣе. Хотя и были замѣчаемы упущенія, но не въ той уже степени, какъ это было при первой ревизіи. Интересно посмотрѣть дѣла о ревизіи въ уѣздныхъ городахъ присутственныхъ мѣстъ, за 1832,

1833, 1834 и 1835 годы въ архивѣ губернскаго правленія, какъ губернаторъ излагалъ свои замѣчанія и въ какихъ выраженіяхъ дѣлалъ выговоры присутствующимъ и секретарямъ.

Объ этихъ ревизіяхъ своихъ Ф. Л. вмѣстѣ съ годовымъ отчетомъ представлялъ г. министру внутреннихъ дѣлъ.

При Ф. Л. былъ вице-губернаторомъ М. М. Муромцевъ, который въ отсутствіе губернатора правилъ его должность, а за нимъ по старшинству предсѣдатель уголовной палаты А. А. Шушеринъ. Полицеймейстеромъ сначала былъ капитанъ Прянишниковъ, который для Саратова былъ слабъ, почему, по представленію Ф. Л., на его мѣсто переведенъ былъ А. В. Васильевъ изъ Вольска, а туда былъ посланъ Прянишниковъ.

О Васильевѣ необходимо сказать, какъ о весьма замѣчательномъ, бѣдномъ, но честномъ человѣкѣ. Онъ для бѣдныхъ, угнетаемыхъ людей жертвовалъ своимъ состояніемъ; чуждъ былъ всѣхъ „поползновеній“ по службѣ; имѣлъ раздражительный характеръ, въ особенности раздражался противъ сильныхъ лицъ и богатыхъ купцовъ, по этому случаю былъ переводимъ изъ города въ городъ, такъ что почти во всѣхъ городахъ Саратовской губерніи онъ перебывалъ городничимъ. Ф. Л. полюбилъ его, какъ умнаго и дѣльнаго человѣка, и перевелъ въ Саратовъ. Однако онъ не долго былъ въ ладахъ съ нимъ: тотъ не исполнялъ въ точности предписаній, дѣлалъ разныя возраженія и уклонялся отъ прямой своей обязанности, вслѣдствіи отъ должности отказался за болѣзнію и за него правилъ частный приставъ Скворцовъ, старый служака. Мнѣ разъ досталось за Васильева отъ Ф. Л. по одному дѣлу, бывшему въ порученіи у Васильева; онъ замедлилъ исполненіемъ его. Губернаторъ приказалъ мнѣ написать ему повтореніе съ обязательствомъ исполнить въ недѣльный срокъ. Я въ этихъ самыхъ выраженіяхъ написалъ бумагу. Губернаторъ подписалъ. Васильевъ на другой день донесъ, что онъ предписаніе губернатора въ недѣльный срокъ исполнить не можетъ, а постарается исполнить въ теченіи шести дней. Когда губернаторъ получилъ это донесеніе его, то ругалъ меня, говоря: „зачѣмъ ты меня дурачишь? я не хочу быть такимъ осломъ, какъ ты“.

Ф. Л. строго наблюдалъ за правильнымъ изложеніемъ бумагъ. Если получалъ когда безсмысленныя донесенія отъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ или лицъ, то требовалъ отъ нихъ разъясненія. Приведу одинъ примѣръ. Царицынская городская полиція прислала донесеніе губернатору слѣдующаго содержанія. Въ присутствіи городской

полиціи оставшійся послѣ такого-то арестанта „сѣрый меринъ, съ телѣгою со всею упряжью проданы съ торговъ вмѣстѣ съ городскимъ головою и стрянчимъ, и вырученныя деньги отосланы въ приказъ общественнаго призрѣнія". Губернаторъ потребовалъ объясненія отъ полиціи противъ этого ея донесенія. Онъ писалъ, что удивляется, по какому случаю полиція продала съ торговъ городскаго голову и стрянчаго. Когда полиція донесла объ ошибкѣ въ выраженіи, то Ф. Л. приказалъ письмоводителя выдержать подъ арестомъ трое сутокъ...

Полиц. Васильевъ былъ ужасный формалистъ. Отказываясь отъ исправленія своей должности за болѣзнію, онъ часто испрашивалъ разрѣшеніе губернатора о дозволеніи ему выѣзжать за городъ не далѣе пяти верстъ. Какъ-то разъ привелось управлять губернію вице-губернатору Матвѣю Матвѣевичу Муромцеву. Часовъ въ 10 утра М. М., будучи еще не одѣтъ, въ халатѣ, туфляхъ и въ ермолкѣ, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, ходилъ взадъ и впередъ изъ гостиной въ залъ. Васильевъ пріѣзжаетъ съ утреннимъ рапортомъ. Муромцевъ, увидавъ его, остановился: Васильевъ подходитъ къ нему и, подавая руку, говоритъ: „Здравствуйте, М. М.: какъ ваше здоровье"? Муромцевъ отвернулся, одѣлся и вышелъ въ залъ. Васильевъ, ставъ въ должную позицію, сказалъ: „честь имѣю донести, что въ Саратовѣ все обстоитъ благополучно"—и, вручивъ ему рапортъ, уѣхалъ. Въ Саратовѣ были слухи, будто-бы Васильевъ былъ побочный сынъ графа Орлова-Денисова и отъ него получалъ опредѣленное содержаніе, потому что на 200 руб. пенсіона не могъ жить безбѣдно; а онъ еще многимъ бѣднымъ помогалъ: даже свои вещи отсылалъ для залога, если не имѣлъ у себя денегъ, чтобы помочь просящему въ нуждѣ. Онъ въ то время имѣлъ лѣтъ 40, былъ весьма пріятной наружности, чрезвычайно бѣлъ, блондинъ, глаза большіе, голубые, говорилъ тихо, рѣзко и мало, будто бы все о чемъ-то думалъ.

Балашовскимъ городничимъ во время Переверзева былъ В. К. Ищейкинъ, бывшій при губернаторѣ Панчулидзевѣ нѣсколько лѣтъ въ Саратовѣ полицеймейстеромъ и оставившій по себѣ память устройствомъ пожарной команды. Онъ былъ долго подъ судомъ и по оправданіи былъ опредѣленъ по ходатайству князя Голицына балашовскимъ городничимъ. Однажды балашовская дума донесла губернатору, что пожарные инструменты, стоявшіе на площади подъ сараемъ, всѣ раскрадены и что хотя дума просила городничаго о разысканіи ихъ, но онъ не оказалъ въ этомъ никакого содѣйствія, а потому просила губернатора обязать его къ исполненію требованія думы. Губернаторъ сдѣ-

лалъ строгое предписаніе ему. Ищейкинъ донесъ, что пожарные инструменты ни куда негодились: двѣ бочки ветхія, на нихъ по три или четыре обруча; телѣги, на которыхъ стояли бочки, съ разломанными колесами; два три багра съ маленькими желѣзными крючьями; лѣстница съ разломанными ступенями. Хотя онъ просилъ думу объ исправленіи этихъ инструментовъ, но она о томъ не позаботилась. „Хорошо, ваше превосходительство, воры сдѣлали, что раскрали никуда негодящійся инструментъ, писалъ въ донесеніи Ищейкинъ, дурно только то, что не украли самаго голову Туркина, такъ какъ всякій другой голова озаботился бы устройствомъ лучшаго инструмента". Губернаторъ обязалъ думу обратить вниманіе на устройство пожарнаго обоза. Ищейкинъ въ Балашовѣ впослѣдствіи съ ума сошелъ, былъ привезенъ въ Саратовъ и умеръ въ домѣ умалишенныхъ.

За болѣзнію полицеймейстера Васильева, правилъ его должность приставъ Скворцовъ: онъ постоянно находился при Ф. Л., пользуясь его расположеніемъ. Въ 1833 году 19 февраля, Ф. Л., по случаю своихъ именинъ, давалъ балъ въ домѣ благороднаго собранія. На балъ было приглашено все саратовское общество, участвовали и мы, чиновники канцеляріи. Всѣ наблюденія за распорядкомъ и прислугою внутри дома и двора лежали на обязанности Скворцова. Онъ очень часто вертѣлся въ танцовальной залѣ, въ другихъ комнатахъ, выходилъ въ переднія и на дворъ смотрѣть. Замѣтно было въ немъ что-то меланхолическое. Онъ ничего не говорилъ, тогда какъ любилъ говорить и разсказать что-нибудь смѣшное, имъ случайно встрѣченное. Балъ продолжался до 4-хъ час. утра, и онъ все былъ здѣсь до послѣдней минуты; за ужиномъ присѣлъ около насъ, канцелярск. чиновниковъ, сидѣвшихъ за особымъ столомъ. Въ залѣ было поставлено нѣсколько ломберныхъ столовъ, на четыре и на шесть персонъ: въ гостинной былъ общій столъ преимущественно для дамъ и почетныхъ особъ. Такъ какъ при губернаторѣ мы были свои, то и распоряжались угощеніями, приглашая Скворцова ужинать и выпить вина. Онъ отвѣчалъ на наши приглашенія отрывисто: „не хочу". Мы не обратили на его угрюмость особеннаго вниманія. На другой день послѣ бала, 20 февраля, онъ, принявши рапорты отъ частныхъ приставовъ, часовъ въ 10 утра выѣхалъ изъ дома къ губернатору съ утреннимъ рапортомъ; но выѣзжая, сказалъ кучеру, чтобы онъ ѣхалъ на Волгу. По пріѣздѣ туда, сталъ осматривать прорубн. Пройдя нѣсколько прорубей и увидя, что у одной стоитъ рабочій, сказалъ ему: „попробуй-ка, глубоко-ли"? Тотъ опустилъ лопату, бывшую у него въ

рукахъ, вынулъ и показалъ, какъ она глубока. Скворцовъ скинулъ съ себя медвѣжью шубу, бросился въ прорубь головою внизъ. Когда на крикъ кучера и рабочаго сбѣжался народъ, то они вынули изъ проруби Скворцова уже мертваго.

По смерти Скворцова осталось большое состояніе: наслѣдниками явились лица духовнаго званія, такъ какъ Скворцовъ былъ изъ духовнаго сословія.

Мѣсто Скворцова заступилъ приставъ 4-й части Н. М. Голядкинъ, который много былъ проницательнѣе, умнѣе, распорядительнѣе и грамотнѣе Скворцова. Онъ былъ изъ отставныхъ аудиторовъ. Переверзевъ любилъ его и давалъ ему самыя важныя порученія, и онъ со всею утонченностію исполнялъ ихъ, даже подвергалъ жизнь свою опасности.

Въ 1834 году появилась въ лѣсахъ Петровскаго уѣзда шайка разбойниковъ, которая нападала на проѣзжихъ и дѣлала грабежи по селеніямъ. Не было успѣха въ поимкѣ грабителей. Тогда губернаторъ командировалъ для поимки ихъ Голядкина. Послѣдній взялъ съ собою подручнаго полицейскаго служителя и съ нимъ болѣе мѣсяца разыскивалъ разбойниковъ, переодѣвшись во всю солдатскую аммуницію; вмѣстѣ съ полицейскимъ служителемъ онъ шатался въ той лѣсной дачѣ, откуда выходили разбойники. Подъ видомъ бѣглаго дезертира Голядкинъ, встрѣтясь съ разбойниками, присоединился къ нимъ и пробылъ въ ихъ шайкѣ нѣсколько дней. Какимъ-то случаемъ, чрезъ лазутчика, своего полицейскаго служителя, Голядкинъ добился вина, переполилъ всю шайку; потомъ всѣхъ ихъ перевязалъ и, вытребовавъ изъ села людей, перековалъ и заарестовалъ.

Въ 1833 или 1834 годахъ производилось слѣдствіе объ убійствѣ полковника Бурнашева, помѣщика Вольскаго уѣзда, близъ с. Канаевки, гдѣ было его имѣніе. При слѣдствіи убійцъ не было открыто, не смотря на всѣ принятыя строгія мѣры, тогда какъ по Саратову ходили слухи, что убійцами были дворовые люди Бурнашева и съ ними участвовали двѣ родныя его, Бурнашева, дочери-дѣвицы, жившія вмѣстѣ съ нимъ въ деревнѣ. Ф. Л. командировалъ для обнаруженія истины, въ виду распущенныхъ по Саратову о семъ происшествіи слуховъ, Голядкина. Голядкинъ мѣсяца два вертѣлся въ селеніяхъ близъ имѣнія Бурнашева и въ самомъ имѣніи, переодѣваясь отставнымъ солдатомъ, нищимъ, торгашемъ; и наконецъ достигъ своей цѣли: напалъ на вѣрныхъ людей, которые знали коротко все происшествіе, разсказали ему все подробно и указали лицъ, которыя

совершили преступленіе. Оно случилось слѣдующимъ образомъ. Вечеромъ, когда уже темнѣло, былъ зажженъ на гумнѣ ометъ соломы; Бурнашевъ, увидя пожаръ, высунулся въ окно, и въ это время былъ убитъ изъ ружья собственнымъ его дворовымъ человѣкомъ. Бурнашевъ былъ злой человѣкъ, жестоко обращался съ крестьянами и былъ дурной нравственности...

О поимкѣ разбойниковъ въ петровскихъ лѣсахъ и объ убійствѣ Бурнашева можно найти дѣла въ архивахъ губернскаго правленія и сарат. палаты уголовнаго суда.

Голядкинъ за открытіе этихъ преступленій и другихъ былъ, по представленію Переверзева, награжденъ орденомъ. Когда Ф. Л. перевели изъ Саратова на должность кіевскаго гражданскаго губернатора (въ декабрѣ 1835 года), то онъ выписалъ въ Кіевъ и Голядкина, гдѣ тотъ былъ старшимъ полиціймейстеромъ.

Въ 1832 году саратовскій преосвященный Моисей былъ переведенъ въ Грузію экзархомъ, а вмѣсто него назначенъ преосвященный Іаковъ. Этотъ епископъ въ Саратовѣ былъ лѣтъ 15 и затѣмъ переведенъ архіепископомъ въ Нижній-Новгородъ. Онъ былъ человѣкъ религіозный, постникъ и очень энергично преслѣдовалъ вкоренившіяся въ Саратовской губерніи разныя раскольничьи секты и молоканство. Когда преосвященный получалъ свѣдѣнія отъ духовенства объ исправленіи раскольниками богослуженій и совершеніи ими требъ, крещеніи дѣтей, вѣнчаніи браковъ и погребеніи умершихъ, съ указаніемъ ихъ уставщиковъ, лжеучителей, то требовалъ отъ губернскаго начальства строгихъ мѣръ къ преслѣдованію наставниковъ, учителей и совратителей въ расколъ. Губернаторъ Переверзевъ былъ того мнѣнія, что черезъ строгія и рѣшительныя мѣры можетъ вкрасться зло и волненіе между раскольниками, которыя водворены почти цѣлыми селеніями, поддерживаются купцами богатѣйшаго класса столицъ и всѣхъ губерній. Поэтому Переверзевъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ со всею осторожностію, хотя не оставлялъ безъ преслѣдованія главныхъ лже-учителей и уставщиковъ, прекращалъ и уничтожалъ ихъ молельни, устроенныя въ давнія времена, и сходбища въ частныхъ домахъ для отправленія служенія; нѣкоторыхъ изъ уставщиковъ онъ подвергъ даже суду. Въ отношеніи Иргизскихъ старообрядческихъ монастырей Ф. Л. составилъ такой проектъ, чтобы всѣмъ монашествующимъ въ нихъ составить списокъ и затѣмъ строго слѣдить, чтобы вновь въ монастыри никого не принимали. Такимъ образомъ впослѣдствіи монашество могло уничтожиться само собою, и тогда монастыри

могли бы быть сдѣланы православными, безъ всякаго волненія, тѣмъ болѣе, что собственно монашествующихъ лицъ, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола находилось въ монастыряхъ ограниченное число: проживающихъ же тамъ прислужниковъ можно было бы удалить полицейскими мѣрами. Но этотъ проектъ губернатора не былъ принятъ. Епархіальное высшее начальство потребовало рѣшительнаго распоряженія о присоединеніи монастырей къ единовѣрію. Ф. Л. былъ въ увѣренности, что это трудно исполнить, и у него объ этомъ происходила секретная переписка съ высшимъ правительствомъ гражданскаго и духовнаго вѣдомствъ. (Секретныя дѣла въ архивахъ или канцеляріи губернатора переданы въ архивъ губернскаго правленія).

Во время губернаторства Ф. Л. Переверзева въ Саратовѣ иногда давались балы и танцовальные вечера наканунѣ праздничныхъ дней. Это преосвященному Іакову чрезвычайно неправилось; онъ говорилъ лично разнымъ особамъ и губернатору поучительныя слова противъ роскоши, господствующей въ первенствующемъ и въ низшемъ классѣ жителей, а въ церквахъ сказывалъ назидательныя проповѣди; но любители удовольствій мало обращали на это вниманія, поэтому преосвященный, какъ замѣчали, съ Переверзевымъ былъ не въ ладахъ, тѣмъ болѣе, что его преосвященство довѣрялся свѣдѣніямъ, получаемымъ имъ отъ духовенства и отъ другихъ лицъ обо всемъ, что происходило въ Саратовѣ въ такомъ (?) духѣ...

При Ф. Л. проектировано было устройство казармъ для баталіона внутренней стражи.

До пріѣзда Ф. Л., въ Саратовѣ существовали баталіоны военныхъ кантонистовъ въ четыре роты до 1000 человѣкъ. Кантонисты помѣщались по квартирамъ въ домахъ обывателей, а школы ихъ были размѣщены въ домахъ, гдѣ теперь домъ архіерейскій, старый деревянный. По ходатайству Ф. Л. баталіоны эти переведены въ 1832 г. въ городъ Вольскъ, собственно потому, что тамъ много было пустыхъ каменныхъ домовъ принадлежавшихъ казенному должнику Злобину. Этотъ переводъ облегчилъ жителей Саратова въ несеніи натуральной квартирной повинности, такъ какъ въ то время и нижніе чины баталіона квартировали въ домахъ обывателей.

Ф. Л. обращалъ вниманіе на проведеніе по городу Саратову воды изъ родниковъ Лысой горы съ западной стороны. Поэтому предмету пріѣзжали изъ С.-Петербурга свѣтскіе инженеры, Редигеръ и Гѣдичъ, осмотрѣли мѣстность, составили проектъ и смѣту; но такъ

какъ по смѣтѣ требовалось весьма много издержекъ, то дѣло это не получило должнаго исполненія при Ф. Л.

До 1834 года существовали пикеты отъ границы Оренбургской губерніи, земель Уральскаго казачьяго войска, киргизъ внутренней орды Хана Джангира Букѣева, Елтонскаго солянаго озера, до границы Астраханской губерніи. Пикеты содержимы были казаками Астраханскаго казачьяго войска, охранявшими жителей заволжской стороны отъ набѣговъ башкиръ и киргизъ. При набѣгахъ было много смертоубійствъ; кочевники забирали въ плѣнъ даже людей. По производившейся перепискѣ съ властями Оренбургской губерніи, Уральскаго казачьяго войска, ханомъ Джангеромъ Букѣевымъ, астраханскими губернаторомъ, казачьимъ войскомъ и съ с.-петербургскою высшею властью—объ уничтоженіи безпорядковъ и междуусобныхъ ссоръ крестьянъ заволжскаго края съ башкирами и киргизами, была учреждена коммиссія отъ всѣхъ вѣдомствъ для разграниченія владѣнія земель Саратовской губерніи отъ Оренбургской, уральскаго войска, орды хана Букѣева до Астраханской губерніи; были проведены межи, поставлены межевые знаки. Съ этого времени въ заволжскомъ краѣ стало спокойно, крестьяне жили безъ всякой тревоги со стороны башкиръ и киргизъ: иногда только были случаи, что ордынцы угоняли изъ табуновъ, принадлежащихъ крестьянамъ, лошадей. Казачьи посты были уничтожены въ 1834 году.

Заволжскій край, прежде принадлежавшій къ Саратовской губерніи, начинался отъ Самарскаго уѣзда до Астраханской губерніи на протяженіи, по теченію Волги внизъ, болѣе чѣмъ на 800 верстъ, а во внутрь простирался до границъ Оренбургской губерніи, уральскаго войска, орды хана Букѣева къ востоку отъ Волги верстъ на 250. Эта площадь земли съ населенными селеніями состояла въ вѣдѣніи пяти уѣздовъ Саратовской губерніи, а именно: Хвалынскаго, Вольскаго, Саратовскаго, Камышинскаго и Царицынскаго. На этой площади были густо водворены селенія въ Хвалынскомъ и Вольскомъ уѣздахъ отъ рѣки Мочи, границы Самарскаго уѣзда, по р. Малому Иргизу и по правую сторону теченія р. Большаго Иргиза; по лѣвую его сторону земли оставались почти незаселенными. По Саратовскому уѣзду по рѣкамъ Малому и Большому Узенямъ селенія водворены были весьма рѣдко; самыя дальнія къ границамъ владѣнія уральскаго войска и орды хана Букѣева были: Чертанлы, что нынѣ г. Новоузенскъ, Малый Узень и, самое дальнѣйшее, Александровъ-Гай, отъ Саратова верстъ болѣе 225. Прочія же земли этихъ трехъ уѣздовъ

лежали въ пустѣ и отдавались въ оброчное содержаніе за самую ничтожную плату. Въ Камышинскомъ у., по рѣкамъ Иловлѣ и Визюку(?), въ Царицынскомъ, по р. Ахтубѣ и Солянкѣ, свободные въ этихъ уѣздахъ земли не были заселены и оказывались неспособными къ посѣву хлѣбовъ, а потому крестьяне этихъ двухъ уѣздовъ болѣе занимались сѣяніемъ овощей разнаго рода, въ особенности арбузовъ и дыней, и имѣли большее скотоводство; скотъ продовольствовался въ зимнее время подножнымъ кормомъ въ степяхъ.

Съ 1820 годовъ заволжье стало заселяться переселенцами изъ разныхъ внутреннихъ губерній: Смоленской, Харьковской, Черниговской, Полтавской, Воронежской, Тульской, Пензенской, Тамбовской и изъ Саратовской съ нагорной стороны. Населеніе годъ отъ года стало увеличиваться, такъ что переселялось отъ тысячи до трехъ тысячъ чел. въ годъ, занимая лучшія мѣста для водворенія: сверхъ того, участки отводились во Всемилостивѣйшее пожалованіе разнымъ высшимъ особамъ отъ одной до двухъ тысячъ и болѣе десятинъ. Права у нихъ пріобрѣтали покупкою разныя лица: помѣщики для водворенія крестьянъ изъ другихъ губерній, купцы, колонисты и чиновничество, такъ какъ пожалованныя земли продавались по весьма низкимъ цѣнамъ отъ 1 р. до 3 р. сер. за удобную десятину, смотря по удобности и по отдаленности. Пріобрѣвшіе участки заводили на нихъ хутора, скотоводство и хлѣбопашество, и хозяйство свое довели до лучшаго состоянія. Такимъ образомъ заволжье въ какія-нибудь 10 лѣтъ увеличилось въ народонаселеніи болѣе, чѣмъ на сто тысячъ душъ одного мужскаго пола. Съ увеличеніемъ населенія въ заволжьѣ дѣлался ощутителенъ недостатокъ полицейскаго надзора: злоупотребленія и преступленія оставались почти безъ всякаго разслѣдованія, въ особенности въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ Волги, такъ какъ проѣздъ чиновниковъ въ тѣ селенія въ осеннее и весеннее время былъ затруднителенъ, ибо чрезъ Волгу сообщеніе временно прерывалось отъ идущаго по ней льда.

Ф. Л. Переверзевымъ былъ составленъ проектъ открытія въ заволжьѣ трехъ уѣздныхъ городовъ, именно: Николаевска, Новоузенска и Царева изъ селъ Мечетнаго, Чертаплы и Царевки. Послѣдняя извѣстна была развалинами здѣсь мамайскихъ кургановъ. Эти развалины и курганы водворявшимися переселенцами на р. Ахтубѣ были разбираемы, и кирпичъ, совершенно другой формы и качества, чѣмъ настоящій красный кирпичъ, употребляемъ былъ при постройкѣ ихъ жилищъ, что преимущественно замѣтно въ д. Растегаевкѣ, близъ г.

Царева. Проектъ Ф. Л. объ открытіи этихъ городовъ былъ новѣряемъ членомъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ Арсеньевымъ, и Высочайше утвержденъ Государемъ Николаемъ I въ концѣ 1835 года; а открыты тѣ города въ маѣ мѣсяцѣ 1836 года губернаторомъ Степановымъ, заступившимъ мѣсто Неревзева.

Во время губернаторства Ф. Л. производилась народная перепись восьмой ревизіи въ 1834 году. Для новѣрки ея по его распоряженію были назначены чиновники, въ числѣ которыхъ былъ командированъ и я въ г. Царицынъ, уѣздъ его и посадъ Дубовку; кромѣ того даны были мнѣ Ф. Л. и другія секретныя порученія: одно объ открытіи крестьянъ, бѣжавшихъ отъ графа Безбородко-Кушелева, приписавшихся по фальшивымъ отпускнымъ въ посадъ Дубовку въ мѣщане и купцы, а другое—о приведеніи въ извѣстность дубовскихъ сектантовъ. Это еще было первое порученіе мнѣ во время всей моей службы, въ исполненіи котораго я долженъ былъ самостоятельно дѣйствовать съ отвѣтственностію за упущеніе. Это порученіе мнѣ льстило, но брало и сомнѣніе, могу-ли я его исполнить съ точностію: однако же рѣшился принять его по совѣту и наставленію правителя канцеляріи Симановскаго.

Въ сентябрѣ 1835 г. отправился я къ исполненію возложенной на меня обязанности въ г. Царицынъ, гдѣ, получивъ ревизскія сказки, приступилъ къ дѣлу съ посада Дубовки. Тутъ встрѣтилъ я бывшаго саратовскаго полицеймейстера Бардовскаго, переведеннаго министромъ Закревскимъ въ Дубовку въ 1830 году. Открылъ я коммиссію изъ члена градской думы и отъ духовенства. Дѣло пошло хорошо и успѣшно.

Такъ какъ ревизіи подвергались и семейства купцовъ, то они искали моего вниманія: всѣ по одиночкѣ, начиная съ головы, приглашали къ себѣ въ гости. Угощеніе всегда было роскошное, и такъ меня полюбили, что почти каждый день я у кого-нибудь бывалъ и просиживалъ вечера, такъ какъ послѣдніе были у меня свободны, потому что призывъ людей для новѣрки ихъ „сказокъ“ почью былъ затруднителенъ. На этихъ купеческихъ вечерахъ появлялись купцы съ своими супругами; все это были старообрядцы. Дочекъ и сынковъ мало было видно. Для меня стаканъ или рюмка подавались особенно замѣтные гранью, или позолотою, или же чѣмъ либо особеннымъ, собственно для того, чтобы изъ этой рюмки или стакана не могли ошибкою пить другіе изъ посѣтителей-старообрядцевъ, что считалось за большой грѣхъ: они всѣхъ чиновниковъ называли брадобрѣями, упот-

реблявшими зелье (табакъ) и считали за большой грѣхъ съ ними пить и ѣсть изъ одной посуды. Для этой же цѣли даже самый приборъ при ужинахъ былъ отличительный. Быть можетъ я этого бы и не замѣтилъ; но Бардовскій разсказалъ мнѣ всѣ ихъ обычаи. Столы были установлены: одинъ всякаго рода сластями, отъ арбузныхъ сѣмячекъ до самыхъ лучшихъ фруктовъ и конфектъ; другой винами: отъ простаго, настояннаго какою-либо травою, до шампанскаго, нѣсколько штукъ графиновъ и бутылокъ; на третьемъ столѣ была закуска разнаго сорта: икра, рыба домашняго приготовленія, пирожки съ мясомъ, вареньемъ и разныя разности. Почти черезъ каждыя четверть часа было подчиваніе. Подводя то къ тому, то къ другому столу, хозяинъ говорилъ: „выпейте, покушайте да позаймитесь орѣшками или чѣмъ вамъ угодно“. Вмѣстѣ съ тѣмъ и сами угощались и ихъ супруги, большею частію все пожилыя. Когда бывало все переговорено и говорить больше оставалось нечего, то хозяинъ приглашалъ позаняться поиграть въ карточки: въ короли, мельники, въ подкидышки: въ игрѣ участвовалъ и женскій полъ. Уговоръ былъ такой: кого судьба возведетъ въ короли, то онъ долженъ первый выпить вина и угощать всѣхъ, а кто останется мельникомъ, тому послѣднему пить, подчивать же долженъ первый вышедшій. Мнѣ нравился порядокъ такихъ домашнихъ бесѣдъ купеческаго радушнаго общества, безъ всякихъ особенныхъ пышностей, надутостей и щекотливостей. Все просто, безпрестанно слышишь угощеніе: „позаймитесь виноградцемъ, астраханскими дулями или конфектами; выкушайте того или другаго винца, закусите, чѣмъ вамъ угодно“. Просидишь часовъ до 11, бывало такъ наугощаешься, что пріѣдешь въ квартиру пьяный. Такъ проводилъ я вечера болѣе недѣли. Наконецъ мнѣ наскучило каждый день быть полупьянымъ; тогда я придумалъ отказываться отъ этихъ угощеній и изобрѣлъ такое средство. Какъ-то разъ голова пріѣхалъ ко мнѣ и приглашаетъ ѣхать къ купцу на вечеръ. Я сталъ отговариваться, что не могу ѣхать. Онъ убѣдительно звалъ меня. Я по просьбѣ его рѣшился ѣхать, но съ уговоромъ, чтобы меня не подчивать виномъ, а предоставили мнѣ самому пить столько, сколько могу выпить, сказавъ ему по секрету, что я пьяный человѣкъ безпокойный и потому могу кого-нибудь обидѣть. Разумѣется, голова передалъ это хозяевамъ. Я этимъ избавился отъ безпрерывныхъ угощеній; за то ужъ нападали на меня съ орѣшками разныхъ сортовъ да фруктами.

Кромѣ купеческихъ вечеровъ, бывалъ я на вечерахъ благороднаго дубовскаго общества. Тутъ находилъ матушекъ, дочекъ и почтен-

ное чиновничество высшаго дубовскаго класса за картами; молодыхъ людей почти вовсе не было. Здѣсь была большая противуположность купеческому обществу: существовала натянутость между дамами и дѣвицами, находившимися весьма въ небольшомъ количествѣ особъ; угощеніе было хотя и хорошее, но не въ томъ изобиліи какъ у купцовъ; угощали рѣже: десертъ разносила прислуга на подносѣ, на трехъ или много на четырехъ тарелкахъ; вино и закуска стояли на ломберномъ столѣ; выпивали тогда, когда сыграется партія въ карты, за которыми сидѣли старые ветераны, высшіе члены Дубовки. Хозяинъ скажетъ: „не выпить-ли съ выигрыша или проигрыша?“ Ну, и приглашаетъ всѣхъ тутъ бесѣдовавшихъ. Въ дамскомъ обществѣ, послѣ продолжительнаго монотоннаго разговора, хозяйка приглашала дѣвицъ и и кавалеровъ, какіе при этомъ случались, раздѣлить удовольствіе святочными играми: „въ судьбу“, или „золото хороню“ и другія имъ подобныя. Въ тогдашнее время въ Дубовкѣ мало было фортепіано, а музыкантовъ вовсе не было: слѣдовательно, о танцахъ и помину не было. Мнѣ нравились игры тѣмъ, что были пріятные голоса дѣвицъ и дамъ, привыкшихъ хорошо и правильно пѣть. Когда все дубовское благородное общество бесѣдуетъ вмѣстѣ, то думаешь, что между ними все хорошо и дружно; но если быть отдѣльно въ каждомъ домѣ, вы услышите, что всѣ враждебны другъ другу и всѣ разносятъ сплетни и разсказни: одно семейство говоритъ противъ другаго семейства, чего въ купеческомъ обществѣ совершенно было незамѣтно.

Въ Дубовкѣ я открылъ семейства три причисленныхъ изъ крестьянъ графа Безбородки-Кушелева, и составилъ списокъ сектантамъ, которыхъ оказалось около 10 сектъ а именно: старообрядцевъ, бѣглопоповской секты, бе поповскаго согласія, поморской секты, нѣтовщины, совершенно не вѣрующихъ ни во что, спасовщины, гдѣ исправляетъ всѣ службы женскій полъ—грамотницы: молоканской, іудействующей, суботниковъ, другихъ, вѣрующихъ въ воскресенье, хлыстовщины. Страннымъ казалось то, что въ одномъ семействѣ приходилось находить по три и по четыре человѣка совершенно разныхъ сектъ: отецъ молоканинъ, жена его нѣтовка, сынъ спасовецъ, его жена поморской секты; каждый ѣстъ изъ отдѣльной посуды, хотя кушанья и готовятся въ однихъ горшкахъ, исключая нѣкоторыхъ дней, въ которые кушанье готовится для другихъ особенное, соображаясь съ нравами ихъ сектъ.

Со всею откровенностію скажу, что когда за отъѣздомъ изъ Дубовки я простился съ купцами, то они заносили меня всѣмъ: саха-

ромъ, чаемъ, рыбою разнаго сорта, и прочими разными сластями, даже домашняго приготовленія сладкими пирогами и пирожками, въ томъ убѣжденіи, что при разъѣздахъ моихъ въ селеніяхъ я этихъ припасовъ тамъ не найду, а въ городъ посылать за ними далеко; и все приносили въ большомъ количествѣ, такъ что бывшая при мнѣ прислуга, солдатъ и мальчикъ, лакомые до дароваго угощенія, навьючили нѣсколько кульковъ: этой провизіи достало мнѣ недѣли на три, не смотря на роскошные расходы ея. Радушное купеческое дубовское общество того времени до пынѣ остается у меня въ памяти. Въ Дубовкѣ я пробылъ двѣ недѣли. Окончивъ здѣсь всѣ порученія и отославъ отчетность казенной палатѣ и губернатору, я отправился въ Царицынъ.

Въ Царицынѣ я нашелъ совсѣмъ другое: тамъ купцовъ, извѣстныхъ по своей комерціи и капиталами, не было больше шести домовъ: прочіе граждане мелкой руки всѣ православные и весьма религіозны, такъ что почти во всемъ городѣ не было раскольниковъ. Купцы жили экономно: у нихъ не было тѣхъ роскошныхъ вечеровъ, какъ въ Дубовкѣ; только въ праздничные дни нѣкоторыя семейства по связямъ родства бывали другъ у друга; но соблюдали большой этикетъ въ высокоторжественные дни, напримѣръ, въ Николинъ день, 6 декабря, въ Рождество, Новый годъ и проч. Тогда весь городъ въ парядѣ: молодые мѣщане, купцы и чиновники ѣздятъ съ утренними поздравительными визитами ко всѣмъ почетнымъ лицамъ всѣхъ сословій почти съ ранняго утра до обѣдни, и уже послѣ обѣдни почетныя особы отдаютъ визиты тѣмъ, кто у нихъ былъ, а иногда и на другой день праздника. Въ это время вы найдете въ каждомъ домѣ закуску, въ большихъ домахъ довольно роскошную.

Съ царицынскими купцами я только визитировался и на ихъ вечерахъ не былъ. Часто бывалъ я у бывшаго въ то время городскаго головы купца М. Ф. Бѣлоярцева, уважаемаго всѣмъ обществомъ человѣка. Онъ нѣсколько выборовъ сряду былъ головою и имѣлъ на шеѣ золотую медаль. У него было два сына, которые женаты были на дворянкахъ-помѣщицахъ; поэтому жилъ онъ на дворянскую ногу, имѣлъ большой двухъ-этажный домъ: въ нижнемъ этажѣ помѣщалось все его семейство, а верхній—служилъ только для пріема гостей въ парадные дни. Въ 1827 году, во время рекрутскаго пріема, губернаторъ князь Голицынъ былъ въ Царицынѣ; и такъ какъ у Бѣлоярцова лучшій домъ и пустой верхній этажъ, то и отведенъ онъ былъ для квартированія князя, какъ мнѣ разсказывалъ самъ М. Ф. Бѣлоярцовъ; князь какимъ то случаемъ коротко познакомился съ гор-

ничною, крѣпостною дѣвушкою, принадлежавшею одной изъ его снохъ-помѣщицъ. Дѣвушка та подала просьбу князю, что она съ прочими находится во владѣніи и распоряженіи купца. По сему случаю по распоряженію и по настоянію князя отчуждено изъ владѣнія его снохъ до 15 душъ крестьянъ обоего пола. Бѣлоярцовъ говорилъ съ прискорбіемъ, что князь его этимъ не обидѣлъ; но жалко, что лишилъ собственности снохъ и разорилъ этихъ крестьянъ тѣмъ, что они, отойдя отъ него, Бѣлоярцова, нигдѣ не находили себѣ мѣстъ, и не имѣя состоянія, шатались зря, занимаясь подленною работою, сдѣлались пьяницами; тогда какъ у Бѣлоярцова были прикащиками и торгашами при лавкахъ. Послѣ уже они опять приходили къ нему, чтобы онъ взялъ ихъ къ себѣ, но онъ не взялъ.

Царицынское благородное общество въ то время было многочисленнѣе дубовскаго. Въ немъ существовала та же чванность, тѣ же сплетни и зависть одного противу другаго, и семейныя ихъ бесѣды сопровождались тѣми же удовольствіями какія существовали и въ Дубовкѣ.

Съ перваго знакомства съ городскимъ головою онъ предложилъ мнѣ посмотрѣть картузъ и трость Государя Петра Великаго, хранящіеся въ градской думѣ. Это меня заинтересовало, и я былъ въ Думѣ, въ присутственной ея камерѣ, содержимой въ чистотѣ и опрятности. Въ одномъ углу устроено здѣсь помѣщеніе, гдѣ на бархатной малиноваго цвѣта подушкѣ, окаймленной кистью, лежалъ картузъ; на подушкѣ была приколота бумажка съ написанными словами, сказанными Петромъ, когда онъ отдавалъ гражданамъ Царицына картузъ: „Какъ никто не смѣетъ снять картуза съ головы моей, такъ никто не посмѣетъ вынести его изъ Царицына“. Картузъ изъ сѣраго толстаго сукна; подкладка въ немъ шелковая, дикаго цвѣта, на ватѣ. У картуза козырекъ и заворотъ. Трость довольно толстая, длиною 1 аршинъ и 4 вершка, вязовая; на верху ея сукъ, къ низу она тоньше. Отдавая трость, Петръ I сказалъ: „Вотъ моя трость! Я управлялся ею съ друзьями и вы обороняйтесь ею отъ враговъ“.— Эти драгоцѣнныя вещи для города Царицына саратовское губернское начальство желало имѣть въ городѣ Саратовѣ, сохранять ихъ въ дворянскомъ собраніи или думѣ, или мужской гимназіи, но царицынцы не уступили. Они привозили ихъ въ Саратовъ во время посѣщенія его Государемъ Императоромъ Александромъ II, когда онъ еще былъ наслѣдникомъ въ 1837 году, и въ 1863 году въ Бозѣ почившему наслѣднику Николаю Александровичу.

Пробывъ въ Царицынѣ дней семь, я отправился по обязанности службы въ колонію Сарепту, въ 26 верстахъ отъ Царицына, издавна славящуюся своими произведеніями. Колонія эта существовала на особыхъ правахъ противу другихъ колоній. Ею завѣдывалъ собственно управляющій саратовской конторы иностранныхъ поселенцевъ, а всѣ распоряженія въ колоніи зависѣли отъ братскаго колоніальнаго общества. Въ Сарептѣ все было общественное, братское, даже собственныя деньги въ народномъ обращеніи по той (?) колоніи. Всѣ издѣлія на фабрикахъ производились обществомъ, а не семействами въ частности. Фабрики были разнородныя: а) выдѣлывались разныхъ сортовъ сарпинки, подъ названіемъ сарептскихъ; въ тогдашнее время онѣ были въ большомъ употребленіи; б) глиняная разнородная посуда, которая и теперь въ славѣ; в) горчичное масло и самая горчица, которыя и нынѣ въ большомъ употребленіи; г) табачная фабрика; д) пряники подъ названіемъ сарептскихъ лучшаго достоинства; е) ботаническія произведенія всѣхъ произрастеній, которыми Сарепта снабжала всѣ аптеки, даже столичныя; ж) водочное заведеніе подъ названіемъ сарептское; вина крѣпкія, отличнаго вкуса. Были и другія заведенія; такъ что Сарепта ни отъ кого ничѣмъ не заимствовалась, все было свое, домашнее, кромѣ металловъ. Всѣ эти хозяйственныя заведенія были въ завѣдываніи и распоряженіи избранныхъ отъ общества лицъ: или же всѣ произведенія, выдѣлываемыя на фабрикахъ, продавались и весь капиталъ хранился въ обществѣ и раздѣлялся въ частности по семействамъ, по числу рабочихъ рукъ и по времени занятій каждаго человѣка, какъ это мнѣ разсказывали главные колоніальные начальники.

Колонія состояла изъ реформатовъ, болѣе 500 душъ мужскаго пола. Поселена она на отличномъ мѣстоположеніи. Дома на главной площади и улицахъ преимущественно каменные, двухъэтажные, крытые желѣзомъ. Въ каждый домъ проведена вода желобами, съ устройствомъ кранова для выпуска ея. Магазины для распродажи товаровъ, склады ихъ и фабричныя заведенія въ лучшемъ состояніи. Сверхъ колоніальнаго управленія, за всѣмъ порядкомъ надзираетъ полиціймейстеръ, изъ ихъ же общественниковъ; онъ повсюду меня водилъ и все показывалъ, даже костелъ, школы мужскаго и женскаго пола. Все это находилось въ лучшемъ видѣ и отличной чистотѣ.

Изъ разговоровъ съ колоніальнымъ начальствомъ я познакомился съ обычаями братьевъ. Между прочимъ вотъ странности въ отношеніи бракосочетаній. У нихъ женятся по жеребью. Напримѣръ, въ

теченіи года должно совершиться 10 или болѣе браковъ: женихи берутъ билеты, и кому какая дѣвица, или вдова достанется, тотъ непремѣнно и долженъ на ней жениться. Не пожелавшаго исполнять всѣ условія и постановленія сарептскаго колоніальнаго управленія, или замѣченнаго въ дурной нравственности они исключаютъ изъ своего братства, и исключенные должны совсѣмъ удалиться изъ колоніи, безъ всякаго вознагражденія изъ общественнаго капитала, гдѣ быть можетъ находилась и частица удаляемаго изъ общества.

Нравственность сарептскихъ реформатовъ отличается хорошими качествами, въ особенности въ образованіи молодыхъ дѣвицъ. Въ мѣстную школу отдаютъ своихъ дочерей многіе колонисты и нѣмцы изъ образованнаго и богатаго класса, живущіе въ Саратовѣ, и изъ школы выходятъ дѣвицы благонравныя: ихъ съ удовольствіемъ берутъ въ гувернантки русскіе помѣщики: мужской полъ, образовавшійся въ Сарептѣ, тоже выходитъ хорошей нравственности и занимаетъ лучшія мѣста въ торговыхъ магазинахъ и конторахъ, преимущественно нѣмецкихъ.

Мнѣ разсказывали, что Сарепта въ 1822 году сильно пострадала отъ пожара, это ее разорило, и она послѣ того долго приходила въ должное устройство; кромѣ того два лица, главные завѣдующіе колоніею, съ большимъ общественнымъ капиталомъ, въ тѣ-же 1820-ые годы поѣхали въ Петербургъ за разными покупками для общественныхъ фабрикъ и заведеній, но уѣхали за границу, въ колонію не возвращались, и общественный капиталъ лопнулъ.

Въ Сарептѣ я былъ въ концѣ октября 1835 года. Полицеймейстеръ отвелъ мнѣ въ гостинницѣ три комнаты, хорошо меблированныя. Я прожилъ здѣсь по своимъ занятіямъ трое сутокъ. Когда сталъ уговариваться въ гостинницѣ въ цѣнѣ за столъ и за все, то полицеймейстеръ сказалъ: „Ну! кто на нашъ колонка пріѣхалъ по дѣламъ общественнымъ, мы не беремъ, хоть самъ губернаторъ, или Путягинъ, (управляющій конторою Бутягинъ): а вы получаете жалованья мало, намъ деньги не надо“. Онъ велѣлъ отпускать мнѣ и моей прислугѣ все лучшее къ обѣду, ужину и чаю. Дѣйствительно, все подавалось въ лучшемъ видѣ и приготовлено было со вкусомъ. Прислуживала дѣвушка лѣтъ 18. Она всегда спрашивала, что готовить къ обѣду и ужину. Я отдавалъ на ея волю готовить мнѣ, что ей вздумается, чтобы она ни изготовила, то все будетъ хорошо. Она подавала мнѣ чай, кофе, завтракъ, обѣдъ и ужинъ, убирала со стола и мела комнаты. Моя прислуга сидѣла, ничего не дѣлая. Дѣвушка по русски говорила ломаннымъ языкомъ: „ну! какой вина кочешь?“ Нарочно ей скажешь:

„такое, какое ты сама пьешь“,—она покраснѣетъ, покачаетъ головой: „фай! фай! мой не пьетъ“.—„Ну какое получше да послаще“, отвѣчаю я. Поставитъ на столъ бутылки три собственнаго въ колоніи произведенія. Послѣ обѣда и ужина подавала десертъ: виноградъ, яблоки, арбузный медъ и другія лакомства. Когда по утру приходила съ чаемъ, то въ первый свой приходъ говорила: „гутъ моргенъ“, а послѣ ужина и десерта, при уходѣ, кивнетъ головой и скажетъ: „адье“. Она была собою недурна: продолговатое бѣлое лицо, черные волосы; коса заложена гребенкою: носила полосатую разноцвѣтную шерстяную юбку домашняго произведенія и синенькій корсетъ, застегнутый пуговками, на ногахъ ботинки и синіе чулки: всегдашній національный нарядъ. Разъ какъ-то я спросилъ ее: „хозяйка-ли она?“ Она отвѣчала: „нѣтъ, у меня есть мутеръ и фатеръ: фатеръ на фабрикѣ—слесарь, а мутеръ на кухнѣ“. Когда я сталъ готовиться къ отъѣзду, то предложилъ ей за услуги 5 руб. ассигнаціями, но она не взяла, замотала головой и убѣжала изъ комнаты. Накупивъ въ Сарептѣ горчичнаго масла, горчицы, пряниковъ и бальзама въ гостинецъ своимъ роднымъ и распростясь съ полиціймейстеромъ, я отправился обратно въ Царицынъ.

Изъ Царицына я переѣхалъ въ селенія, расположенныя по лѣвую сторону р. Волги и по рѣкѣ Ахтубѣ. Въ первый разъ въ продолженіе моей службы привелось мнѣ имѣть дѣло съ волостнымъ и сельскимъ начальствомъ и сельскими сходами. Приступя къ дѣлу началъ съ села Безроднаго, довольно многолюднаго, до 1000 душъ. На вопросъ: почему село называется Безроднымъ, старики говорили, что оно заведено пришлымъ народомъ—бѣглыми солдатами, даже бѣглецами изъ Сибири, съ каторги, которые были съ рваными ноздрями: тутъ они заводились каждый хозяйствомъ, никто ихъ не тревожилъ; Богъ знаетъ, кто они были, откуда сюда зашли, и ими то село названо Безроднымъ.

Дѣло мое шло довольно успѣшно, безъ всякаго затрудненія: и такимъ образомъ я переѣзжалъ изъ села въ село. Всѣхъ селеній, принадлежавшихъ къ Царицынскому уѣзду, въ тогдашнее время въ заволжскомъ краѣ было не болѣе 20-ти на протяженіи 150 верстъ; но селенія были большія отъ 500 до 2000 душъ и болѣе, довольно хорошо и богато устроенныя: дома были изъ сосноваго лѣса, крытые тесомъ и тростникомъ; по всему было видно, что жители селеній богаты и живутъ въ большомъ довольствѣ. Хотя у нихъ было мало хлѣбопашества, но за то большое скотоводство.

Крестьяне преимущественно занимались сѣнокошеніемъ послѣ спада воды по займищамъ, заливаемымъ Волгою и Ахтубою на весьма большое пространство, и по степямъ около озеръ. Во всѣхъ крестьянахъ было какое-то простодушіе. Жили скромно и хозяйственно; въ зимнее время половина семейства—въ селѣ, а другая, на хуторахъ, верстъ за 10, 15 и болѣе, собственно для прокормленія скота, такъ-какъ кормъ возить со степей въ дома было чрезвычайно далеко и много уходило бы времени по напрасну. При домѣ оставляли необходимое число лошадей и коровъ: прочій же скотъ весь на хуторахъ. У нихъ было такъ много скота, что другой хозяинъ не зналъ счета ему: самый бѣдный крестьянинъ имѣлъ 25 лошадей, столько же коровъ и неменѣе 100 овецъ: нѣкоторые крестьяне имѣли табуны барановъ, рогатаго скота и лошадей.

Когда я уѣзжалъ изъ Царицына въ заволжье, тамошніе городничій, исправникъ и другіе мои знакомые упросили меня, чтобы я къ 4 декабря пріѣхалъ въ Царицынъ непремѣнно. Первый былъ самъ именинникъ 6 декабря, а у послѣдняго—жена 4. Я далъ честное слово исполнить ихъ желаніе, видя всегда ихъ радушное ко мнѣ расположеніе. Въ это время я былъ верстахъ въ 50 отъ Царицына. По собраннымъ свѣдѣніямъ о томъ, переѣзжаютъ ли чрезъ Волгу, получались разные отвѣты: одни говорили, что Волга уже стала и по ней ѣздятъ: а отъ другихъ слышалъ, что еще не стала, а переправляются на лодкахъ. Думаю: все равно, на чемъ нибудь да доберусь до Царицына: при томъ же мнѣ было нужно отправить отчетность о моихъ дѣйствіяхъ по заволжью губернатору и казенной палатѣ чрезъ царицынскую почтовую контору. 2 декабря къ половинѣ дня я пріѣхалъ къ пристани, гдѣ была переправа; на берегу устроена землянка въ квадратѣ сажени по три, съ печью; прочнаго и деревяннаго строенія здѣсь было устроить невозможно, потому что сносило полою водою. Переправиться было невозможно: ледъ шелъ густою массою, вѣтеръ дулъ сѣверный, довольно сильный. Я хотѣлъ было воротиться назадъ, но ямщика съ лошадьми отпустилъ, чтобы онъ засвѣтло воротился домой. Войдя въ землянку, я встрѣтилъ въ ней болѣе 25 человѣкъ бурлаковъ и сверхъ того караульщиковъ пристани, которые всѣ сидѣли на полу такъ тѣсно, что имъ трудно было поворачиваться. Я попросилъ ихъ, чтобы они пропустили меня какъ-нибудь до лавки и перенесли мой багажъ. Они стали тѣсниться и я кое-какъ добрался до указаннаго мѣста, шагая черезъ ихъ головы; также переносили мой багажъ, потому что въ повозкѣ не было никакой возможности оставаться, по слу-

чаю холоднаго пронзительнаго вѣтра; притомъ же и повозка была лѣтняя. Въ землянкѣ сдѣлалось еще тѣснѣе, такъ что я долженъ былъ сидѣть скорча ноги. Бурлаки были изнуренный народъ, блѣдный, худой; одежда на нихъ была самая плохая: какіе-то коротенькіе, старые поношеные чепаны чернаго домашняго сукна да куртки изъ шерсти вытканныя: полушубка ни на одномъ не было: на ногахъ лапти и онучи: шароваровъ не было, а только подштанники: на комъ шапка холодная, на комъ теплая, на бекрень: нѣкоторыя изъ нихъ были очень слабы. При разговорѣ, откуда они и куда идутъ—разсказали мнѣ, что они нижегородскіе, идутъ домой; послѣднюю ходку на суднѣ съ хлѣбомъ въ Астрахань сдѣлали изъ Саратова. У купца (не припомню и не разберу фамилію въ моихъ памятныхъ запискахъ вчернѣ написанныхъ) съ ними завязалось дѣло: онъ не додалъ имъ денегъ по условію, по 15 р. ассигнаціями по тогдашнему счету на брата. Дѣло доходило до губернатора. Губернаторъ, найдя ихъ жалобу справедливою, приказалъ имъ деньги отдать, посылалъ къ купцу полиціймейстера и частнаго пристава, но купецъ всетаки не отдавалъ. Потомъ чрезъ недѣлю опять всѣ пошли къ губернатору. „Такъ долго тянулъ насъ, все не отдавалъ: да уже насилу то отдалъ: только по рублю не додалъ на брата, сказавъ, что исхарчилъ много по нашей жалобѣ. А мы-то совсѣмъ исхарчились, недѣли три лишнихъ пробыли въ Астрахани. Теперь уже наши товарищи давно дома. Оставаться въ Астрахани на зиму побоялись, потому билеты просрочились, какъ-бы не посадили въ острогъ, да и дома-то нужно быть. Ушли съ весны и не знаемъ, что тамъ дѣлается. Добро бы бѣдный купецъ былъ, а то богатый, и прикащики то жалѣли насъ, да баютъ, что мы съ нимъ сдѣлаемъ: такой велѣлъ расчетъ сдѣлать, ну вѣстимо, дѣло все зависитъ отъ хозяина“.

Настоящимъ своимъ положеніемъ бурлаки встревожили меня. Я спросилъ ихъ: какъ же они дойдутъ въ такомъ плохомъ платьѣ и въ такую стужу до Нижняго. Они отвѣчали: „Намъ бы только добраться до большаго села или города, тамъ купимъ что-нибудь теплѣе: вѣдь все тепло было, только дня три больно завернуло, что ходу нѣтъ, такое ужъ насланіе Божіе“. Такъ какъ мой солдатъ, георгіевскій кавалеръ, былъ человѣкъ предусмотрительный и запасливый, то всегда возилъ съ собою боченокъ съ виномъ больше ведра: это у него были сливки: въ то время я простаго вина не пилъ: кто же приносилъ вина въ селахъ полуштофъ или меньше, то солдатъ немного выпивалъ, а остальное выливалъ въ боченокъ и такимъ образомъ накопилъ много

вина. Я спросилъ у него этотъ боченокъ и велѣлъ дать по небольшому стакану всѣмъ бывшимъ со мною въ землянкѣ бурлакамъ и караульнымъ. Хотя моего Игнатьева покоробило оттого, что онъ лишился своей собственности, но я увѣрилъ его, что куплю ему вмѣсто роспитаго. Судьба привела меня пробыть съ бурлаками полтора дня и ночевать двѣ почи.

4 числа, когда разсвѣло, я послалъ справиться стала-ли Волга и можно-ли пройти. Переводчики увѣрили, что можно безъ всякой опасности: но я долго не рѣшался на это: однако же они убѣдили меня. Полагаясь на ихъ опытность, я рѣшился идти, вызвалъ желающихъ, предложилъ имъ 10 рублей ассигнаціями (красненькую) и штофъ вина по приходѣ въ Царицынъ. Они съ радостью согласились: изъ нихъ два перевозчика знали хорошо мѣстность Волги: а шесть человѣкъ бурлаковъ согласились за мое къ нимъ вниманіе. Стали собираться. Они весь мой багажъ и все, что было со мною, уклали въ кошмы и увязали веревками. Съ одной стороны этихъ увязанныхъ кошмъ оставили длинные концы веревокъ. Вокругъ меня перевязали тоже веревку, оставивъ два конца довольно длинные: одинъ спереди, другой сзади, и пошли въ путь. Одинъ переводчикъ шелъ впередъ съ желѣзною пешнею, безпрерывно ею пробовалъ крѣпость льда, за нимъ три бурлака тащили за концы веревокъ свертокъ съ багажемъ, потомъ еще двое съ другимъ сверткомъ: за ними перевозчикъ держа одинъ конецъ веревки, которою я былъ перевязанъ; сзади меня шелъ бурлакъ съ другимъ концомъ веревки; а за нами солдатъ и мальчикъ Такимъ образомъ мы переходили на разстояніи 10 верстъ Волгу, только что установившуюся: вышли съ 7 часовъ утра, а пришли въ Царицынъ въ 10 часовъ. Когда подходили къ берегу, то много было народа, любопытствовавшаго на насъ, первыхъ приходцевъ изъ за Волги. Мѣстами глыбы льда стояли большими буграми. Перевозчикъ, удалой малый, ихъ обходилъ, равно и мѣста, занесенныя снѣгомъ, подъ ними могутъ быть трещины льда незамѣтныя: немудрено оступиться: перевозчикъ велъ по чистому прозрачному льду. Такимъ образомъ мы благополучно добрались до Царицына, не сдѣлавъ ни какой потери: а повозка осталась подъ сохраненіемъ перевозчиковъ. Провожатые остались вполнѣ мною довольны, а я—ими. Признаюсь, во время этого моего перехода чрезъ Волгу я былъ въ тревожномъ состояніи, никогда не ходя по Волгѣ и рѣдко переѣзжая ее на лошадяхъ. Въ часъ я уже былъ у именинницы, нашелъ много посѣтителей: при разговорѣ многіе удивлялись моей рѣшимости, видѣвши всю картину моей

переправы. Послѣ закуски я отправился въ квартиру, легъ спать и проспалъ часовъ до 9-ти. Вечеромъ опять былъ у именинницы. Часовъ до 3-хъ просидѣли гости. 5 декабря занялся отчетностью о своихъ дѣйствіяхъ для губернатора и казенной палаты, которую приготовлялъ цѣлый день и ночь, такъ что 6 декабря проспалъ обѣдню, совершавшуюся торжественно по случаю праздника святаго угодника Николая Чудотворца и тезоименитства Государя Императора. Все чиновничество было въ мундирахъ, многіе пріѣзжали ко мнѣ; а послѣ обѣдни самъ городничій-именинникъ, Н. В. Лишевичъ, злой полякъ, у котораго и жена и всѣ семейные были поляки. Онъ пріѣхалъ за мною и взялъ меня къ себѣ обѣдать. Отъ него часу въ 4-мъ пріѣхалъ я домой, отдохнулъ и въ 9 часовъ отправился опять къ нему на вечеръ, на которомъ было все царицынское благородное общество отъ перваго купца и до послѣдняго торгаша.

У поляковъ-католиковъ хотя нѣтъ обыкновенія праздновать свои имянины, но у городничаго не только его собственные, но и всѣхъ его семейныхъ праздновались болѣе для интереса, потому что весь торговый классъ, приходя съ поздравленіями, обязанъ былъ приносить подарки, если же кто не приносилъ, тотъ не былъ приглашаемъ на вечеръ. А это было совѣстно торгашу противу своего собрата, что онъ у городничаго, главнаго лица въ Царицынѣ, не участвовалъ на вечерѣ; участіе-же на вечерѣ торгашей состояло въ томъ, что въ какой-нибудь отдаленной комнатѣ, вмѣстѣ съ другими товарищами, они что нибудь попьютъ да поѣдятъ за принесенный подарокъ. Такой обычай продолжается и до нынѣ.

Отправивъ отчетность, отпраздновавъ имянины и простясь съ своими знакомыми, я уѣхалъ опять въ заволжье для окончанія своего порученія. Въ половинѣ декабря я получилъ изъ Саратова письмо, что Ф. Л. переведенъ въ Кіевъ, а на мѣсто его назначенъ А. И. Степановъ. Чтобы поблагодарить Переверзева за его ко мнѣ вниманіе и проститься съ нимъ, я послалъ донесеніе о дозволеніи мнѣ прибыть въ Саратовъ. Пока ходило это мое представленіе, я окончилъ по заволжскимъ селеніямъ всю ревизію и къ Рождеству переѣхалъ въ селенія, расположенныя по нагорной сторонѣ. Дѣло началъ съ села Караванки, гдѣ, въ ожиданіи изъ Саратова разрѣшенія, долженъ былъ прожить дней 8. Я не желалъ ѣхать ни въ Царицынъ, ни въ Дубовку, что бы не изпурять себя тамъ праздниками, разъѣздами въ гости на вечера; расчелъ лучше въ это время заняться отчетностію и отправить ее чрезъ караванскую почтовую станцію. Живя на довольѣ-

но удобной квартирѣ. я занимался днемъ повѣркою крестьянъ, а ночью составлялъ отчетность. Она была вообще довольно многосложная: надо было составлять отдѣльно по каждому селу: когда пріѣхалъ въ него, когда приступилъ къ повѣркѣ, когда кончилъ и что по моей ревизіи открылось; писаря, какъ дѣлаютъ другіе чиновники, я не нанималъ, а все работалъ одинъ: иногда цѣлыя ночи просиживалъ.

За день до Рождества Христова приходитъ ко мнѣ пожилыхъ лѣтъ женщина со слезами, и говоритъ, что мужъ ея подавился гвоздемъ, который, какъ она думала, должно быть остановился поперекъ горла, такъ что бѣдный больной не можетъ говорить. Не могу ли я чѣмъ нибудь ему помочь? Это случилось слѣдующимъ образомъ. Готовясь къ празднику Рождества, избу мыли и убирали. Мужчина, подавившійся гвоздемъ, устанавливалъ въ переднемъ углу образа и держалъ во рту небольшой гвоздикъ, побольше полувершка, возлѣ него стояла небольшая дочь его.—Онъ сказалъ ей: „подай мнѣ молотокъ". Въ это самое время гвоздь юркнулъ и остановился поперекъ горла: мужикъ захрипѣлъ и слегъ въ постель. Въ этотъ день часу въ 7 вечера проѣзжалъ чрезъ Караванку знакомый мнѣ царицынскій уѣздный докторъ П. И. Директорскій въ Камышинъ къ невѣстѣ своей. Услыхавъ, что я здѣсь, онъ остановился у меня на время, когда переложатъ лошадей. Я разсказалъ ему о случаѣ, происшедшемъ съ мужикомъ и просилъ, нельзя ли ему помочь. Онъ, хотя отзывался, что при немъ совершенно нѣтъ никакихъ средствъ, однако же, послалъ за женою больнаго. По приходѣ ея разспросилъ о здоровьѣ мужа ея; отправился къ больному, осмотрѣлъ его, велѣлъ напоить мятою, горло намылить и одѣть, какъ можно теплѣе, такъ чтобы произвести испарину. Распорядясь такимъ образомъ и сдѣлавъ какую-то микстуру изъ деревяннаго масла и давъ ее выпить больному, возвратился ко мнѣ, сказавъ семейнымъ больнаго, что часа черезъ полтора опять придетъ. Мы напились съ нимъ чаю, закусили и въ назначенное имъ время онъ опять собрался идти къ больному, пригласилъ меня и взялъ съ собою казака (въ Царицынѣ и Камышинѣ при чиновникахъ всегда находились казаки отъ Астраханскаго казачьяго войска, изъ казачьихъ станицъ въ Царицынскомъ уѣздѣ поселенныхъ: а въ Камышинѣ ихъ управленіе). По приходѣ, онъ опять осмотрѣлъ больнаго, который лежалъ весь размокшій отъ пота, сталъ съ нимъ говорить довольно строго, увѣряя его, что онъ притворяется и скинулъ съ него тулупъ. Больной лежалъ бокомъ, докторъ взялъ въ руки у казака бывшую плеть и ударилъ больнаго такъ сильно по ляшкѣ, что онъ встрепе-

нулся, вскочилъ, сѣлъ на лавкѣ и сказалъ: „Батюшки, прошелъ, прошелъ", и тутъ же сталъ говорить обыкновеннымъ голосомъ. Давъ совѣтъ ему и женѣ, чтобы поить его мятою и давать той микстуры, которую онъ составилъ изъ деревяннаго масла, докторъ и я возвратились ко мнѣ въ квартиру. Поужинавъ, докторъ ночью отправился въ Камышинъ. Онъ сказалъ мнѣ, что ему такими средствами пришлось другаго человѣка спасти, только съ тою разницею, что прежде женщина подавилась рыбною косточкою, и онъ ударилъ ее не плетью, а въ зашеину: отъ потрясенія, при внезапномъ ударѣ, кость прошла. На третій день Рождества мужикъ съ женою приходятъ ко мнѣ и, по обыкновенію, поклонившись мнѣ въ ноги, благодарятъ, что я уговорилъ доктора подать ему пособіе, а то померъ бы: горло и лицо уже опухли. Крестьянинъ былъ очень богатъ: у него было малолѣтнихъ трое дѣтей; онъ держалъ у себя пять работниковъ. Спустя нѣсколько времени, при свиданіи, докторъ разсказалъ мнѣ, что этотъ мужикъ пріѣзжалъ къ нему въ Царицынъ, подарилъ ему 100 рублей ассигнаціями, большую сумму по тому времени, за спасеніе его жизни и отвѣсилъ ему нѣсколько земныхъ поклоновъ.

На первый день Рождества пришелъ ко мнѣ священникъ съ причтомъ, съ крестомъ и святою водою. Я оставилъ ихъ у себя закусить. Священникъ, почтенный старикъ, Кинарейкинъ, сталъ извиняться, что когда я его приглашалъ съ метриками, его не было дома: уѣзжалъ съ требами въ другую деревню его прихода, за Волгой, и притомъ разсказалъ съ ужасомъ, что въ той деревнѣ по ночамъ ходитъ оборотень, который такъ напугалъ народъ, что боятся ночью на дворъ выйдти: даже очередные караульщики не идутъ въ караулъ. Оборотень ходитъ въ бѣломъ саванѣ, на равнѣ съ крышею: то хрюкаетъ по свинячьи, то коровой реветъ, то лаетъ по собачьи и воетъ. За нимъ всѣ собаки по всему селу воютъ. Съ такимъ страхомъ и ужасомъ разсказывалъ это священникъ, что всякаго простолюдина въ трепетъ приводилъ. Я смѣтилъ, что это шалости молодыхъ людей. Въ то время въ Царицынскомъ заволжьѣ была партія московскихъ землемѣровъ межевой канцеляріи, которые приводили въ извѣстность земли. Я съ ними при разъѣздахъ по селамъ познакомился. Они мнѣ разсказывали о простотѣ, добродушіи и суевѣріи крестьянъ, которыхъ можно было увѣрить, что въ скрипкѣ, на которой они играли, сидитъ чертъ и распѣваетъ разными голосами: въ особенности женскій полъ вѣрилъ всему вообще.